ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ
(Серия 1-я, вып. 25)

Н. Недасек

Большевизм
в революционном движении Белоруссии

Введение в историю большевизма в Белоруссии

Мюнхен
1956

Herausgeber und Verlag: Institut zur Erforschung der UdSSR e. V., München 37, Schließf. 5, Germany. — Verantwortlicher Redakteur: Dr. St. Stankievič, München 2, Augustenstr. 46, Telefon 58127

Druck: Buchdruckerei „Logos“, München 8, Rosenheimer Straße 46/a.

Institute for the Study of the USSR

N. Nedasek

Bolshevism in the Revolutionary Movement of Belorussia

Institut zur Erforschung der UdSSR

N. Nedasek

Der Bolschewismus innerhalb der Revolutionsbewegung in Weissruthenien

---

Institut d'études sur l'URSS

N. Nedasek

Le bolchévisme dans le mouvement révolutionnaire en Biélorussie

München
1956

Несколько вступительных замечаний

До сих пор большевизм описывался и изучался исторически главным образом лишь в своей ведущей, «генеральной» линии, в самом, выражаясь фигурально, гребне своего течения, непосредственно определяемом руководящим центром большевистской партии. В силу принципа строгой централизации или, шире говоря, железного тоталитаризма, как наиболее определяющего и неотъемлемого принципа всей структуры большевизма и его партии. Такое изучение вполне себя оправдывало и оправдывает, поскольку в данных условиях всякие периферийные и локальные ответвления течения не могут решающим (а иногда даже и просто лишь ощутительным) образом влиять на тот его «гребень» центральной «генеральной» линии, всецело ему подчиняясь, а чаще всего, из него же и проистекая. Однако, при всем этом, упомянутые ответвления не могут рассматриваться и как совершенно лишенные своей индивидуальности, во всяком случае, как ограниченные в проявлении ее на всем протяжении истории большевизма в одинаковой степени, а более близкое ознакомление с ними, даже довольно поверхностное, почти сразу же показывает интересующемуся, что в этой, пусть и ограниченной, индивидуальности порою весьма легко можно найти ключ к пониманию многих и многих особенностей самой ведущей «генеральной» линии. Так, зачастую вопрос о подлинном характере того или иного политического хода, предпринимаемого «центром», в смысле принципиальной или всего лишь тактической (а иногда лишь пропагандной) обусловленности этого хода, его теоретической проецируемости или практической вынужденности, искренности или фальшивости отношения к нему, органичности его для самой сущности течения — можно разрешить окончательно лишь на основании наблюдений над осуществлением такого предприятия «центра» периферией, «местами». С другой стороны, реакция «центра» на ту или иную инициативу «мест» также бывает порой весьма красноречивой и разоблачающей подлинную сущность и характер всего течения. Подлинное, по тем или иным соображениям, скрываемое или даже подавляемое «гребнем» течение, очень часто всплывает на поверхность на его периферии и лишь там становится доступным наблюдению и изучению.

Поэтому, наряду с изучением «генеральной» линии и классической, так сказать, формы большевизма большую важность — и для целей этого изучения прежде всего — должно получить и несколько игнорируемое до сих пор исследование «большевизма на местах», т. е. на контролируемых или пока лишь инфильтрируемых им территориях. В отношении последних, т. е. находящихся по эту сторону так наз. «железного занавеса» территорий,

уже кое-что сделано и делается — исторические работы о «заграничных компартиях» начали появляться уже давно и появляются все чаще и чаще, так как и выполнение таких работ в условиях нахождения их объектов в свободном для исследования мире не представляет собой большой трудности, и самые результаты их, в качестве материалов для изучения подлинной сущности единого мирового большевистского центра, представляют (по крайней мере, внешне) не малый интерес в силу тех же условий, не столь стесняющих проявления индивидуальности заграничных местных большевизмов. Зато ничего почти не сделано для изучения большевизма на территориях, так сказать, издавна им контролируемых, — для изучения большевизма так наз. «нацкомпартий», согласно обиходной большевистской терминологии, — дела, гораздо более трудного по условиям своего выполнения, но по возможным даже в таких условиях результатам — вовсе не мало обещающего для тех же общих целей, в чем глубоко убежден и автор настоящей работы, предпринятой в данном разрезе, убежден в качестве человека, лично пережившего и понявшего сущность большевизма в процессе наблюдения и столкновения как раз с одним из периферийных ответвлений этого течения, на историческое исследование которого, в пределах объектывных и субъективных возможностей, здесь и предъявляются скромные претензии.

Предлагаемый вслед за этим благосклонному вниманию критиков и исследователей, опыт введения в историю большевизма в Белоруссии должен явиться началом первой общей и сводной работы на данную тему. Хотя до сих пор появилось немало различных размеров и качества исследований отдельных моментов и даже целых периодов исторического развития большевизма в Белоруссии, — работ, критически обобщающих и сводящих результаты этих исследований, по крайней мере, насколько известно автору настоящих строк, вовсе не было. Правда, в двадцатых годах появилась (повидимому, весьма скромных размеров) брошюра видного в Белоруссии большевистского деятеля, неоднократно бывшего первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, В. Кнорина — «Пять лет КП(б)Б» с подзаголовком: «Краткий конспект истории КП(б)Б», но она быстро (во всяком случае, к 1928 г.) разошлась и вряд ли может быть найдена в какой-либо из библиотек вне Советского Союза[1]; кроме того, судя по заглавию, Кнориным был охвачен лишь небольшой отрезок истории большевизма в Белоруссии. Состоявшийся в январе 1925 года пленум ЦК КП(б)Б в специальном последнем пункте одной из своих резолюций, озаглавленном: «Издание истории КП(б)Б и БССР», постановил: «Обязать Бюро ЦК КП(б)Б организовать издание истории партии и советской власти в Белоруссии»[2], но насколько известно, постановление это, по крайней мере, в части истории КП(б)Б, до сих пор так и не выполнено и, конечно, совершенно уже забыто даже... Помешала (и мешает) его выполнению не только бурная текучесть жизни, людей, обязательных оценок и «установок» в Советской Белоруссии, но и (и, по-нашему, главным образом) опасная для обнаружения подлинной сущности большевизма специфика истории его

[1] Во всяком случае, в такой богатой другими материалами по данному вопросу библиотеке, как New York Public Library, ее нет. Единственным свидетельством о ее существовании является упоминание о ней (с ремаркой: «распродана») на обложке изданных в Минске в 1928 г. «Очерков по истории революционного движення в Белоруссии» С. Агурского.

[2] См. эту резолюцию в сборнике «Нацыянальнае пытаньне», составленном Ш. А. Будзиным, Минск, 1932, стр. 270.

периферийного ответвления, в данном случае, ответвления, действовавшего в Белоруссии, о чем уже говорилось выше. Да и вообще, беспрепятственное и успешное выполнение подобной работы, особенно в настоящее время, мыслимо лишь в условиях свободного, небольшевистского мира, где, однако, оно также еще предпринято никем не было и осуществляется здесь впервые.

Прежде, чем перейти к изложению результатов этого предприятия, придется сразу же несколько оговорить один момент, имеющий внешне, формально как будто бы лишь чисто техническое, терминологическое значение, но не лишенный и принципиальной стороны. Дело в том, что в настоящей работе везде, с самого ее начала и даже заглавия, для обозначения исследуемого в ней явления употребляется термин «большевизм» предпочтительно перед всеми другими находящимися в обращении терминами, как-то «коммунизм», «марксизм» и др. Основанием для такого словоупотребления полагается то обстоятельство, что термин этот представляет собою подлинное, так сказать «имя собственное» (или, может быть, лучше — по-английски — «last name») данного явления, принадлежавшее ему и только ему от самого его оформления, тогда как все другие термины представляют собою нечто вроде «first» или «middle names» его и имели, да и имеют, и других носителей и претендентов, как, напр., «коммунизм», «марксизм»[3], даже «ленинизм»[4]. Тот факт, что в силу постановления XIX съезда ВКП(б), большевизм как бы начинает отрекаться от этого своего «имени собственного», во-первых, ничего не меняет по отношению ко времени, предшествующему этому постановлению (т. е. практически, по отношению ко всей почти истории большевизма с точки зрения сегодняшнего момента), а, во-вторых, отражает собою акт чисто субъективный и односторонний, ни к чему не обязывающий объективного исследователя.

Как известно, большевизм под этим своим «именем собственным» возник в лоне российского социал-демократического движения, как одно из его фракционних течений. Сама большевистская партия начала свое существование в качестве фракции большинства — «большевиков», появившейся в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в результате происшедшего на ее II съезде, в 1903 г., раскола и продолжительное время поддерживала внутрипартийные отношения с другими фракциями этой же партии, то ослабляя их и доводя почти до разрыва (как, например, на сепаратном чисто большевистском III съезде в 1905 году), то, наоборот, сближая и укрепляя (как на IV «объединительном» съезде в 1906 г., а также на V в 1907 г.), пока, наконец, на VI Пражской конференции в 1912 году, не оформилась, по выражению канонизированного сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», «в самостоятельную марксистскую партию», продолжая, однако, формально называться попрежнему вплоть до VII своего съезда в 1918 г., да и после него, до самого последнего XIX съезда в 1952 г., сохраняя, так сказать, «родимое пятно» своего фракционного происхождения в виде удержанного в скобках

[3] Термин «марксизм» предпочтительнее перед всеми другими употреблялся нацистскими социологами и публицистами, старавшимися таким словоупотреблением подчеркнуть выпячиваемый ими момент «мирового еврейства» в большевизме и сознательно сваливаемых с ним в одну кучу всех прочих социалистических течениях, так или иначе причастных к имени не называемого нацистами иначе, как «Мордухаем», Карла Маркса.

[4] На этот термин претендуют и сторонники Л. Д. Троцкого, и соратники отпавшего от «генеральной линии» и сталинского руководства югославского диктатора Тито.

своего, как мы недавно выразились, имени собственного — «большевиков». Таким образом история большевизма вообще тесно связана с историей социал-демократического движения в продолжении значительного периода времени, а начальный отрезок этого периода до первого оформления большевизма представляет собою его непосредственную, ближайшую предисторию. При этом последняя вовсе не является чем-то внешним по отношению к следующей за ней собственной истории большевизма, так как и сам этот большевизм не вошел в социал-демократическое движение извне или со стороны, а возник именно в лоне этого движения, продолжая и развивая известные тенденции, проявлявшиеся, а иногда в большей или меньшей степени оформлявшиеся там задолго еще до его возникновения под своим «собственным именем». Поэтому и историю большевизма следует, собственно говоря, начинать с истории социал-демократического движения, как с предисторического вступления в нее. Применение такого подхода к истории большевизма в Белоруссии, как увидим в дальнейшем, оказывается особенно благодарным, так как позволяет вскрыть и показать некоторые явления, весьма характерные и для собственной истории большевизма вообще.

Такое предисторическое вступление и дается в первой части настоящей работы, рассматривающей добольшевистское социал-демократическое движение в Белоруссии; вторая часть представляет рассмотрение уже первого периода собственной истории большевизма в Белоруссии, периода дореволюционного большевизма. Но и этот период, в течение которого большевизм остается еще полностью в рамках революционного движения, представляет собою также лишь вступительный период по отношению к дальнейшей, уже, так сказать, «большой истории», в которую большевизм входит лишь после революции 1917 г. Таким образом настоящая работа, излагающая историю большевизма в Белоруссии до этого последнего момента революции 1917 г., в рамках революционного движения, дает введение в историю большевизма в нашем крае, что и обозначено в ее подзаголовке.

Непосредственным продолжением настоящей работы являются начатые тем же автором «Очерки истории большевизма в Белоруссии», первый выпуск которых уже издан Институтом по изучению истории и культуры СССР[5], по случайным обстоятельствам чисто издательского порядка опередив собою выход данного издания.

Автор считает своим приятным долгом выразить свою глубочайшую признательность прежде всего бывшей Research Program on the USSR, особенно в лице ее руководителей — проф. Ф. Мозли и А. Д. Даллина — за обеспечение стипендией во время работы над данной темой, Институту по изучению СССР — за обеспечение возможности окончания и напечатания работы, Б. И. Николаевскому — за ряд критических указаний и любезное предоставление в пользование некоторых материалов из его личной библиотеки, и Ю. А. Камермахер — за благожелательную помощь при оформлении рукописи.

---

[5] Н. Недасек. Очерки истории большевизма в Белоруссии. I. Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией, Мюнхен, 1954.

ЧАСТЬ I

Добольшевистское социал-демократическое движение в Белоруссии

(Последние десятилетия XIX века)

Социал-демократическое движение пришло на территорию Белоруссии, да и всей бывшей Российской империи вообще, несомненно, с Запада, где оно возникло и развилось до своих классических форм, особенно в Германии. Правда, сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» всячески старается затушевать эту западную генеалогию предка большевизма, но и он, конечно, не может обойти молчанием, по крайней мере, определяющие фигуры «великих учителей пролетариата, Маркса и Энгельса», хотя и избегая связывать их имена с именем из их же «великого учения» возникшей социалдемократии. Не останавливается он также и на освещении тех путей, по которым идеи «учителей пролетариата» проникали на территорию Российской империи, вступая на нее вовсе не в одном (и при том центральном) месте, как создается впечатление на основании изложенного в «Кратком курсе», а в разных местах — и одновременно, и в разное время, да и из разных отправных пунктов по разным, так сказать, маршрутам. Главным путем проникновения этих идей был, конечно, путь распространения их, фигурально выражаясь, «по воздуху», путь заимствования их интеллигентными умами из печатных источников при ознакомлении с последними, чаще всего, во время пребывания за границами империи, пребывания, преимущественно, вынужденного, эмигрантского, и транспортирования заимствованного таким образом идейного багажа на родину по легальным и нелегальным каналам для дальнейшего продвижения в жизнь уже там, продвижения опять-таки, легального или нелегального. Но наряду с этим главным путем существовал также и другой путь распространения идей (и, притом, в данном случае уже не столько в их чистом виде, а в перешедших в движение, зачастую даже уже организационно оформленых и воплощенных конкретных формах), так сказать, «по земле», посредством прямого общения с самой рядовой массой, принимающей участие в возникшем из этих идей движении. Этот путь, как увидим ниже в своем месте, был доступен лишь непосредственно граничащим с Западом частям Российской империи, конкретно — Польше, а также, через нее — и не порвавшей традиционных и просто соседских связей с ней Белоруссии, хотя, конечно, уже не столь непосредственно и далеко не в той степени.

© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

Тем или иным путем проникая на ту или иную территорию, социал-демократические идеи и формы движения могли удержаться и развиваться, конечно, лишь там, где для этого была подходящая почва и лишь настолько, насколько эта почва оказывалась благодарной для их развития. Поэтому нам и следует прежде всего заняться вопросом о наличии и благодарности такой почвы для развития социал-демократического движения в Белоруссии.

I

ПОЧВА ДЛЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ

Если присмотреться к действительности Белоруссии XIX века поближе, то сразу же нетрудно заметить, что вся она представляла собой, с первого взгляда весьма благодарную, почву для развития революционного движения вообще, как такового. Один из рецензентов одной из наиболее полных работ по истории революционного движения в Белоруссии[6] весьма удачно формулировал это первое наблюдение, внушаемое каждому при ознакомлении с положением в Белоруссии того времени: «В Белоруссии мы имеем такой сгусток экономического, политического и национального гнета, такие исключительные даже для бесправной царской России условия»... Следует, однако, не останавливаясь на первом наблюдении и впечатлении, постараться розобраться конкретно во всех особенностях этого характерного для Белоруссии XIX века «сгустка гнета» с точки зрения поставленного выше тезиса почвы для революционного движения в ней.

Экономический гнет по отношению к основной массе населения Белоруссии в XIX в. — белорусскому крестьянству — на всем продолжении этого времени сохраняет форму уже давно и прочно установившегося здесь помещичьего гнета. Известная реформа отмены крепостного права в 1861 году не внесла никаких существенных изменений в этом отношении. По данным, представленным в классической работе по народному хозяйству Белоруссии проф. М. Довнар-Запольского[7], помещичье землевладение подавляло здесь землевладение крестьянское прямо-таки ошеломляющим образом, причем в некоторых местах размеры его даже возрастали, тогда как соответствующие показатели для крестьянского землевладения росли весьма медленно. Так, например, в 1877 году помещичье землевладение выражалось для Виленской губернии цифрой 94,1%, а крестьянское — всего лишь 3,5%, для Минской губ. соответственно имеем цифры 93,1% и 1,2%, для Могилевской — 89,4% и 3,3%, для Гродненской — 86,4% и 3,3% для Витебской — 83,5% и 2,6%, для Смоленской — 79,8% и 6,1%. В продолжении 10 лет, к 1887 году, в Минской губ. помещичье землевладение даже несколько выросло — до 93,4%, тогда как крестьянское выросло весьма незначительно — до 1,4%. Такая крайняя диспропорция между помещичьим и крестьянским землевладением оборачивалась для крестьянства жесткой зависимостью и жестокой эксплуатацией со стороны помещичьего класса.

Не легче было и экономическое положение другой крупной группы населения Белоруссии — белорусского еврейства, составлявшего основную массу жителей городов и местечек и лишенного даже права заниматься земледелием, а обреченного на жестокую борьбу за существование в области не имевших в условиях места и времени никаких широких перспектив мелкого ремесла и торговли. В результате к 90-м годам XIX ст. пауперизация в этой группе населения достигла таких размеров, что 19% всего белорусского еврейства составляли нищие.[8]

В дополнение к такому экономическому и из него проистекавшему социальному гнету основных групп населения Белоруссии они испытывали и постоянное угнетение в национальном отношении. «То, что было не русское, — пишет один из исследователей «белорусского вопроса», Е. Канчер[9], — травилось, подвергалось гонениям и искоренениям. Травились евреи, литовцы, поляки... Травились белорусы, когда они называли себя белорусами». «Белорусы, евреи, поляки и другие национальные меньшинства, — еще более конкретизирует данное положение другой исследователь, С. Агурский[10], — были царским правительством лишены права пользоваться своим родным языком, всякая попытка со стороны этих национальностей к развитию своей культуры подавлялась в самом зародыше, насильственными мерами среди белорусов и поляков проводилась русификация».

К национальному угнетению тесно примыкала и переплеталась с ним и дискриминация на религиозной почве, правда, несколько не столь всеобъемлющая в смысле охватываемых ею групп населения. «Православные, — пишет только что цитированный нами Е. Канчер[11], — и определенно ориентирующиеся в сторону России получали льготы, привилегии, тогда как католики и сторонники Польши стали притесняться во всем», и в другом месте: «Религиозная политика болезненно сказалась на той части трудового крестьянского народа, которая приняла католичество... Эта часть крестьянства была взята под подозрение, оскорблялась и унижалась. Естественно она обратила свое лицо в сторону Польши и стала ждать от последней поддержки».[12] К последним двум суждениям Канчера следует сделать два существенных дополнения. Во-первых, дискриминация по отношению к белорусам-католикам не ограничивалась «подозрениями, оскорблениями и унижениями», а принимала и весьма конкретные формы в виде официального запрещения им занимать государственные должности, быть учителями, распоряжаться религиозной принадлежностью своих детей при смешанных браках и т. п. Во-вторых, «обращение лица в сторону Польши»

---

[6] См. рецензию М. Эссена на «Очерки по истории революционного движения в Белоруссии» С. Агурского (Минск, 1928) в журнале «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 208.

[7] См. проф. М. Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии (1861—1914 гг.), Минск, 1926, стр. 33. Ср. С. Агурский. Очерки революционного движения в Белоруссии (1863—1917), Минск, 1928, стр. 7.

[8] См. Вольфсон. Социально-экономические корни Бунда. Большая Советская Энциклопедия, первое издание, том 8, стр. 103. Ср. С. Агурский, op. cit., стр. 11.

[9] Е. Канчер. Белорусский вопрос. Сборник статей, Петроград, 1919, стр. 19.

[10] С. Агурский, op. cit., стр. 14.

[11] Е. Канчер, op. cit., стр. 18.

[12] Там же, стр. 20. Из многочисленных (и в основном однотипных) высказываний по вопросу о национальной и религиозной дискриминации мы специально приводим принадлежащие Е. Канчеру, т. к. этот автор, выступая в своей работе горячим сторонником «ориентации в сторону России» и таким же противником как белорусов-«независимцев», так и большевиков менее всего может быть заподозрен в тенденциозности.

белорусами-католиками, часто сопровождавшееся их, так сказать, «самополонизацией», навлекало на них новые гонения и преследования со стороны власти; по наблюдениям одного из известных вождей российской социал-демократии, Л. Мартова, в молодости прожившего несколько лет в одном из городов Белоруссии, полонизированные или полонизирующиеся белорусы-католики «представляли специальный объект обрусительной политики».[13]

Но религиозная дискриминация касалась не одних только белорусов-католиков, не столь уж многочисленной группы населения Белоруссии, составлявшей в среднем несколько больше 1/4 части всего ее населения (хотя, в некоторых губерниях, как, напр., Виленской, доходившей, скажем, в 1877 г., до 63,2%).[14] В сущности, главным мотивом той чудовищной и, можно сказать, всеобъемлющей дискриминации, которой подвергалось еврейство не только в Белоруссии, а и во всей Российской империи, был также мотив религиозный. Именно этим мотивом предрешалось то угнетение евреев, полную картину которого набрасывает в неоднократно уже цитированном нами своем труде С. Агурский: «Сильнее всех угнетались евреи. Для них была установлена „черта оседлости”, за пределами которой они не имели „права жительства” (за исключением крупных еврейских буржуа). Для евреев была установлена процентная норма при приеме в учебные заведения и им было запрещено заниматься земледелием и работать в государственных учреждениях. По отношению к ним существовал целый ряд других законоположений, осуждавших их на нищету и вечные лишения».[15] Тот факт, что все эти ограничения автоматически снимались, лишь только еврей оставлял свое «иудейское вероисповедание» и переходил в господствующую православную религию (но только лишь в эту религию), достаточно подтверждает наше положение о религиозном мотиве, как определяющем в случае всей дискриминации еврейства.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы религиозная дискриминация по отношению, особенно, к белорусам-католикам, не затрагивала совершенно белорусов-православных, хотя бы и косвенно: при большом количестве смешанных браков в Белоруссии, а также и просто в силу естественного чувства национального единства, это ущемление переживалось некоторым образом и в некоторых размерах и белорусами-православными. Однако для белорусов-католиков, а также — и даже особенно — для евреев, религиозная дискриминация была той последней каплей, которая переполняла чашу их страданий от угнетения экономического, социального и национального. Не удивительно поэтому, что именно эти две группы населения Белоруссии — белорусы-католики и евреи — представляли наиболее благодарную почву для революционного движения, что именно отсюда рекрутировались и наиболее активные и самоотверженные революционеры, на всю Россию, а иногда и на весь мир гремевшие и прогремевшие, как, напр., заслуживший ореол белорусского национального героя, народный вождь повстанческого движения 1863 г. Константин (Кастусь) Калиновский, или убивший бомбой царя Александра II и сам от этой бомбы погибший Игнатий Гриневецкий[16], или руководитель террористической фракции «Народной Воли» в Петербурге в 1886 г. Иосиф Лукашевич, или убивший министра просвещения Боголепова студент Петр Карпович — все белорусы-католики, а также Геся Гельфман, участница того же покушения на Александра II, Арон Зунделевич, участники цюрихского кружка террористов 1887 г. Исаак Демба, Соня Гинзбург, известный виленский террорист Гирш Лекерт — все белорусские евреи.[17] Но белорусы-католики и белорусские евреи поставляли не только таких выдающихся единоличных борцов всероссийскому революционному движению, а выделяли из себя также и основные контингенты массовых, рядовых участников для такого же движения уже в самой Белоруссии. В качестве одного из приложений к цитированной нами работе Агурского, перепечатанный им из «Ведомости дознаниям, производившимся в жандармских управлениях по государственным преступлениям за 1897 год» (Санкт-Петербург, Типография Министерства Внутренних Дел, 1902 г.) — «Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1897 год» — содержит интересный «Список обвиняемых по дознаниям, изложенным в обзоре» по Виленскому Губернскому Жандармскому Управлению[18], позволяющий сделать некоторые наблюдения для иллюстрации только что выдвинутого нами положения, так как в нем, в отличие от других подобных списков, всегда отмечается вероисповедание привлекавшихся за участие в революционном движении лиц. Если подсчитать по этому списку, содержащему в итоге 116 фамилий, количество носителей их по вероисповеданиям, то для католического получим цифру 68[19] (т. е. 58,6% к общему числу), для иудейского — 39[20] ((33,6%), для православного — 8 (6,9%) и для лютеранского — 1 (0,9%). Если же сопоставить теперь полученные нами процентные показатели с такими же показателями, характеризующими состав всего населения по вероисповеданиям в той же Виленской губернии и в том же 1897 году[21], то окажется, что процент католиков в революционном движении почти совпадает с общим процентом их в населении (58,8%), процент евреев («иудеев») в революционном движении превышает, почти вдвое, процент их в населении (19,9%), а процент православных в революционном движении ниже процента их в населении (27,7%) чуть ли не в 4 раза, — цифры, как будто бы достаточно показательные и убедительные.

Мы несколько дольше задержались на освещении вопроса о религиозном угнетении в Белоруссии XIX в. и его значении для занимающего нас здесь

---

[13] Л. Мартов. Записки социал-демократа, книга I, «Летопись революции», № 4, Берлин-Петроград-Москва, 1922, стр. 170.

[14] Проф. М. Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии, Минск, 1926, стр. 27.

[15] С. Агурский. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии, Минск, 1928, стр. 14.

[16] См. его биографию в № 1 издававшегося в 1882 г. в Лондоне журнальчика русских «народовольцев» — «На родине» (стр. 21—51). Здесь даются сведения не только о происхождении Гриневецкого из Белоруссии (стр. 42—43), но и о его сознательном отличии себя от поляков (стр. 41), а также о не покидавшей его до конца искренней и глубокой католической религиозности (стр. 44) — черта, совершенно не вяжущаяся с традиционным представлением о террористах того времени, как об атеистах-«нигилистах».

[17] См. Агурский, op. cit., стр. 26, 28, а также — Я. Дыла. Сацыялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь» под редакцией А. Сташевского, З. Жылуновича и У. Игнатовского, Минск, 1924, стр. 125.

[18] См. Агурский, op. cit., стр. 267—271.

[19] В трех случаях в списке вероисповедание не отмечено, так как эти обвиняемые еще не были разысканы полицией, но его можно безошибочно определить по именам разыскивавшихся, исключительно католическим (Рымкевич **Казимир**, **Трусевич Станислав Станиславов** — 2 раза).

[20] В трех случаях «разыскиваемых» вероисповедание также устанавливается по именам (Барбуль **Элиаш Ицков**, Минскер **Нафталий**, Зеликович **Янкель**).

[21] Показатели эти берутся из той же книги проф. М. Довнар-Запольского Народное хозяйство Белоруссии, Минск, 1926, стр. 27.

выяснения возможной почвы для развития революционного движения в этом крае, так как до сих пор момент этот почти совершенно не привлекал к себе надлежащего внимания со стороны исследователей. Между тем, момент этот, являясь завершающим в том «сгустке гнета», которым характеризуется положение в Белоруссии в XIX в., в то же время представляет собою как раз исходный момент для оформления истоков и основных течений, по которым направлялось все революционное движение на рассматриваемом нами отрезке времени и территории, в том числе и специально интересующее нас движение социал-демократическое. Однако, к вопросу о последнем мы еще не достаточно близко подошли, чтобы заняться его историей уже непосредственно — для этого следует возвратиться еще на некоторое время к основному занимающему нас пока моменту почвы для революционного движения в Белоруссии XIX века, хотя уже и суживая его до вопроса о почве для движения социал-демократического.

Предыдущее изложение дает нам, как будто бы, достаточно оснований, чтобы разрешить в положительном смысле поставленный в начале его вопрос о наличии и благодарности почвы для развития революционного движения в Белоруссии в XIX в. Однако, как и всегда, когда дело касается почвы для чего-нибудь, одного момента наличия и благодарности ее недостаточно для полноты суждения о том, что на этой почве может произрасти и произрастает. Вопросы обработки почвы, систем и методов этой обработки, возможности и эффективности их применения тотчас же всплывают в таком случае. Всплывают они и по отношению нашего конкретного случая почвы для революционного движения. Всплывали и даже остро стояли они в свое время и перед революционным движением в условиях Российской империи вообще, и на этом пути как раз в движение это и вошел метод марксистский, оформивший в нем особое социал-демократическое течение, ближе интересующее нас здесь. Упоминавшийся уже нами Л. Мартов в своей «Истории российской социал-демократии»[22] в самом начале делает очень верное наблюдение, как вопрос о «причинах неуспеха русского революционного дела», как он выражается, приводил революционеров к поискам более успешных, эффективных методов революционной работы и в процессе этих поисков сталкивал их с особенно модным в то время на Западе методом марксистским, методом социал-демократии. Наукообразие же этого метода, выдаваемое и вовсе за научность (определение «научный социализм» и до сих пор ему почти неизменно сопутствует), не могло не импонировать и не вызывать заинтересованности, а то и увлечения этим методом и построенным на нем социал-демократическим движением. Так случилось и по отношению к Белоруссии и развивавшемуся на ее благодарной для этого почве революционному движению. Но теперь уже можно и следует вплотную подойти к вопросу — оказывалась ли, так сказать, революционная почва Белоруссии благодарной и для культивации на ней именно этого конкретного метода, метода марксистского, разворачивавшегося в социал-демократическое движение?

С первого взгляда ответ на этот вопрос кажется, во всяком случае, весьма близким к отрицательному: ведь, теоретически, фундаментом для социал-демократического движения должно быть наличие и развитие промышленности, порождающее промышленный пролетариат, на который и опирается

[22] См. Л. Мартов. История российской социал-демократии, изд. «Книга», Москва-Петроград, 1922, стр. 10.

социал-демократия, а этого-то в Белоруссии почти не было, да и не только в XIX веке... «В конце шестидесятых и даже в семидесятых годах, — констатирует С. Агурский, — промышленности в Белорусси почти не было. Производство находилось целиком в руках ремесленников, работавших большей частью по заказу потребителей, реже — для торговцев и лишь в виде исключения — непосредственно на рынок».[23] А белорусский экономист А. Смолич в своей работе «Экономічнае становішча Беларусі перад вайной і рэволюцыяй»[24], даже для конца рассматриваемого им времени, дает цифры наличия всего лишь 13 тысяч промышленных предприятий (и то, преимущественно, мелких, а порою и весьма мелких) и занятых в них 105 тыс. рабочих — для более чем 20-миллионного населения края к тому времени количество весьма скромное...

Однако при более углубленном подходе к данному вопросу обнаруживаются некоторые обстоятельства весьма немаловажного значения. Во-первых, при сравнительно скромных количественых конечных достижениях обращает на себя внимание самый темп роста промышленности и пролетариата в Белоруссии. Уже только что приведенные данные могут дать общее представление об интенсивности этого темпа. Работа же белорусского экономиста и историка А. Цвикевича — «Характэрыстыка становішча Беларусі ў 80—90 гг.»[25] сообщает интересные данные о темпе этого роста в период его наибольшей интенсивности, который приходится на 80—90 гг. XIX в. Оказывается, что за время с 1866 по 1897 г. количество рабочих в Белоруссии возросло с 23 тысяч до 56 тысяч[26], а сумма производства с 19 мил. рублей до 60 мил., т. е. в 3 раза. Такие интенсивные темпы роста промышленности и пролетариата развертывали положительную перспективу перед теми слоями населения Белоруссии, которые силой экономического развития выталкивались в направлении пролетаризации и становились уже потенциальным пролетариатом, пролетарскими резервами. Рост же этих резервов происходил в еще более быстром темпе, чем рост промышленности. С. Агурский констатирует, что «по переписи населения 1897 г. избыток рабочей силы в деревнях Белоруссии достигал 46% всего населения»[27], а А. Смолич оценивает «потенциальный пролетариат» в Белоруссии в обозреваемом им периоде времени цифрой в 2 миллиона человек, что, по его словам, могло бы составить «могущественный пролетарский класс».[28] Правда, в своем большинстве этот потенциальный пролетариат, не находя себе места в отечественной промышленности, вынужден был эмигрировать, главным образом, в Америку[29], но его беспрерывное становление все же расширяло,

[23] С. Агурский, op. cit. стр. 10.
[24] См. сборник «Беларусь», под редакцией А. Сташевского, З. Жылуновича, У. Игнатовского при помощи А. Смолича, С. Некрашевича и Я. Пятровича, Минск, 1924, стр. 58.
[25] См. белорусский журнал «Полымя», книга 5, 1929, стр. 118.
[26] В тексте журнала «Полымя» здесь явная опечатка — 560 тысяч, которую и исправляем.
[27] С. Агурский, op. cit., стр. 9.
[28] А. Смолiч, op. cit., стр. 55.
[29] А. Смолич, «рискуя ошибиться» оценивает количество эмигрировавших в Америку в 300—500 тыс. чел. (op. cit., стр. 54). Цитированный уже нами белорусский исследователь Я. Дыла пишет по данному вопросу: «Спасаясь от очевидного физического вымирания, еврейское ремесленничество, а также полупролетаризированная мелкая буржуазия бросилась в эмиграцию в Америку (Соед. Штаты, Канада), показав за собою путь даже и белорусскому крестьянину» и оценивает «по послендим сведениям» цифру белорусов-эмигрантов в Америке «около миллиона человек», op. cit., стр. 125.

© PDF: Kamunikat.org 2019

© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

хотя и текучую, базу для возможностей и успешности развития социал-демократического движения.

С другой стороны, следует отметить, что в Белоруссии совершенно не было базы для той борьбы социал-демократического и «народнического» течений революционного движения, которая так задерживала продвижение социал-демократии в так наз. «коренной России». Общеизвестен факт, что в Белоруссии никогда не существовало общины, представлявшей собою главный идеал русского «народничества» — на этот факт неоднократно обращалось внимание с разных сторон.[30] А в силу этого факта и сама положительная программа русского народничества, базировавшаяся на том идеале общины, не могла найти себе сторонников в Белоруссии, и единственным привлекательным моментом народничества здесь оказывалась лишь его отрицательная программа, главным пунктом которой был политический индивидуальный террор. Этот момент и привлекал отдельных революционно настроенных белорусов, имена наиболее выдающихся из которых были названы нами несколько выше, но и этих деятелей нельзя назвать народниками, а их кружки — народническими в полном смысле слова, на что обратил внимание один из исследователей белорусского революционного движения, Я. Витковский, нашедший возможным пользоваться здесь лишь такими терминами, как «революционеры», «революционные кружки».[31] Совершенно аналогичное положение было и в соседней с Белоруссией Польше, также никогда не знавшей общины, и один из исследователей истории компартии в Польше, С. Бобинский, специально подчеркивает, что «русские влияния оказались однако в то время (т. е. в XIX веке. Н. Н.) слабее западноевропейских благодаря тому, что социальное содержание русского бакунизма и народничества для Польши не годилось».[32] Правда, находились и из белорусов отдельные энтузиасты, проникавшиеся русским народничеством настолько, что пытались даже насаждать общину искусственно в Белоруссии, но эти попытки не имели никакого успеха[33], как не имело успеха и «хождение в народ», для которого даже молодые энтузиасты-народники, действовавшие в Белоруссии, предпочитали избирать небелорусские губернии России.[34] Поэтому социал-демократии не предстояло в Белоруссии никакой борьбы с народничеством, да и в случае такой борьбы социал-демократическая позиция в ней была бы сильнее в местных условиях, так как пролетариат в Белоруссии, пусть и слабый, все же был, тогда как общины никогда и никакой вовсе не было.

Наконец, следует обратить внимание и на еще одно, несколько неожиданное преимущество, ожидавшее социал-демократию в Белоруссии. Преимущество это несколько парадоксально заключалось именно в малочисленности пролетариата, в небольшом размере центров его здесь, что, на первый взгляд казалось бы как раз не преимуществом, а наоборот — неблагоприятным моментом, во всяком случае. Однако, как первый обратил внимание на этот момент один из инициаторов и участников первого учредительного съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в Минске в 1898 году, Б. Эйдельман, в случае сравнительно небольших размерами с немногочисленным рабочим населением районов социал-демократическая пропаганда имела возможность быстро охватывать всю свою небольшую область и содействовать более быстрому переходу к агитации и организации.[35] Таким образом даже сама слабость базы для социал-демократии в Белоруссии таила в себе момент, значительно усиливавший и расширявший ее ценность в процессе возникавшего на ней движения.

Итак, после внимательного рассмотрения различных привходящих моментов и обстоятельств, следует придти к заключению, что база для развития социал-демократического движения в Белоруссии XIX в. определенно имелась, как благодаря наличию общей благоприятной почвы для революционного движения, так и в силу нахождения и, так сказать, специальной подпочвы — некоторых пролетарских отрядов и, особенно, резервов, более благодарных для успешности социал-демократической пропаганды, сравнительно с соседними областями «коренной России». Конечно, подпочва эта, при всех усиливающих ее моментах, не могла гарантировать большого размаха движения — Агурский совершенно прав, все время подчеркивая, что в Белоруссии «не было[36] промышленного пролетариата — фундамента, на котором могло бы быть построено сильное социал-демократическое движение»[37], — но возникновение его, во всяком случае, она обеспечивала.

II

«ПОЛЬСКАЯ ЛИНИЯ» ЗАРОЖДЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ

Теперь уже нам можно перейти к этому самому возникновению социал-демократического движения в Белоруссии, начиная таким образом самую его историю. Как уже было указано в своем месте выше, направление истоков и течений революционного и, в частности, социал-демократического движения в Белоруссии непосредственно предопределялось наличием в ее населении двух, наиболее благодарных в данном отношении, групп — белорусов-католиков и евреев. Это предопределяет и ведение нашего рассмотрения по двум основным линиям развития, вырисовывающимся в соответствии с наличием упомянутых двух групп. Начнем с линии, по которой складывался ход событий в интересующем нас направлении, развивавшийся благодаря наличию в Белоруссии потенциально более революционной группы населения — белорусов-католиков.

---

[30] Как на один из характерных случаев можно указать на подчеркивание этого момента Советом Народных Комиссаров БССР в 1921 г., о чем еще будет речь впереди («Общинное пользование землею, характерное для Великороссии, совершенно неизвестно крестьянам западного края» — см. документ «Экономическое соединение губерний ...», напечатанный в «Известиях ЦБ КПБ» и перепечатанный в журнале «Вольны Сьцяг», № 4 [6], 1921, стр. 28).

[31] См. Віткоўскі. Рэволюцыйныя гурткі 70-х гг. на Беларусі, «Полымя», книга 4, 1929, стр. 106—143.

[32] См. С. Бобинский. Этапы развития коммунистической партии в Польше, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 25.

[33] См., между прочим, об одной из таких попыток — В. Вахоўская. Успаміны рэволюцыянэркі, «Полымя», № 2, 1925, стр. 155.

[34] См. Я. Віткоўскі, op. cit., стр. 125—126.

[35] См. Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник Московского Комитета РКП — «Первый съезд партии», изд. «Московский Рабочий», 1923, стр. 11. Ср. подобные мысли у В. Ежова в его послесловии к «Истории Российской Социал-Демократии» Л. Мартова, стр. VI.

[36] Следовало бы уточнить — в достаточно внушительном количестве ...

[37] См. Агурский, op. cit., стр. 47.

Как мы уже знаем, хотя бы из процитированного выше высказывания одного из исследователей, белорусы-католики в силу правительственной дискриминационной политики по отношению к ним вынуждены были «обращать свое лицо в сторону Польши». Вполне естественно, что такое «обращение лица» не оставалось без взаимности со стороны последней, и польское революционное движение, можно сказать, не прекращавшееся почти с момента присоединения Польши к Российской империи, всегда старалось втянуть в свою орбиту и белорусов-католиков и всегда не мало преуспевало в этом направлении. Как известно, польское революционное движение с самого начала имело характер чисто национальной борьбы за восстановление утраченной государственной независимости Польши. Даже в такой своей первоначальной форме это движение широко захватывало белорусов-католиков, особенно в западных областях края, где они жили более компактными массами. В такие кульминационные моменты польского национально-революционного движения, как известные восстания 1830 и 1863 гг., Западная Белоруссия входила в состав его активной территории, а в последнем восстании 1863 года, наряду с польским движением и в тесном контакте с ним, возникло впервые в истории и мощное белорусское национально-революционное движение под руководством (упоминавшегося уже) национального героя Константина (Кастуся) Калиновского. Но и после разгрома восстания 1863 г. подпольные польские национально-революционные кружки никогда не забывали о белорусах-католиках. Так, например, в одной секретной информации о деятельности одного из польских студенческих национально-революционных кружков в 1869 году, между прочим, говорится: «Все студенты ... обязаны влиять не только на студентов сказанных учебных заведений, но и на всех вообще поляков и католиков Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской губерний ... [38]. Это общение, будучи довольно обширно и твердо в патриотическом убеждении, успевшее уже привлечь к себе массу народа, указанных губерний, и вместе с тем полагая, что поляки самой Польши всегда готовы к восстанию, а потому при первой более или менее запутанной распре между русскими и правительством их, пользуясь этим раздором, соединившись вместе с коренными поляками, попытаются восстать опять, но уже с большею силой и более плотным единством, чем в 1861 году, и только таким образом можно будет освободиться, по выражению кружка, из-под ига русско-монгольского ... [39].

Однако «неуспех революционного дела», говоря цитированными уже нами словами Мартова, приводил и поляков-революционеров к поискам методов, более успешных, чем чисто национально-патриотические, и натолкнул и их внимание на «научный социализм» Маркса-Энгельса и социал-демократии. По свидетельству самих Маркса и Энгельса, уже крупный идеолог первого польского восстания 1830 г., Иоахим Лелевель, в эмиграции открыто примкнул к «Коммунистическому Манифесту»[40]. Основанное

[38] Первые три губернии, как известно, белорусские, последняя — литовская.

[39] Ленинградский историко-революционный архив, секретные сведения 1869 г., № 498, I приложение — цитируется по книге И. В о л к о в и ч е р а. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, ч. I, ГИЗ, Москва-Ленинград, 1925, стр. 8.

[40] См. С. Б о б и н с к и й. Этапы развития коммунистической партии в Польше, «Пролетарская революция» № 11, 1922, стр. 23 и 30 (текст обращения к женевскому митингу 1880 г. Маркса и Энгельса).

этим Лелевелем, в эмиграции же, в 1832 году, «Демократическое Общество» уже в своем манифесте выдвинуло весьма радикальную чисто социальную программу, и на почве дальнейшей радикализации раскололось, выделив из себя в октябре 1835 года новую организацию — «Народ Польский» („Lud Polski“), члены которой в конце 1846 г. отправились для нелегальной работы в Польшу и там все погибли[41]. В 1872 году, также еще в эмиграции, возникает «Польское Социал-Демократическое Общество»[42], о котором известный ветеран польского революционного движения (впоследствии и до последнего времени коммунист-большевик) Феликс Кон пишет: «В Цюрихе в 1872 г. имеется уже «Социал-демократическое общество», признавшее капитал исключительно собственностью трудящихся-производителей, а землю — общим источником благосостояния общества и общин, обрабатывающих ее; выставившее лозунг самоопределения национальностей; призывавшее к свержению ига Германии, Австрии и России, поработивших Польшу, но мыслившее это освобождение не путем национального восстания, а путем социальной революции»[43]. Однако, по оценке того же Ф. Кона, данной им в другом месте, деятельность подобных первых польских социалистических организаций отличает еще «сочетание весьма туманного социализма с весьма определенным национализмом»[44].

Такое же «сочетание» характеризует и деятельность первых польских социалистических кружков, начавших в то же время возникать и на территории Белоруссии. Однако весьма интересен облик одного из первых таких кружков, возникшего в Вильно в начале 70-х годов XIX века при основанной в то время в этом городе польской библиотеке[45]. В 1873 году этот кружок имел уже довольно порядочное число членов[46] и вел просветительную работу в националистическом духе, особенно стараясь при этом воспитывать критическое отношение к религии и морали. «Такая просветительная работа, по мнению некоторых из членов кружка, содействовала бы распространению такого взгляда на религию и национальный вопрос, который облегчил бы борьбу против русификации края», — так поясняют этот момент материалы жандармерии по делу о данном кружке[47]. По кажущемуся нам весьма верным объяснению исследователя Я. Витковского, встречающийся здесь впервые антирелигиозный (а может быть точнее — антиклерикальный) момент обусловливался высоким авторитетом католического духовенства среди масс при противодействии революционно-социалистической пропаганде со стороны этого духовенства (при весьма низком авторитете православного духовенства, особенно в коренной России, момент этот был неактуальным).[48]

[41] Там же, стр. 23.

[42] Точнее — «Сообщество» („Stowarzyszenie“), у Агурского — «Товарищество» (op. cit., стр. 29).

[43] Ф. К о н. Сорок лет, стр. 7 (Ср. И. В о л к о в и ч е р, op. cit., стр. 2, а также другую работу того же Ф. Кона «Пролетариатцы», в журнале «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 5).

[44] Ф. К о н. Пролетариатцы, «Пролетарская революция, № 11, 1922, стр. 4.

[45] С. А г у р с к и й, op. cit., стр. 23.

[46] По С. Агурскому — 100 человек, из них половина женщин (op. cit., стр. 24), у Я. Витковского — другие сведения: 39 (из них 17 женщин) по данным губернатора или 34 (из них 13 женщин) по данным жандармерии (op. cit., стр. 127).

[47] Дело № 151 от 1875 г., из Архива Института Белорусской Культуры — см. А г у р с к и й, op. cit., стр. 24.

[48] Я. В і т к о ў с к і, op. cit., стр. 133.

В 1875 году в Лондоне состоялся большой митинг, посвященный годовщине польского восстания 1830 года, на котором один из виднейших в то время польских революционных деятелей, прославившийся и в качестве «генерала» нашумевшей «Парижской Коммуны», Валериан Врублевский, заявил: «Только знамя социал-демократии может теперь быть знаменем нашего дорогого отечества». — «Хотя в этих словах, — говорит процитировавший их Агурский, — мы еще видим стремление объединить социализм с патриотизмом, все же новые партии (т. е. «Польское Социал-Демократическое Общество», «Народ Польский» и их непосредственные наследники. Н. Н.) были крупным шагом вперед для того, чтобы изжить патриотизм польских национальных революционеров»[49].

Однако изживание это лишь только еще начиналось, и тот же Агурский повторяет вслед за Ф. Коном, что для польского революционного движения данного времени социализм был еще не целью, а лишь средством для освобождения Польши[50]. Отметим еще один факт, связанный с лондонским митингом 1875 г. и особо для нас интересный: на этом митинге выступил и один представитель от Белоруссии — некто Судзеловский, из Могилевской губернии, высказывание которого выходившая в то время в Лондоне же русская народническая газета «Вперед» передает в следующих словах: «Несмотря на симпатии к польскому движению, он не может не заметить, что народ далеко не был на стороне революции; наоборот, крестьяне нередко шли открыто против восставших, видя в них бунтующих панов»[51].

Между тем, начавшаяся таким образом социал-демократизация национально-революционной мысли получает мощную поддержку себе снизу, в виде особенно развертывавшегося в это время того второго пути распространения социал-демократических идей «по земле», на которой нам уже приходилось указывать выше. «В Польшу социал-демократические идеи проникают раньше, чем в другие части России, — совершенно верно констатирует С. Агурский. — Об'ясняется это близким соседством с Германией, где социал-демократическое движение в то время пользовалось уже значительным влиянием на широкие массы, и откуда в Польшу через русских и польских эмигрантов легко было доставлять социал-демократическую литературу. Польская крупная промышленность, быстро развившаяся с помощью германских капиталов после восстания 1863 г., заставила германских фабрикантов, кроме машин, привозить в Польшу квалифицированных рабочих из Германии — эти рабочие и импортировали с собою немецкие социал-демократические идеи классовой борьбы»[52]. Последний, наиболее существенный в данном случае момент, еще более конкретизируется другим, уже знакомым нам исследователем, И. Волковичером. «Эта категория рабочих, — пишет он о рабочих, по его данным, в свое время эмигрировавших из соседних стран, главным образом, Пруссии, — поддерживавшая профессиональные связи со своими родными местами, обладала уже и опытом организационным в рабочем деле и значительно большим, чем их польские товарищи, самосознанием»;[53] в своей книге Волковичер приводит и некоторые немецкие социал-демократические листовки, привозимые этими рабочими в Польшу из Германии и распространявшиеся на месте[54]. Также знакомый нам уже исследователь С. Бобинский тоже подчеркивает значение для Польши «близкого соседства с германским, ширившимся тогда, социал-демократическим движением»[55].

[49] С. Агурский, op. cit., стр. 29.

[50] Там же, а также — Ф. Кон. Пролетариатцы, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 6.

[51] «Вперед», № 3, 1875, стр. 90; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 15.

[52] С. Агурский, op. cit., стр. 30.

[53] И. Волковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, ч. I, ГИЗ, Москва-Ленинград, 1925, стр. 5.

Интенсивное проникание социал-демократических идей в Польшу одновременно двумя путями — сверху, «по воздуху», от национально-революционной интеллигенции, и снизу, «по земле», через немецких рабочих — приводило ко все большему и большему оживлению начинавшего приобретать все более и более массовый характер социал-демократического движения. В сентябре 1878 г. в Варшаве широко распространяется, пока еще в рукописном виде, первая польская социал-демократическая программа, представляющая одновременно проект польской революционно-социалистической организации — «Основные принципы социал-революционного сообщества поляков» („Zasady socyalno-rewolucyjnego stowarzyszenia Polaków"). В этой программе для нас особенно интересен пункт 9: «Признавая солидарность всех народов в деле общественной революции, мы желаем полной самостоятельности народных социалистических партий: русинов, **белоруссов** (подчеркнуто нами. Н. Н.) и литвинов»[56]. Эта исторически первая постановка вопроса об отдельной социалистической партии белорусов, сделанная со стороны польского социалистического движения, возможно, находилась в связи с первыми попытками организовать такую партию, о которых, правда, довольно глухо, говорят некоторые русские источники[57].

В 1879 году польская социал-демократическая программа, в несколько измененном виде, была напечатана в Женеве, но помечена, однако, для отвода глаз жандармов, Брюсселем, откуда и закрепившееся за ней название «брюссельской». В этой «брюссельской программе» нет уже, однако, упоминания о «самостоятельных социалистических партиях русинов, белорусов и литвинов», что отражает произошедшую за это время эволюцию взглядов ее авторов и найдет себе объяснение несколько ниже. «Брюссельская программа» была перепечатана в начавшем выходить за границей органе нового движения — «Равенство» («Równość»), в его № 1 от октября 1879 г., и позже — в 1881 г., в № 1 другого подобного органа — «Перед рассветом» («Przedświt»)[58].

В 1880 г. снова состоялся большой митинг, посвященный годовщине польского восстания, на этот раз уже в Женеве. Если на митинге 1875 г. мы отмечали начало социал-демократизации польской национально-революционной мысли, то митинг 1880 г. характеризует решительный перелом в этом процессе, отмеченный демонстративным разрывом не только с националистическими, но и вообще как будто бы даже с национальными моментами, традиционными в польском революционном движении, и категорическим поворотом в сторону интернационализации и пролетаризации. Из уст вы-

[54] Там же, стр. 5 и 83.

[55] С. Бобинский. Этапы развития коммунистической партии в Польше, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 24.

[56] И. Волковичер, op. cit. стр. 50 (о программе вообще — стр. 43—55). См. также Я. Віткоўскі, op. cit., стр. 141.

[57] См. «Письмо из Белоруссии» в лондонской газете «Вперед», № 44, 1876, стр. 671. См. Агурский, op. cit. стр. 107.

[58] О «брюссельской программе» см. С. Бобинский, op. cit., стр. 27; Волковичер, op. cit., стр. 43—47.

двинувшегося к этому времени энергичного революционера Людвика Варынского на этом митинге прозвучали такие необычные для польской среды слова, как: «Нам чужды вопросы о тех или других границах польского государства, это — задача наших патриотов... Мы земляки и члены одной большой нации, более несчастной, чем Польша — нации пролетариев»[59]. Даже «великие учителя пролетариата» Маркс и Энгельс, приславшие митингу специальное приветствие, оказались в нем большими польскими националистами, чем выступавшие на митинге поляки, — бросаемые в приветствии Маркса и Энгельса лозунги независимости Польши или «смерти монгольской власти над современной цивилизацией» — звучали, казалось, анахронистическими диссонансами.[60]

1 декабря 1881 г. группа бывших участников журнала «Равенство» и редакция журанла «Перед рассветом» обращаются со специальным воззванием к русским революционерам, призывая их приступить к выработке общей социалистической программы для польского и русского движений[61]. Осенью следующего 1882 г. в Варшаве оформляется партия «Пролетариат», по справедливой оценке Агурского — «фактически... первая социалистическая рабочая партия во всей бывшей Российской империи».[62] 15 августа 1882 г. выходит, сначала на гектографе, воззвание этой партии, излагающее ее программу. «В этом воззвании, — констатирует С. Агурский, — дается анализ капиталистического общества и указывается, что современный буржуазный мир разделен на два класса — пролетариат и капиталистов и почти словами коммунистического манифеста дается анализ исторического развития этих классов»[63]. Приведем некоторые характерные места из этого воззвания — программы «Пролетариата». В разделе II этого документа привлекают к себе внимание резкие выпады против предшествующего национально-патриотического направления в польском революционном движении: «Приверженцы „независимости", — пишут здесь „пролетариатцы", — взывая к фиктивному согласию, убивали всякое классовое движение, единственно нормальное в современном обществе... Когда ослепленные национально-религиозной ненавистью городские рабочие шли под знамена привилегированных, не помня о своих интересах, земледельческое население дало себя обмануть правительству, которое лицемерно затронуло струну классового интереса».[64] В разделе III декларируется: «Польский пролетариат совершенно отделяется от привилегированных классов и вступает в борьбу с ними в качестве самостоятельного класса, совершенно отличного по своим экономическим, политическим и нравственным стремлениям... Польский пролетариат в качестве эксплуатируемого класса, на почве борьбы с эксплуататорами солидарен со всеми эксплуатируемыми без различия национальностей».[65] В разделе IV формулируются основные требования новой партии: «Мы требуем: 1) чтобы **земля и орудия труда** перешли из рук

---

[59] С. Бобинский, op. cit., стр. 31.

[60] Текст приветствия Маркса и Энгельса см. у С. Бобинского, op. cit., стр. 29—31.

[61] См. Róża Luxemburg. Pamięci „Proletariatu". Wydanie nowe, Warszawa, 1922, str. 18.

[62] С. Агурский, op. cit., стр. 29.

[63] Там же, стр. 32.

[64] См. Л. Василевский (Плохоцкий). Польская социально-революционная партия «Пролетариат» (1882—1886). Общий обзор деятельности, «Былое» № 4, 1906, стр. 193.

[65] Там же, стр. 194.

единичных личностей в **общую собственность трудящихся,** в собственность **социалистического государства,** 2) чтобы **наемный труд** был заменен **коллективным трудом,** организованным в фабричных, ремесленных и земледельческих товариществах, 3) чтобы **каждая единичная** личность имела право пользоваться плодами коллективного труда, соразмерно с приложенным ею трудом и общими средствами государства, 4) труд должен почитаться за обязанность и честь, 5) единственным принуждением в области нравственно-социальных отношений дожно быть нравственное соревнование»[66] (Везде подчеркивания оригинала. Н. Н.).

Воззвание-программа «Пролетариата» было сразу же распространено не только в Польше, но и в Западной Белоруссии. И. С. Агурский совсем кстати обращает внимание на тот факт, что программа партии «Пролетариат» была опубликована и распространена в Польше и Западной Белоруссии за год до основания «Группы Освобождения Труда»[67], т. е. организации, которую и сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» считает «первой русской марксистской группой»[68]. Но, как известно, эта последняя организация еще была заграничной, весьма слабо связанной с Россией, первая же русская социал-демократическая организация — «Русская Социал-Демократическая Партия», возглавляемая Благоевым уже внутри России, возникла еще на год позже, в 1884 г. Между прочим, один из белорусских исследователей революционного движения, З. Жылунович, ссылаясь на русского исследователя М. Лядова, говорит о существовании «благоевских кружков» и в Белоруссии, в Минске и Вильно[69], но никаких данных об этих кружках ни в каких других источниках не встречается, хотя сама возможность существования подобных кружков не исключена, особенно если принять во внимание, что выпячивание программой «благоевцев» роли «безземельного пролетариата»[70] могло найти отзвук в условиях Белоруссии. Следует, одако, отметить, что для «Краткого курса истории ВКП(б)» не существует ни Благоева (повидимому, ввиду его «уклонов»), ни «Пролетариата», но о последнем моменте придется еще говорить особо.

В январе 1883 года «Пролетариат» собирает нелегальный съезд в одном из пунктов на территории Белоруссии, известном уже нам своими революционными кружками — в городе Вильно.[71] Целью съезда было объединение разделяющих платформу «Пролетариата» революционных кружков в партию, деятельность которой охватила бы не только Польшу и Белоруссию, а и всю Российскую империю. Известная революционерка Роза Люксембург, на которую уже нам приходилось ссылаться несколько выше, обратила внимание, что вынесенные этим съездом постановления «начинаются следующей характерной постановкой вопроса: должна ли быть создана особая польско-литовско-**белорусская** (подчеркнуто нами. Н. Н.) революционная

---

[66] Там же, стр. 194.

[67] Агурский, op. cit., стр. 32.

[68] См. «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1950, стр. 10.

[69] См. З. Жылуновіч. Рабочы рух у Беларусі ў 1905 г. і яго разьвіцьцё з 1890 г., «Полымя» № 8, 1925, сноска на стр. 117.

[70] См. В. Ежов — послесловие к книге Л. Мартова «История российской социал-демократии» («Книга», 1922), стр. 111.

[71] С. Агурский (op. cit., стр. 32) относит этот съезд к 1882 г., очевидно, вслед за Л. Василевским-Плохоцким (op. cit., стр. 197), но у последнего здесь явная описка — сам же он говорит о виленском январском съезде, как о событии, последовавшем за выпущенным осенью 1882 г. воззванием-программой «Пролетариата», а не предшествовавшем ему. Роза Люксембург определенно относит съезд к началу 1883 г. („Pamięci Proletariatu", s. 32).

партия? Единогласно: нет. Вместо этого польские, литовские и белорусские группы должны войти в состав монолитной партии, действующей в границах российского государства»[72]. В этой, действительно весьма характерной постановке вопроса, для нашего изложения интересно отметить не только упоминание о национальных революционных группах, в том числе и особо интересующих нас здесь белорусских, но и выражение завершения той эволюции во взглядах «пролетариатцев» на подобные группы, о которой мы уже начинали говорить в своем месте выше, но результат которой лишь здесь окончательно выясняется — эволюции от требования «полной самостоятельности народных социалистических партий: русинов, белорусов и литвинов» в программе 1878 г. (см. выше), опущенного уже в «брюссельской» программе 1879 г., до выражаемого теперь виленским съездом пожелания об образовании единой (может быть, точнее — объединенной) революционной, а судя по платформе самого «Пролетариата» — и социал-демократической партии всероссийского действия со вхождением в нее всех национальных групп.

Таким образом «Пролетариат» оказываетя не только, по верной оценке Агурского, «фактически первой социалистической рабочей партией во всей бывшей Российской империи», но и первой такой организацией, поставившей ясно вопрос о создании единой (или объединенной) революционной социал-демократической партии для всей империи. Конечно, такая постановка вопроса в то время не была еще вполне реальной: «По программе необходимо объединяться с русскими социалистами, но в России социал-демократии и рабочего движения еще нет» — справедливо замечает С. Бобинский.[73] Последний момент подчеркивает и Роза Люксембург: «В тот момент, когда «Пролетариат» организовался, в России социал-демократического движения не было, а была вместо этого заговорщическая партия бланкистского направления» (имеется ввиду, конечно, известная русская партия «Народной Воли» Н. Н.)[74]. Несколько с другой стороны подходит к данному моменту Л. Василевский (Плохоцкий): «Вынесенные на нем, — пишет он о виленском съезде «Пролетариата», — резолюции так и остались бумажными резолюциями, потому что съехавшиеся в Вильно представители польских групп сочли себя совершенно неправильно компетентными в деле организации движения и партии всей России»[75]. Но независимо от нереальности постановлений виленского съезда и того или иного объективного или субъективного характера причин, обусловивших эту нереальность, историческое значение первой постановки вопроса о всероссийской социал-демократической партии на этом съезде остается несомненым.

«После виленского съезда, — констатирует Л. Василевский (Плохоцкий), — деятельность «Пролетариата» значительно усиливается. Его связи разрастаются. Кроме варшавского рабочего комитета, возникают подобные же организации в Лодзи, Згеже, Томашове, Белостоке»[76]. Последний пункт — Белосток — представлял собою, как известно (да и не только в то время) крупнейший промышленный центр не только западной, но и всей вообще Белоруссии. С. Агурский сообщает о возникновении комитетов «Пролетариата» не только в Белостоке, а и в Вильно, а также о создании «довольно

[72] Róża Luxemburg. Pamięci „Proletariatu“, Warszawa, 1922, str. 32.
[73] С. Бобинский, op. cit., стр. 34.
[74] Róża Luxemburg. op. cit., стр. 22.
[75] Л. Василевский (Плохоцкий), op. cit., стр. 199.
[76] Там же.

крупных групп» этой партии в Гродненской и Виленской губерниях[77]. Таким образом после виленского съезда Западная Белоруссия определенно попадает в сферу влияния «Пролетариата». Влияние это могло еще более возрасти с течением времени, так как «Пролетариат» первый стал производить попытки обращаться с революционной пропагандой и к крестьянству, в условиях Белоруссии, как известно, представлявшему собою основную массу населения. Вскоре после виленского съезда, 24 июня 1883 г. «Пролетариат» выпускает воззвание к крестьянам на польском и литовском языках и широко распространяет его как в Польше, так и в Белоруссии и Литве. «Как рабочим городов **фабрики,** так вам, крестьянам, **землю,** а всем **свободу** даст грядущая революция», — обещало воззвание (подчеркивания оригинала. Н. Н.)[78].

В соответствии с постановлениями виленского съезда «Пролетариат» пытается завязать связи и с действовавшей в коренной России партией «Народной Воли», как с единственной русской революционной партией, хотя и чуждой социал-демократии. Если не программе, то тактике этой партии, особенно центральному в ней моменту политического индивидуального терроризма, симпатизировал сам вождь «Пролетариата» Людвиг Варынский (как, впрочем, увлекались этим моментом, как мы видели выше, и многие другие революционеры нерусского происхождения того времени). На этой почве между Варынским и его ближайшим сотрудником, соавтором воззвания-программы «Пролетариата», Казимиром Пухевичем, возникли крупные разногласия, приведшие к выходу Пухевича из «Пролетариата» вскоре после виленского съезда и образованию им отдельной партии «Солидарность», впрочем, недолго просуществовавшей.[79] Правда, есть указание, что Варынский и другие «пролетариатцы» симпатизировали и отколовшейся еще в 1879 г. от «Народной Воли» группе «Черного Передела», начинавшей пересмотр вопроса о терроре и вообще приближавшейся уже к марксизму[80], но, возможно, ввиду небольшой еще влиятельности «Черного Передела», никаких попыток установить контакт «Пролетариата» с ним не делалось — во всяком случае, о таких попытах ничего неизвестно. С «Народной Волей» же, после соответствующих переговоров, в 1884 г. состоялось соглашение, по которому партия «Пролетариат» обязывалась ограничить свою деятельность территориями, «где большинство населения говорит по-польски и где, вместе с тем, применимы ее программа и тактика»[81], а «Народная Воля» признавала, что «низвержение русского правительства, естественно, лежит прежде всего на обязанности русских революционеров, к которым польские революционные силы для этой частной задачи привлекаются, как вспомогательный корпус».[82]В своем ответе «Пролетариату», завершавшем соглашение между партиями, «Народная Воля» декларировала, что «различие социальных условий русского и польского народов не допускает полного тождества в приемах подготовительной работы русских и польских социалистов. Вследствие этого полное слияние партии «Народной Воли» с польской партией «Пролетариат» могло бы скорее тормозить деятельность

[77] С. Агурский, op. cit., стр. 32.
[78] Л. Василевский (Плохоцкий), op. cit., стр. 201.
[79] Там же, стр. 200.
[80] См. Бобинский, op. cit., стр. 34. Ср. также Ф. Кон. Пролетариатцы, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 11—12.
[81] Л. Василевский (Плохоцкий), op. cit., стр. 202.
[82] Там же, стр. 205.

русских и польских социалистов, стесняя свободу и тех и других в выборе наиболее целесообразных способов организации и борьбы... Тесный союз между партиями «Народной Воли» и «Пролетариата» в интересах революции представляется, однако, столь же необходимым, как и полная их самостоятельность»[83]. Следует отметить, что и до соглашения с «Народной Волей» и независимо от него «пролетариатцы» оказывали большую помощь русскому революционному делу. «Что же касается помощи русским товарищам, — пишет об этом Л. Василевский (Плохоцкий), — то эти последние не могли жаловаться на ее недостаток. Поляки организовали для них тайные типографии, транспортировали нелегальную литературу, перевозили через границу беглецов и оказывали множество мелких услуг, особенно ценных во времена Судейкина».[84]

Однако вскоре после соглашения «Народной Волей», в том же 1884 г. начались массовые провалы и аресты «пролетариатцев». «Провалилась» почти вся верхушка партии с самым Людвигом Варынским. Во главе уцелевших стало новое руководство в составе работавших прежде в «Красном Кресте» партии женщин-«пролетариаток» Марии Богушевич, Розалии Фельзенгардт и Разумейчик[85]. Между прочим, последняя фамилия чисто белорусская и никоим образом не польская; белоруской по происхождению была и ставшая душой нового руководства Мария Богушевич, родившаяся в дер. Черепцах, Слуцкого уезда, Минской губ.[86]. Новому женскому руководству «Пролетариата» удалось еще сделать кое-что, между прочим, организовать в марте 1885 г. первую уличную демонстрацию в Варшаве, но осенью того же года было разгромлено и оно, а в следующем году были «подчищены» и остатки «пролетариатцев»[87]. Большинство их подверглось физическому уничтожению.

Историческое значение партии «Пролетариат» бесспорно. С. Агурский вполне прав, неоднократно и с разных сторон подчеркивая этот момент[88]. Права и Роза Люксембург, подчеркивавшая социал-демократический характер этой партии: «В своем общем обосновании социализма «Пролетариат» до последней минуты остался формально адептом западноевропейской, точнее немецкой социал-демократии»[89]. Правда, Роза Люксембург считает одновременно характерной для «Пролетариата» и тактику, по ее мнению, заимствованную у «Народной Воли» — тактику, которую по ее словам, «лучше всего определить, поскольку будем искать соответствующей этикетки в истории западноевропейского социализма, посредством понятия бланкизма, или тактики, направленной, с одной стороны, к снисканию доверия народных масс, а, с другой, к захвату власти партией заговорщиков, чтобы, опираясь на массы, провести «что удастся» из социалистической программы»[90]. Вслед за Розой Люксембург и предшественница сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», — «История ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского, определяет идеологию «Пролетариата», как «смесь марксизма с бланкизмом».[91] Но ведь ту же «смесь марксизма с бланкизмом» находили и находят в самом большевизме многие и многие его исследователи. Да и достаточно лишь прочесть только что приведенное нами определение бланкизма, данное Розой Люксембург, чтобы для каждого, знакомого с тактикой большевизма с самого начала и до сих пор, было совершенно ясно, что бланкистская тактика в таком ее понимании действительно целиком воспринята большевизмом. Но кроме этой, сближающей «Пролетариат» с большевизмом, «смеси марксизма с бланкизмом», у «пролетариатцев» можно обнаружить и зачатки столь определяющей для большевизма концепции тоталитарной партийности. Не случайно и только что упомянутая «История ВКП(б)» под общей редакцией Ем. Ярославского из всей речи вождя «Пролетариата» Людвига Варынского, произнесенной им на суде, с подчеркнутым сочувствием цитирует именно его слова о «тисках организационной дисциплины» в партии.[92] Да и сама фигура этого вождя «Пролетариата» Варынского во всем близко напоминает выдвинувшиеся впоследствии фигуры тоталитарно-партийных вождей-диктаторов большевизма, начиная с Ленина, о чем свидетельствует бывший «пролетариатец» и позднейший большевик Феликс Кон: «Для нас Варынский в то время был тем, чем в настоящее время (т. е. в 1922 г., когда писались эти слова. Н. Н.) является для всех нас Ильич».[93] Почему ж сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», как уже было нами замечено, ни словом не упоминает о столь близком к большевизму «Пролетариате», исторически несомненно первом и ярком явлении данного рода на территории бывшей Российской империи, о котором считали необходимым говорить, и даже сочувственно, непосредственные предшественники этого «Краткого курса»? Повидимому, здесь имеет место и известный «стыд за предков», вошедших в историю с репутацией, заслуженной в еще большей мере и потомками, но им не импонирующей и открыто не признаваемой («смесь марксизма с бланкизмом»), а главное, может быть, — то стремление затушевать свою западную генеалогию, о котором говорилось нами еще в самом начале.

С прекращением деятельности «Пролетариата» вообще, и на территории Белоруссии в частности, заканчивается первый этап исторического развития социал-демократического движения в рассматриваемом нами крае на первой, условно называемой нами здесь «польской» линии этого развития. Обратимся теперь к обозрению параллельного хода событий на второй линии, на линии еврейского революционного движения, условно — «еврейской линии».

III

«ЕВРЕЙСКАЯ ЛИНИЯ» ЗАРОЖДЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ

Первые еврейские революционные кружки в Белоруссии возникают в то же время и даже в том же месте, что и рассмотренные нами в преды-

[83] Там же, стр. 204.
[84] Там же, стр. 198.
[85] Там же, стр. 207.
[86] См. Polska Akademia Umiejętności. Polski Słownik Biograficzny, Tom II. Kraków. 1936, str. 234.
[87] Л. Василевский (Плохоцкий), op. cit., стр. 207.
[88] С. Агурский, op. cit., стр. 28, 31, 33.
[89] R. Luxemburg. op. cit., стр. 47.
[90] Там же, стр. 9.

[91] История ВКП(б), том I, вып. 1. Составили Ем. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов и О. Римский. Под общей редакцией Ем. Ярославского, ГИЗ, Москва-Ленинград, 1926, стр. 102.
[92] Там же.
[93] Ф. Кон. Пролетариатцы (Воспоминания), «Пролетарская Революция, № 11, 1922, стр. 17.

дущей главе кружки, имевшие вначале польский национально-революционный характер. Так, в 1872 г., рядом с известным уже нам по предыдущему изложению польским кружком при виленской библиотеке, в том же городе Вильно появляется и еврейский кружок, созданный, по данным Агурского, Ароном Зунделовичем, А. Либерманом и Иохельсоном.[94] Несмотря на то, что, по тому же Агурскому, «кружок состоял исключительно из еврейской молодежи»[95], из среды этого кружка вышла следующая, весьма характерная декларация, нашедшая себе место на страницах лондонского русского народнического органа «Вперед»: «Для нас, социалистов, нет ни национальностей, ни расовых разделений; **все мы, живущие в России — русские, у нас одни интересы и одни обычаи** (подчеркнуто нами. Н. Н.). Мы — русские. Соединимся же все против врагов во имя равенства и братства».[96] Таким образом, если первые польские революционные социалистические кружки в Белоруссии, как мы видели в предыдущем изложении, начинали с работы чисто национальной и даже националистической, лишь впоследствии проходя процесс довольно далеко зашедшей интернационализации этой работы, то кружки еврейские с самого же начала декларируют момент интернационалистический (правда, ограничиваемый моментом государственным, базируемым на фактически русской национальной основе, единственно господствовавшей в государстве Российской империи), начиная работу, по счастливому выражению цитированнного нами в своем месте Е. Канчера, «революционно-интернационального или вернее государственно-русского характера».[97]

Такая постановка вопроса, вполне естественно, предопределяла и употребление первыми еврейскими революционными социалистическими кружками единственно государственного в Российской империи языка русского, как языка их революционной работы. О вышеупомянутом виленском еврейском кружке 1872 г. С. Агурский сообщает: «Один из членов кружка, А. Либерман, настаивал на том, чтобы помимо общей работы среди еврейского населения, кружок занялся также агитацией среди еврейских ремесленников на еврейском языке, так как эти ремесленники другого языка не понимают.

«Предложение Либермана сторонников в кружке не имело».[98] Обращение еврейских революционеров в Белоруссии к русскому языку, как исключительному средству в пропагандистской работе, имело под собой и более широкое и глубокое основание, верно обнаруженное Л. Мартовым, заключившим из своих личных наблюдений, что русский язык, как язык государственный, в то время являлся «весьма существенным орудием в конкуренционной борьбе мелкой торговли и промышленности литовско-белорусского района»[99]; в другом месте Мартов еще больше расширяет и одновременно уточняет свое наблюдение, обобщая его и подводя ближе к интересующему нас здесь аспекту: в своей окончательной формулировке он

[94] С. Агурский, op. cit., стр. 23. Я. Віткоўскі (op. cit., стр. 110), ссылаясь на Н. А. Бухбиндера («История еврейского рабочего движения в России», Ленинград, 1925), упоминает еще фамилии: Финкельштейн, Клячко — и сообщает самую дату основания кружка — 1872 год.

[95] С. Агурский, op. cit., стр. 23.

[96] «Вперед», № 16, 22 июня 1875, стр. 505. Ср. Агурский, op. cit., стр. 24.

[97] Е. Канчер. Белорусский вопрос. Сборник статей, Петроград, 1919, стр. 21.

[98] С. Агурский, op. cit., стр. 24.

[99] Л. Мартов. Записки социал-демократа, кн. I, «Летопись революции», №4, 1922, стр. 188.

указывает, что русский язык в данных условиях представлял собой «орудие борьбы за существование: владение государственным языком культурного общества всегда является таким орудием на заре развития плебейских, лишенных собственного правящего и образованного класса наций».[100]

Были и другие причины и обстоятельства, обусловливавшие и сопровождавшие проявление «государственно-русского характера» в работе еврейских революционеров в Белоруссии. С. Агурский пишет об этом: «Еврейские интеллигенты, впервые начавшие пропагандистскую работу среди еврейских рабочих, делали это не потому, что хотели создать специальное еврейское рабочее движение, а потому, что, не имея возможности выйти за пределы «черты оседлости» и принять непосредственное участие в общерусском движении, должны были начать работу среди евреев. Само по себе еврейское рабочее движение стояло у них на втором плане. Все свои надежды они возлагали на русского рабочего, от которого ожидали освобождения и для еврейского пролетариата»[101] и несколько дальше: «Пропаганду они вели на русском языке, так что рабочим, не знавшим русского языка, приходилось прежде всего изучать его, а затем уже знакомиться с идеями научного социализма».[102] С другой стороны, и при том глубже, подходит к данным моментам еврейский исследователь И. Сосис: «Наряду с глубокой верой в историческую миссию русского рабочего класса, здесь проявилось еще и неверие по отношению к еврейскому рабочему классу, — неверие, весьма характерное для еврейской интеллигенции того времени. Тесную связь с этим имеет презрение этой самой интеллигенции к языку еврейской рабочей массы. Языком начальной марксистской, также и народнической пропаганды среди еврейских рабочих был исключительно русский язык (в конце 70-х гг. была сделана попытка распространять социалистические идеи на древнееврейском языке). На употреблявшийся в то время еврейский язык, как на язык массы, не обращалось никакого внимания».[103]

Но перечисленные моменты в основном имели место не только по отношению к белорусскому еврейству, а распространялись и на самих белорусов, представлявших собой в то время такую же, говоря словами Мартова, «плебейскую, лишенную собственного правящего и образованного класса нацию». И здесь русский язык выступал в той же роли «орудия борьбы за существование», и здесь господствовало то же презрение к собственному белорусскому языку, как к языку массы, в данном случае — простой крестьянской, «мужицкой» массы, и здесь не чуждой была иногда вера в историческую миссию революционных сил государственной русской нации при неверии в собственные силы. Характерно, что за весь XIX век отмечены всего лишь две попытки использовать белорусский язык для революционной социалистической пропаганды. Первая из них имела место в 1881 г. со стороны украинских эмигрантских кругов, группировавшихся в Женеве вокруг известного украинского деятеля Драгоманова и, наряду с основным для них украинским вопросом, неоднократно ставивших и весьма родственный ему белорусский вопрос.[104] Этими кругами в Женеве

[100] Там же, стр. 231.

[101] С. Агурский, op. cit., стр. 35.

[102] Там же, стр. 36.

[103] I. Сосіс. Асноўныя моманты ў гісторыі жыдоўскага рабочага руху ў Беларусі, Сборник «Беларусь», 1924, стр. 142.

[104] См. об этом — А. Цьвікевіч. «Западно-русская» школа і яе прадстаўнікі. «Полымя», № 7, 1928, стр. 137.

был издан перевод на белорусский язык выпущенной там же украинской брошюры «Про багатство та бідність» («О богатстве и бедности»).[105] Между прочим, данная брошюра даже на украинском языке имела большое хождение в белорусских революционных кругах и неоднократно попадалась в руки полиции при изъятиях ею нелегальной литературы, белорусское же ее издание 1881 г. попадало в эти руки даже в 1905 году, вместе с другой, появившейся к тому времени, белорусской революционной социалистической «нелегальщиной».[106] Вторая подобная попытка относится уже к 1892 году и исходила из польско-литовских кругов, выпустивших в Тильзите, хотя и с фальшивой виленской и даже цензурной маркой, белорусскую переделку популярного тогда полького памфлета Марьяна Абрамовича «Отец Шимон» („Ojciec Szymon"), по-белорусски озаглавленного „Dziadźka Anton, abo hutarka ab usim czysta, szto balić, a czamu balić — nia wiedaim" (т. е. «Дядя Антон, или беседа обо всем решительно, что болит, а почему болит — не знаем»).[107] Напечатанная латинским шрифтом в польской транскрипции, брошюра эта предназначалась или, во всяком случае, более подходила к распространению среди белорусов-католиков, тогда как первая брошюра, переводная с украинского, напечатанная кириллицей, «русским» шрифтом, могла получить большее распространение в православной среде. Кстати, только эта последняя брошюра несколько подходила к социал-демократической идеологии; брошюра Абрамовича имела общий революционный антиправительственный характер скорее, чем чисто социалистический. Никаких попыток использовать белорусский язык для революционной, социалистической (не говоря уже о социал-демократической) пропаганды, которые исходили бы от самих белорусов, в XIX веке неизвестно.

Неудивительно поэтому, что белорусы, находясь в аналогичных условиях с евреями, легко находили общий язык с ними — не только в смысле того же русского языка, но и в значении того же «революционно-интернационального или вернее государственного русского» стиля движения, поддерживали исходившую от евреев инициативу и даже присоединялись к организуемым ими кружкам. Известный уже нам Я. Витковский делает весьма справедливый упрек еврейскому исследователю Н. А. Бухбиндеру и другим, ему подобным, в том, что они все революционные кружки XIX века в Белоруссии, возглавлявшиеся или даже просто пополнявшиеся евреями, автоматически включают в «еврейское рабочее движение». В самом деле, ведь не говоря уже о языке работы и об общей направленности, даже по самому своему составу кружки эти почти никогда не были чисто еврейскими, так как количество неевреев в них достигало сплошь и рядом 50%, а, возможно, иногда и выше. Я. Витковский обращает внимание на фамилии участников кружков хотя бы 1876 года, приводимые Н. Бухбиндером.[108] Если присмотреться к этим фамилиям, легко можно заметить то

[105] Про богацтво да бьедносць». Женева, 1881. См. Е. Ф. Карский. Белорусы, том III, вып. 3. Петроград, 1922, стр. 154. Ср. также сборник «Беларусь», стр. 178, а также — Е. Бачинський. Українська друкарня в Женеві, «Науковий Збірник II», УВАН, Нью-Йорк, 1953, стр. 68 и 98; по этому последнему источнику автором брошюры является С. Подолинский, белорусский переводчик неизвестен.

[106] См. Я. Віткоўскі, op. cit., стр. 137.

[107] См. Е. Ф. Карский, op. cit., стр. 154—155, а также — Polska Akademia Umiejętności. Polski Słownik Biograficzny, tom I, Kraków, 1935, str. 14. Белорусская переделка принадлежит Адаму Гурыновичу.

[108] Я. Віткоўскі, op. cit., стр. 110—111.

процентное отношение 50% к 50% между евреями и неевреями, о котором мы только что говорили. Так, в указанных Бухбиндером и повторенных Витковским фамилиях участников кружков по минскому кружку — две явно еврейские (Эвенчик, Рабинович-Чорный) и две столь же явно белорусские (Чаплевский, Матусевич), по гродненскому — четыре еврейских (Айзик Слуцкий, Давид и Исаак Рубинштейны, Соломон Андреес) и столько же белорусских (Константин Бельский, Марцеллий Янковский, Нагорский, Шантыр), по двинскому — одна еврейская фамилия (Элья Сноп) и одна нееврейская (Дмитрий Павлович Беляев). Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, следовало бы вообще говорить не о «еврейских революционных кружках в Белоруссии», а скорее о кружках еврейско-белорусских с русским языком работы и «революционно-интернациональной или, вернее, государственно-русской» направленностью. Термин «еврейские кружки» может употребляться лишь условно и в силу его традиционности, да и удобства ввиду краткости — лишь таково употребление этого термина в нашем настоящем изложении.

Но обратимся или, вернее, возвратимся к самым этим кружкам и их деятельности. Мы уже познакомились с обликом первого еврейского кружка, возникшего в 1872 году в Вильно. Однако, в дальнейшем, по крайней мере, в ближайшие последующие годы заметного роста кружкового движения в Вильно нельзя отметить — во всяком случае, о нем нет данных, хотя и известно, что именно из виленских кружков того времени вышли такие выдающиеся впоследствии деятели, как, например, Лев Иогихес («Левка», «Тышка»), к концу своей жизни — немецкий «спартаковец», разделивший трагическую судьбу других «спартаковских» же вождей, Розы Люксембург и Карла Либкнехта, или Шарль Раппопорт, ставший членом ЦК французской компартии[109]. Зато возникают и довольно широко развиваются еврейские кружки в другом центре Белоруссии, в ее нынешней советской столице — в г. Минске. Есть даже мнение, что еврейские рабочие кружки появились в Минске даже раньше, чем в Вильно; правда, высказавший это мнение, один из пионеров и наиболее активных организаторов минской кружковщины, Исаак Гурвич, легко заподазривается в некоторой, исходящей из особого минского местного патриотизма, тенденциозности по отношению к Вильно.[110] Во всяком случае, наличие и деятельность кружков в Минске к 1875 году несомненны, и история их, как увидим, представляет немалый интерес.

«Отдельные попытки ведения пропаганды среди рабочих в Минске совпадают с началом социалистического движения в России», — вместе с И. Гурвичем утверждает С. Агурский.[111] Первую такую попытку исследователи связывают с именем студента технологического института Шварца (он же Рабинович, а так-же «Чорный»), начавшего свою деятельность в Минске в 1875 году, но вскоре вынужденного бежать, пойманного, сосланного в Вятскую губ. и впоследствии эмигрировавшего в Нью-Йорк[112]. С. Вольфсон рядом с Рабиновичем называет студента Давидова, двух Носовичей, Куш-

[109] См. Я. Дыла. Соцыялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь», 1924, стр. 125.

[110] См. И. Гурвич. Первые еврейские рабочие кружки, «Былое», № 6/18, 1907, стр. 65.

[111] С. Агурский, op. cit., стр. 34; И. Гурвич, op. cit., стр. 65.

[112] Там же.

левскую, относя их деятельность к 1876 г.[113] Я. Витковский приписывает Рабиновичу организацию в Минске постоянного рабочего кружка, главной базой которого была, повидимому, квартира печника, белоруса-католика Парафьяновича в домике последнего, находившемся на одной из окраин Минска[114]. Руководителями этого кружка, после Рабиновича-Шварца-Чорного, стали его ближайшие наследники в революционно-пропагандистской работе в Минске — сперва Веллер, а за ним Рогаллер. При них кружок установил связь с движением «пролетариатцев» в Варшаве и стал получать оттуда нелегальную литературу, причем, при первых арестах этих революционеров, последовавших в связи с распространением их первой программы в 1878 г., полиция обнаружила эту связь Варшавы с Минском, и таким образом и в последнем возникло полицейское дело «об образововшемся в городе Минске кружке с целью распространения преступной пропаганды».[115]

Я. Витковский, установивший и тщательно проследивший связи минского кружка с варшавскими «пролетариатцами», вполне резонно придает этим связям симптоматическое значение. «Кружок, — пишет он, — связанный в своей организации с М. Рабиновичем-Чорным, работая среди рабочих, сознательно искал связей с партией «Пролетариат», а не с русским народничеством»[116] и дальше: «Несмотря на то, что кружки существовали в 70-х г г., т. е. во время расцвета народничества, и что Белоруссия являлась краем непромышленным, мы отметили кружок, который имел связь с партией «Пролетариат», т. е. с партией социал-демократического направления».[117] Следует, однако, добавить, что тот же кружок, после провала его связей с «пролетариатцами», связался и с русским народничеством, но, что опять-таки симптоматично и характерно — с его переходным к марксизму «чернопередельским» ответвлением. В порядке этой связи в Минск неоднократно приезжал сам глава «Черного Передела», а вскоре и пионер русского марксизма, Г. В. Плеханов, и в Минске же силами рассматриваемого нами кружка была налажена подпольная типография, в которой было выпущено три номера «Черного Передела» (№№ 3, 4 и 5), четыре номера рабочей газеты «Зерно» и ряд воззваний и прокламаций; оказали кружковцы и ряд весьма ценных организационных услуг «чернопередельцам», организуя даже побеги некоторых из них из-под ареста[118].

Для нас связь первого минского кружка с «пролетариатцами» интересна и как проявление стремления к контакту между двумя линиями развития социал-демократического движения в Белоруссии — линией «польской» и «еврейской». Интересно также отметить, что состав этого кружка лишний раз подтверждает наш тезис о фактическом еврейско-белорусском характере подобных кружков — рядом с евреями Рабиновичем, Веллером,

[113] С. Вольфсон. «Черный Передел» в Минске, «Полымя», № 4, 1925, стр. 76.
[114] Я. Віткоўскі, op. cit., стр. 135—143, ос. посл.
[115] Дело это, с пометкой 1880 г., опубликовано С. Агурским из архива Института Белорусской Культуры (см. С. Агурский, op. cit., стр. 231—238).
[116] Я. Віткоўскі, op. cit., стр. 142.
[117] Там же, стр. 143.
[118] С. Вольфсон, ,op. cit., стр. 77—80; ср. также — А. Гецов. Подпольная типография «Черного Передела» в Минске,в сборнике «Группы Освобождения Труда», вып. I, а также — С. Агурский, op. cit., стр. 28. Об этом кружке восторженно отзывается посетивший в начале 80-х годов Минск и некот. др. места Белоруссии народоволец С. А. Иванов в одном из своих писем к другому народовольцу, П. В. Карповичу (см. Труды кружка народовольцев. II. Народовольцы 80 и 90 гг. Москва, 1929, стр. 37, 63).

Рогаллером мы имеем здесь белорусов-католиков Парафьяновичей (трое), Носовичей (двое) и др. Наконец, небезинтересно обратить внимание и на то, что и здесь пропагандистам, в силу употребления ими русского языка, приходилось начинать с обучения этому языку, и при том не только и не столько евреев, сколько белорусов, учить которых брались именно евреи. Так, полицейское дело о кружке указывает, что «Веллер» . . . ревностно занимался обучением русской грамоте Розалии (Парафьянович. Н. Н.), которую после отъезда Веллера в Киев, продолжал тому же учить Рогаллер».[119]

После провала первого минского кружка и арестов его актива в 1880—1881 гг. кружковое движение в Минске на некоторое время затихает. Возобновляет его вышедший из тюрмы в 1883 г. Ефим (Моисей) Хургин, которому удается наладить систематическую и хорошо законспирированную кружковую работу в Минске. Работа Хургина, однако, не имела социал-демократического характера; по свидетельству И. Гурвича, питомцы его кружков выходили из них с отпечатком «своеобразной смеси бакунинского анархизма с якобинским бюрократизмом».[120] Первую попытку социал-демократизации минских кружков предпринимает летом 1884 г. Эмиль Абрамович, которого все источники характеризуют, как убежденного социал-демократа.[121] Однако Абрамовичу не удается проникнуть в созданную Хургиным кружковую сеть, ревностно охранявшуюся ее создателем от вторжения «чужих», и он вскоре покидает Минск. Интересен метод, который впервые начал применять в Минске Абрамович: по свидетельству И. Гурвича, он стал заниматься с рабочими «сначала естествознанием, а сойдясь поближе, перешел к пропаганде социализма».[122] С тех пор этот момент занятий естествознанием в качестве подготовительных к чисто социалистической пропаганде прочно входит в практику минских социал-демократических кружков. Повидимому, момент этот не был лишен той же обусловленности и целеустремленности, которую нам приходилось отмечать выше по отношению к антирелигиозному (или точнее — антиклерикальному) моменту в работе первого виленского польского революционного кружка, основанного в 1872 году. В самом деле, авторитет духовенства, при его противодействии революционному и особенно социалистическому движению, для еврейской среды имел не меньшее значение, чем для среды католической, и для ослабления этих моментов революционерам приходилось прибегать к антирелигиозной и антиклерикальной пропаганде, к которой хорошо могли подводить занятия естествознанием.

Летом 1885 г. возвращается в Минск из сибирской ссылки Исаак Гурвич, по его собственному признанию, «в ссылке сделавшийся марксистом».[123] Хотя и ему, как и Абрамовичу, не удается проникнуть в сеть кружков Хургина сразу, однако, упорной и настойчивой работой, при по-

[119] С. Агурский, op. cit., стр. 234.
[120] И. Гурвич, op. cit., стр. 70. В конце концов, по свидетельству И. Гурвича, Хургин превратился из революционера-социалиста в лидера консервативного крыла сионистов в Минске (op. cit., стр. 65). Автор настоящих строк еще помнит старика Хургина, к которому его водили мальчиком лечить зубы в первые годы первой мировой войны; вскоре Хургин эмигрировал в Палестину.
[121] С. Агурский, op. cit., стр. 35; ср. также журнал «Красная Летопись», № 7, 1923, стр. 263.
[122] И. Гурвич, op. cit., стр. 66.
[123] Там же.

мощи своей жены и сестры Евгении Гурвич[124], Исаак Гурвич довольно быстро развертывает собственную кружковую сеть, вплетаясь ею даже в сеть Хургина снизу. Новые кружки получают популярную кличку «исааковских», в отличие от кружков Хургина — «ефимовских» (по именам руководителей). «Исааковские» кружки разделялись на три последовательные ступени: 1) кружки русской грамоты, 2) кружки естествознания и 3) кружки «научного социализма».[125] Значение первых двух ступеней должно быть понятным из нашего предыдущего изложения; в кружки третьей ступени, наиболее законспирированные, попадали лишь успешно прошедшие первые две ступени и внушавшие особое доверие лица. Гурвич вел занятия в своих кружках активным семинарским методом, приучал участников их к организованному ведению прений и отсюда, как он сам выражается, к «началам самоуправления и парламентаризма».[126] Вообще, «исааковские» кружки отличались от «ефимовских» не только своим социал-демократическим характером, но и переходом от пропагандной кружковщины к организованности более широкого, приближающегося к партийному, типа.

Летом 1886 г., по свидетельству самого Гурвича, в минских кружках было не менее 250 человек[127] — цифра для Белоруссии и того времени, пожалуй, в самом деле беспрецедентная. «Спустя два года (т. е., следовательно, в 1888 г. Н. Н.), — свидетельствует далее Гурвич, — я предпринял объезд главных центров северо-западного края; в Белостоке и Гродне совсем не оказалось рабочих кружков, а в Вильне мне Лев Иогихес («Левка») сообщил, что у них есть кружок из **четырех** (подчеркнуто в оригинале. Н. Н.) рабочих. О великорусских губерниях, конечно, и говорить нечего».[128] При таком положении не удивительно, что Минск начал постепенно превращаться в своего рода рассадник социал-демократии с немалым порою, как мы увидим дальше, радиусом действия. Участник еще абрамовичского кружка, прошедший и через «исааковство», Яков Звирин завозит социал-демократическую кружковщину в город Смоленск, где она продолжается и после его ареста в 1889 г.[129] Да и сам Эмиль Абрамович, после Минска, основывает в 1888 году социал-демократическое движение в Киеве.[130] Кружковщина «строго выраженного социал-демократического характера» завозится из Минска в Гомель (в 1893 г.).[131] Но особенно интересно следующее свидетельство И. Гурвича: «Фактически мы подготовляли социалистических рабочих и для **Америки** (подчеркнуто нами. Н. Н.). Когда я приехал в Нью-Йорк в конце 1890 года, я там застал «Русское рабочее общество саморазвития», которое в публике называлось «минским рабочим обществом». Действительно, из 35 членов этого общества 32 были минские рабочие. В следующем году это общество, по инициативе д-ра Ингермана, было преобразовано в „Русское социал-демократическое общество". Это общество оказывало серьезную материальную поддержку Союзу Освобождения Труда и социал-демократической партии в первые годы ее существования. В том же году мы устроили в Нью-Йорке под русский Новый Год «бал минских социалистов», на который приглашены были, кроме почетных иногородних гостей, все, кто когда-либо участвовал в минских кружках: таких набралась целая сотня».[132]

В 1887 г. произошел первый провал в минских «исааковских» кружках, благодаря аресту одного из деятельнейших «исааковских» активистов Абрама Резника.[133] Но 1887 вообще стал переломным годом в социал-демократическом движении в Белоруссии. Хотя Агурский и несколько преувеличивает, говоря, что «в 1887 г. начинается новая эпоха» в этом движении[134], но, во всяком случае, можно говорить о завершении здесь первого этапа движения, этапа кружковой социал-демократической пропаганды, и о начале нового, второго, по своему характеру переходного и не столь долговременного этапа его — этапа оживления рабочей экономической борьбы, отвлекшей на некоторое время внимание революционеров от кружковой пропаганды теории «научного социализма» к живой практике забастовок, так наз. «рабочих касс», «маевок» и т. п. с тем, чтобы поставить их лицом к лицу с проблемой овладения этим экономическим движением путем уже не кружковой пропаганды, а массовой агитации, и введения его в русло организованной социал-демократической партийности, развертывание работы над чем и характеризует собой третий этап, начинающийся около 1892 и более резко обозначающийся с 1894 года — последний этап рассматриваемого нами здесь исторического периода, истекающего с концом XIX века.

IV

ОТ КРУЖКОВОЙ ПРОПАГАНДЫ К МАССОВОЙ АГИТАЦИИ

(Второй этап социал-демократического движения в Белоруссии)

После окончательной ликвидации деятельности «пролетариатцев» в 1886 г., на контролированном ими участке революционной социал-демократической работы, т. е. в Польше и Западной Белоруссии, на два-три года устанавливается некоторое затишье. Но в 1888—1889 г.г. в Польше возникает и начинает развертываться новая организация — «Союз Польских Рабочих» („Związek Robotników Polskich").[135] «В 1892 г., пишет С. Агурский, — этот союз проводит целый ряд забастовок. Слабой стороной рабочего союза было то обстоятельство, что он главным образом занимался экономической борьбой, а не политической».[136] Но эта «слабая сторона» «Союза Польских Рабочих» обусловливалась особым подъемом рабочего

---

[124] Евгению Адольфовну Гурвич, впоследствии довольно видную социал-демократку-меньшевичку, также помнит автор настоящих строк, встречавший ее еще мальчиком у своей тетки, тоже с.-д.-меньшевички.

[125] И. Гурвич, op. cit., стр. 67; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 34.

[126] И. Гурвич, op. cit., стр. 70.

[127] Там же, стр. 74.

[128] Там же. Следует не забывать, однако, сказанного нами выше о «местном минском патриотизме» Гурвича, а также и о трудности, при сугубой подозрительности тогдашних конспираторов, получить у них верные сведения.

[129] И. Гурвич, op. cit., стр. 75.

[130] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 15.

[131] См. сборник «1905 год в Гомеле», стр. 4—6; ср. Агурский, op. cit., стр. 15.

[132] И. Гурвич, op. cit., стр. 75.

[133] С. Агурский, op. cit., стр. 35.

[134] Там же.

[135] См. С. Бобинский, op. cit., стр. 21.

[136] С. Агурский, op. cit., стр. 100. Этот автор относит организацию СПР и новое начало массового движения в Польше к 1890 г.

экономического движения в Польше в то время, породившим собою и самый союз. У нас, однако, нет данных о том, распространял ли свою деятельность «Союз Польских Рабочих» и на Западную Белоруссию, как это делал его предшественник «Пролетариат», хотя охват им некоторых пунктов белорусской территории, особенно таких, как Белосток, вполне возможен. Зато в то же самое время рабочее экономическое движение вспыхивает и разгорается в Белоруссии на участке, контролированном другой линией революционного движения, линией «еврейской». С. Агурский связывает начавшуюся, по его приведенным выше словам, с 1887 г. «новую эпоху в революционном движении в Белоруссии», открывшуюся именно на этой линии, с деятельностью виленских «еврейских социал-демократических кружков».[137] «К концу 80-х годов в виленских кружках, — утверждает он, — уже было свыше 100 рабочих. Год спустя (1888 г.) эти кружки начинают внедряться в рабочие массы путем организации профессиональных касс».[138] Но, во-первых, первая профессиональная, или «рабочая», касса — касса чулочниц — возникла здесь уже в 1887 г.[139] И, во-вторых, если кружки и могли использовать возникновение профессиональных касс для своего, по выражению Агурского, «внедрения в массы», то, однако, самое возникновение этих касс являлось прежде всего продуктом забастовочного движения, а не «внедрения в массы» пропагандистских кружков, самое явление которых характерно для истекающего здесь предыдущего этапа (или, может быть, по Агурскому — «эпохи») движения, тогда как явление рабочих касс и забастовок характеризует именно наступающий новый этап или «эпоху».

Явление «рабочих» или «профессиональных касс» не было новым в рабочем движении рассматриваемого нами времени. Еще при жизни Маркса на съездах организованного им «Интернационала» была рекомендована для рабочего движения организация «касс сопротивления» („Caisses de resistance“, „Widerstandskassen“) и во времена деятельности «пролетариатцев» подобные кассы были широко известны в Польше.[140] Но в Белоруссии эта форма рабочих профессиональных объединений, создаваемая в целях экономической борьбы с предпринимателями, возникла совершенно независимо и даже получила для своего обозначения совершенно оригинальный термин, по происхождению своему не имевший ничего общего с общеизвестным термином «касса». Таким термином стало еврейское слово «хевра», задолго до того прочно вошедшее и в белорусский язык и пребывающее в нем до сих пор (в виде существительного «хэўра», обозначающего дружную, тесную компанию; от этого существительного в белорусском языке уже совершенно самостоятельно образовался и глагол «схэўрыцца», обозначающий русское «спеться», «сговориться», «образовать дружную, тесную компанию»). О таких «хеврах», представлявших собой в Белоруссии того времени те же «рабочие профессиональные кассы» и объединявших вместе еврейских и белорусских рабочих в целях экономической борьбы с предпринимателями, рассказывает в своих воспоминаниях рабочий-кожевник, белорус

[137] С. Агурский, op. cit., стр. 35.
[138] Там же, стр. 36.
[139] См. Я. Дыла. Соцыялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь», Минск, 1924, стр. 125.
[140] См. Ф. Кон. «Пролетариатцы», журнал «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 8.

И. Песковой, работавший в то время в м. Сморгони, Виленской губ.[141], а также ссылающийся и на него белорусский исследователь (тоже бывший рабочий-кожевник) З. Жылунович.[142]

Возникновение «хевр» — «рабочих касс» являлось, как уже указывалось, продуктом (или, во всяком случае, сопровождающим явлением) начавшего активизироваться к тому времени забастовочного движения. Особенный толчок этому движению дал охвативший всю Российскую империю в 1891—1892 гг. голод.[143] В 1893 году в г. Вильно проходят массовые забастовки щетинщиков, портных, заготовщиков, имевшие целью добиться ограничения рабочего дня 10-ю часами, на основании изданного еще Екатериной II и до тех пор не отмененного, но на практике никогда не применявшегося закона. Как рассказывает Л. Мартов в своих «Записках социал-демократа», счастливая мысль об использовании этого закона для забастовочного движения впервые появилась у кого-то из виленских кружковцев, позднейших видных социал-демократических деятелей — Кремера или Гожанского.[144] Возникшая в Вильно волна забастовок прокатилась чуть ли не по всей Белоруссии, правительственные власти вынуждены были принять меры для принуждения предпринимателей к выполнению неотмененного екатерининского закона, и на некоторое время полиция стала своеобразным помощником и союзником рабочих в их экономической борьбе против предпринимателей.[145] Таким образом, рабочие выиграли, хотя и не надолго, так как вскоре власти перестали препятствовать предпринимателям в возобновлении прежней практики удлиненного рабочего дня. Кроме того, не везде забастовки выигрывались рабочими; так, например, организованные возникшим осенью 1893 года в Гомеле под влиянием Минска кружком, о котором уже говорилось выше, забастовки были проиграны.[146]

В 1892 г. в Белоруссию проникает еще одна форма рабочего движения — так наз. «маевки», т. е. проводимые обыкновенно конспиративно празднования установленного еще «Интернационалом» — «международного рабочего дня» — 1 Мая. Первое такое празднование состоялось 1 мая 1892 г. в г. Вильно — через год после первой для всей Российской империи «маевки», проведенной в 1891 г. в Петербурге[147]. В виленской «маевке» 1892 года приняло участие свыше 100 человек.[148] Не являясь формами непосредственной экономической борьбы, «маевки» способствовали, однако, усилению рабочей организованности и предоставляли весьма благодарные возможности для проведения социал-демократической пропаганды. Однако последняя уже в силу более массового состава «маевок» неизбежно приобретала здесь форму более открытой зажигательской агитации, в отличие от обычного в закрытых кружках более углубленного изучения «научного социализма». Путем такой агитации социал-демократическая струя и начинает вливаться и сильнее окрашивать собою рабочее экономическое движение. «В 1893 г., —

[141] См. И. Песковой. В Сморгони (Воспоминания рабочего о прошлом), «Красная Летопись», № 8, 1923, стр. 81—82.
[142] З. Жылуновіч. Рабочы рух Беларусі, «Полымя», № 8, 1925, стр. 118.
[143] См. Я. Дыла, op. cit., стр. 126; ср. также — Л. Мартов. История российской социал-демократии, 1922, стр. 15.
[144] С. Агурский, op. cit., стр. 37.
[145] Там же, стр. 40; ср. также Л. Мартов, op. cit., стр. 18 (указания на забастовки в Минске, Белостоке, Вильно, Сморгони).
[146] С. Агурский, op. cit., стр. 38.
[147] Я. Дыла, op. cit., стр. 127.
[148] С. Агурский, op. cit., стр. 36.

пишет С. Агурский об этой новой форме движения, сильный толчок которому дала первая виленская «маевка» 1892 г., — движение распространяется на Минск, Сморгонь и другие города. Вильно оставался центром, готовившим агитаторов для распространения социал-демократических идей среди рабочих всего Западного края.»[149]

Здесь и происходит тот переход—перелом от кружковой пропаганды к массовой агитации, характерность которого для последних этапов добольшевистского социал-демократического движения уже была нами отмечена. «Как и в Западном крае, везде появляется недовольство кружковой системой (кружковщиной)», — пишет С. Агурский.[150] Главным основанием для такого недовольства, конечно, послужила громоздкость и медленность действия этой системы, обнаруживавшаяся в условиях массовизации и убыстрения темпов движения. Не совсем маловажным, при всей ограниченности его действия, оказывалось и привходящее обстоятельство, на первый взгляд несколько неожиданное: пропагандные кружки, наряду с «сознательными пролетариями» — социал-демократами, выпускали иногда и начинающих предпринимателей, вооруженных, после прохождения всех кружковых ступеней, и русским языком — этим «весьма существенным орудием в конкуренционной борьбе мелкой торговли и промышленности белорусско-литовского района», по Мартову, и общим развитием, и, наконец, почерпнутыми из изучения «научного социализма» и далеко не бесполезными для начинающего предпринимателя знаниями политической экономии — о некоторых фактах подобного нежелательного явления рассказывает в своих «Записках социал-демократа», наблюдавший их в практике виленской кружковщины, Мартов. Во всяком случае, неудовлетворительность кружковой системы оказывается очевидной.

Выросший к этому времени в одного из крупнейших идеологов русского марксизма Г. В. Плеханов в своей статье «О задачах социалистов в борьбе с голодом» впервые дает обоснование различия между пропагандой и агитацией и необходимости перехода от первой ко второй: «Пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или несколько идей, зато он дает их целой массе лиц, иногда чуть не целому населению данной местности. Но история делается массовой. Следовательно, агитация есть цель пропаганды; я веду пропаганду затем, чтобы иметь возможность перейти к агитации».[151] Но совершенно независимо от теоретических формулировок русского идеолога, в условиях «нелегальщины» не так уже быстро попадавших «на места», практики этих мест сами начинают осознавать необходимость перехода к массовой агитации, в который их включала стихийность развертывавшегося движения. Один из действововавших на Украине социал-демократов-практиков, Ю. Мельников, бросает крылатую мысль, которую Агурский называет даже «гениальной»: «Лучше поднять всю массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж».[152] Одновременно из виленского кружка выходит составленная одним из будущих вождей еврейского Бунда, А. Кремером, и проредактированная (также одним из будущих лидеров, но уже российской «меньшевистской» социал-демократии) Л. Мартовым рукописная брошюра «Об агитации», получившая широкую известность за пределами Вильно (хотя именно как «виленская программа»[153]) и вообще Белоруссии и сыгравшая настолько большую историческую роль, что год ее появления — 1894 г. — можно определенно считать годом резко обозначившегося начала третьего, завершающего этапа добольшевистского социал-демократического движения. «Виленские методы массовой работы, — вспоминает сам автор брошюры, А. Кремер, — изложенное в моей борщюре «Письмо об агитации», в то время были признаны и в Петербурге, Москве и Киеве».[154] О таком «признании» в Петербурге вспоминает и Л. Мартов[155], о «признании» в Киеве, Москве, а также в среде литовских социал-демократов говорит киевский социал-демократический активист, впоследствии один из организаторов и участников первого учредительного съезда Российской Социал-Демократической партии, Б. Эйдельман.[156] Наконец, сам Ленин в своем известном «Что делать» с признательностью отмечает «действительно полезные указания тогда еще рукописной брошюры «Об агитации», ее большое значение для российской социал-демократии», содействовавшие «созданию массового движения во всей стране.[157]

Осознанный и декларированный в «виленской программе» — брошюре «Об агитации» переход к агитации не замедлил сказаться своими результатами в практике рабочего движения в Белоруссии: с осени того же 1894 г., в котором появилась упомянутая брошюра, начинается новый подъем рабочей экономической борьбы.[158]

Л. Мартов отмечает размах зимней стачечной кампании 1894—1895 гг., особо выделяя при этом Минск и подчеркивая «столь же длительную историю кружкового движения» в нем, как и в Вильно, послужившую хорошей базой для развертывания агитации и ее конкретных успехов.[159] По данным белорусского исследователя Я. Дыла, в Минске в 1894 г. возникли четыре рабочие «кассы» (щетинщиков, переплетчиков, слесарей, чулочниц), а в 1895 г. число этих касс возросло до десяти[160]. Кроме Минска, Мартов отмечает расширение движения в Белостоке, Витебске, Сморгони[161] и зарождение его в Гомеле и Брест-Литовске.[162] «В 1895 году, — констатирует С. Агурский, — социал-демократическое движение в Белоруссии значительно выросло. Первое мая в 1895 г. праздновалось в Минске, Сморгони, Вильне. Лучше всего прошло празднование 1 Мая в Вильне».[163] Последнее хорошо описано лично участвовавшим в нем Л. Мартовым; небезинтересен сообщаемый им факт присутствия на этом праздновании делегатов от местных польских и литовских социал-демократов[164]. По данным С. Агурского, в Минске за 1894—1896 гг. прошло 54 забастовки, особенной энергией, в которых отличались сапожники; организованных ев-

[149] С. Агурский, op. cit., стр. 36.
[150] Там же, стр. 48.
[151] С. Агурский, op. cit., стр. 48.
[152] Там же.

[153] См. Л. Мартов. Записки социал-демократа, кн. I, 1922, стр. 234.
[154] А. Кремер. Основание Бунда, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 51.
[155] Л. Мартов, op. cit., стр. 236.
[156] Б. Эйдельман. Об экономических тенденциях I Съезда РСДРП, «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 145.
[157] С. Агурский, op. cit., стр. 49.
[158] Я. Дыла, Соцыялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь», 1924, стр. 127.
[159] Л. Мартов, op. cit., стр. 242.
[160] Я. Дыла, op. cit., стр. 127.
[161] Л. Мартов, op. cit., стр. 242.
[162] Там же, стр. 243.
[163] С. Агурский, op. cit., стр. 38.
[164] Л. Мартов, op. cit., стр. 244.

рейских рабочих к концу 1895 года в Минске было 870, в Вильно — 850, в Краславке (Витебской губернии) — 100; «кассы борьбы» возникли в Бресте и Белостоке; в последнем летом 1895 г. вспыхнула прогремевшая на всю Российскую империю забастовка, охватившая 26 000 ткачей.[165] «За исключением Белостока, — считает важным отметить С. Агурский, — где из 26 000 ткачей было всего 3 000 еврейских рабочих, бастовавшие в Белоруссии рабочие почти сплошь состояли из евреев».[166]

Но массовизация движения, вызвавшая столь оплодотворивший его переход от пропаганды к агитации, одновременно принесла с собой и еще один существенный момент, положивший начало новому и весьма интересному процессу национализации этого движения. Таким моментом стало вынужденное, как говорится, «ставкой на массы» обращение к прежде недооценивавшемуся и даже презиравшемуся языку этих масс, в нашем случае — к национальному еврейскому языку, как к основному языку массовой агитационной работы. Цитированный уже нами выше еврейский исследователь И. Сосис очень хорошо выясняет этот момент: «Только с того времени, когда сами еврейские массовые рабочие начали (в начале и средине 90-х годов) деталь попытки экономического объединения и экономической самопомощи, в первых еврейских пропагандистских кружках происходит раскол. Их наиболее активные члены в Минске, Гродно, Вильно, Белостоке переходят к экономической работе среди еврейской рабочей массы. Вместе с этим происходит переход от русского к еврейскому языку, как языку пропаганды идей рабочего движения среди еврейских рабочих».[167] Оставляя пока в стороне моменты «перехода к экономической работе» и «раскола в первых еврейских пропагандистских кружках», к которым нам еще придется вернуться и особо на них остановиться в сответствующем месте нашего дальнейшего изложения, обратим внимание лишь на последний из выдвигаемых Сосисом моментов — на момент языковый, ставший, как было уже указано, исходным моментом национализации еврейского рабочего движения.

Всю проблему национализации еврейского рабочего движения, начиная с ее исходного языкового момента, впервые поставил во весь рост Л. Мартов в своем докладе руководящим виленским рабочим, сделанном в порядке упоминавшегося уже выше весьма удачного празднования 1 Мая 1895 г. в Вильно. «В первые годы нашего движения, — говорил Мартов в этом докладе, позже озаглавленном «Новый поворотный пункт в еврейском рабочем движении», — мы всего ожидали от движения русского рабочего класса и на самих себя смотрели только, как на придаток к общерусскому движению. Поставив движение еврейского рабочего класса на второй план, мы пренебрежительно относились к его фактическому состоянию, что выразилось в том, что наша работа велась на русском языке: желая сохранить свою связь с русским движением, что, конечно, необходимо, мы позабыли удержать связь с еврейской массой, не знающей русского языка. Да, в этом проявилось заимствованное у нашей буржуазии недоверие к еврейской массе, на первом плане у нас было идеальное русское движение, и из-за него мы не видели задатков фактического еврейского движения».[168] Хотя и в такой постановке вопроса уже определенно подчеркивался национальный аспект движения, однако самый национальный язык еще не оценивался здесь, пожалуй, выше, чем лишь «служебное орудие», как выразился об этом позже тот же Мартов в своих «Записках социал-демократа».[169] Но ведь язык — это не только система звуковых комплексов, а и система ассоциируемых с ними логических и особенно психологических моментов-понятий и представлений-образов, в конечном счете всегда национально определенных. В тех же «Записках социал-демократа» Мартов вспоминает из своей пропагандистской практики в Вильно один характерный момент, связанный с прохождением им «Коммунистического Манифеста» с кружком виленских работниц: «То, что говорит „Манифест" о взаимоотношениях разных классов и их социальном характере, не вызывало в моих слушательницах сколько-нибудь знакомых ассоциаций».[170] Таким образом, уже тогда Мартов почувствовал отсутствие между ним и его национальной рабочей аудиторией общего языка, языка в широком смысле, в смысле психологическом, языка, определенного национальным психологическим опытом говорящих на нем от рождения. Да и вообще, язык, по вовсе неплохому выражению Маркса, это — «материализованное сознание» и притом, добавим от себя — сознание национально определенное. Поэтому и национализация языка уже является по существу национализацией сознания, откуда прямой путь и к «так называемому национальному самосознанию», как выражается Мартов, хотя последний момент и может появляться «лишь впоследствии», но — «не без того», признается он...[171] И этот момент национального самосознания у Мартова появился даже вовсе не «впоследствии», а присутствовал уже вполне определенно и в его цитированном выше первомайском докладе, — правда, точнее говоря, в виде момента национально-классового самосознания, т. е., самосознания, определенного уже не только национально, а одновременно и классово — в данном случае — еврейского национально-пролетарского самосознания. Но продолжим дальше прерванную нами цитату из этого весьма интересного доклада: «Поставив в центр программы массовое движение, мы должны были приспособить нашу пропаганду и агитацию к массе, т. е. сделать их более еврейскими. И в этой перемене мы видим новую нашу победу над заимствованными у буржуазной интеллигенции взглядами. И мы должны встать на точку зрения, что, чувствуя постоянно свою связь с русским рабочим движением, мы не должны закрывать глаз на то, что оно еще очень слабо. Мы притом должны помнить, что наш демократический лозунг: „все посредством народа" не позволяет нам ожидать освобождения еврейского пролетариата от экономического, политического и гражданского порабощения ни от русского, ни от польского движения. Еврейский рабочий, как класс, представляет из себя достаточно плотную массу, чтобы, будучи организованным, представить собой весьма внушительную силу. Однако, этой силы, конечно, будет недостаточно, чтобы совершить экономическое, политическое и гражданское освобождение еврейского пролетариата, и в этом обстоятельстве коренится та неразрывная связь, которая связывает нас с общерусским и польским движением. Мы хорошо понимаем, что без успеха русских и польских рабочих мы много не добъемся, но, с другой стороны, мы уже не можем попрежнему ожидать всего от российского пролетариата, как наша буржуазия ожидает всего от русского правительства и чиновничьего либерализма. Мы должны

[165] С. Агурский, op. cit., стр. 39.
[166] Там же, стр. 41.
[167] І. Сосіс. Асноўныя моманты ў гісторыі жыдоўскага рабочага руху ў Беларусі, сборник «Беларусь», 1924, стр. 142.
[168] С. Агурский, op. cit., стр. 42.

[169] Л. Мартов, op. cit., стр. 232.
[170] Там же, стр. 184.
[171] Там же, стр. 232.

иметь в виду, что русский рабочий класс в своем классовом развитии будет встречать такого рода препятствия, что каждое ничтожное завоевание ему будет стоить страшных усилий, а потому ему лишь постепенно и упорной борьбой удастся добиться уступок политических и экономических, а в таком случае, очевидно, когда русскому пролетариату придется жертвовать некоторыми из своих требований для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, он скорее пожертвует такими требованиями, которые касаются исключительно евреев, например, свободы религии, или равноправия евреев. То же самое с русским либеральным движением, которое тоже будет склонно жертвовать интересами евреев для того, чтобы достигнуть чего-нибудь. И мы не должны за это сетовать на русский пролетариат или русскую либеральную буржуазию. Тот класс недостоин свободы, который не умеет ее сам завоевать. Между тем, будь еврейский пролетариат организован, он в каждом данном случае окажет поддержку русскому или польскому движению и, примкнув к нему, вместе с ним достигнет общего освобождения. Вот почему мы должны решительно признать, что наша цель, цель действующих в еврейской среде социал-демократов, состоит в том, чтобы создать специальную еврейскую рабочую организацию, которая бы явилась руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение».[172]

Мы специально процитировали так пространно столь красноречивого Мартова, так как здесь у него, несмотря на все оговорки, делаемые с совершенно не оставляемых им позиций «пролетарской интернациональной солидарности» и вообще «пролетарской классовости», моменты «национального самосознания» выступают достаточно ярко, особенно в виде так характерного для этого самосознания критического отношения к другим национальностям вплоть до выражения, как говорит сам Мартов в своих «Записках социал-демократа», «недоверия к собратьям господствующей национальности»[173], заменившего собою прежнее недоверие к собственной национальной массе, и даже в виде обычно вытекающего из всего содержания «национального самосознания» требования «национального самоопределения вплоть до отделения», популярно часто называемого «национальным сепаратизмом» (правда, последний ставится пока лишь в плоскости партийного организационного строительства, а не строительства государственного). С. Агурский называет Мартова, на основании приведенных выше его высказываний, «отцом» националистической мысли в еврейском рабочем движении», не забывая при этом напомнить, что Мартов — «будущий лидер российского меньшевизма».[174] «Это, конечно, сильно сказано, — замечает по этому поводу рецензент Агурского, М. Эссен, — от этой речи Мартов впоследствии отказался...»[175] Однако, этот «отказ» Мартова, о котором он сам рассказывает в своих «Записках социал-демократа», выражался лишь в том, что автор речи «замечая, как его аргументация вульгаризируется... усомнился в правильности взятой ноты» и, использовав подвернувшийся «подходящий случай», «настроил свою лиру на другой тон», что свелось к новому подчеркиванию и без того неоднократно подчеркнутых в самой речи моментов «пролетарской интернациональной солидарности» и «классовости»: «утраченную социальную связь с миром еврейского мещанства еврейский пролетариат должен заменить связью с пролетариатом русским и польским».[176]

[172] С. Агурский, op. cit., стр. 42—43.
[173] Л. Мартов, op. cit., стр. 247.
[174] С. Агурский, op. cit., стр. 42.
[175] М. Эссен. Рецензия на книгу С. Агурского «Очерки по истории революционного движения в Белоруссии», «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 209.

И все-таки, у Агурского и в самом деле «сильно сказано», так как сказано, действительно, так сказать, «по-большевистски». Ведь выдвинутая Мартовым **национализация** движения вовсе не должна была доходить (да и не дошла в еврейском рабочем, впоследствии «бундистском» движении) до пределов **национализма** (не говоря уже о таких перверсиях, как шовинизм, расизм и т. п. «измы»), хотя возможность такого развития и вырисовывается здесь в логической перспективе, но лишь как чистая возможность, а вовсе не как железная необходимость и неизбежность. И лишь в большевистском словоупотреблении, характерном своей преднамеренностью, такие термины, как «национализация», под которой здесь понимается пропитывание национальностью, да и сама эта «национальность», а, с другой стороны — «национализм» со всеми другими, только что упомянутыми нами «измами», как «шовинизм», «расизм» (а впоследствии и «фашизм», «нацизм») — легко и даже обязательно превращаются в синонимы, и притом даже в синонимы абсолютные. На самом же деле, национализация, как мы это видим и в данном случае, может совмещаться с принципиальным и даже практическим подлинным интернационализмом. С другой же стороны, принципиальная интернационализация практически и фактически может оказаться той же национализацией, как это можно видеть на примере известных нам деклараций и практики первых еврейских рабочих кружков в Белоруссии, где «ставка на массу» (но не на казавшуюся весьма мизерной собственную национальную еврейскую массу, а на представляемые столь могущественными массы господствующей русской национальности, как «великой нации») вела к приятию русского языка и государственно-русской направленности, принимаемой за «революционно-интернациональную», т. е. к национализации на русской национальной основе.

Нам пришлось так долго и подробно остановиться на моменте национализации еврейского рабочего движения в Белоруссии, так как при этом представилась весьма благодарная возможность вскрыть, так сказать, механизм процесса национализации вообще, до сих пор, как, впрочем, и само явление национализации, не привлекший к себе ничьего внимания. Механизм этот, обобщая сказанное выше, сводится к тому, что «ставка на массы» в движении приводит к приятию языка этих масс — национального языка, т. е. к национализации языка, ведущей к национализации сознания и к развитию национального самосознания, откуда — путь к «национальному самоопределению», могущему, в свою очередь, дойти «вплоть до отделения» — до так наз. «национального сепаратизма» как в плоскости партийно-организационной, так и — последовательно или даже одновременно — в государственной плоскости (причем в последней возможны и дальнейшие линии развития, с которыми нам еще придется встречаться ниже, как линия так наз. «национально-персональной автономии», выдвинутая еврейским «бундизмом», или линия национальной автономной, а дальше и независимой, государственности, принятая еврейским «поалей-ционизмом», а также белорусским «громадовством» и впоследствии национал-коммунизмом), причем в качестве сопутствующих моментов, возможны и вырисовывающиеся в логической перспективе национализм (продолженный до таких перверсий, как шовинизм, расизм и под.), а за ним и империализм как романтический, так

[176] Л. Мартов, op. cit., стр. 244; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 43—44.

и вполне реальный (однако для перехода этих возможностей в действительность, как и всегда, необходимы соответствующие условия). Действие этого механизма приходится наблюдать в большем размахе в более поздние периоды развития исследуемого нами здесь явления, сталкиваясь с такими продуктами этого действия, как, напр., белорусский «национал-коммунизм» и сталинский «национал-большевизм» (термин, пущенный в обиход, кажется, еще «троцкистами», а в последнее время, в силу некоторых новых обнаруживающихся обстоятельств, приобретающий все большую и большую популярность).

Но возвратимся к прерванному нами, ввиду необходимости выяснения механизма национализации, изложению хода исторических событий.

V

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПАРТИЙНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(Третий этап социал-демократического движения в Белоруссии)

«Новый курс» еврейского рабочего движения в Белоруссии, принятый его руководителями и выразившийся в переходе от кружковой пропаганды к массовой агитации и национализации движения, встретился сразу же с оппозицией, правда, по известным до сих пор данным, не столь уж массовой, исходившей больше от отдельных единиц, чем даже от групп (так что, пожалуй, говорить о «расколе», как это делает цитированный нами выше Сосис, несколько рискованно). Правда, языковая национализация, по свидетельству Мартова, вызывала во многих местах и у многих «совершенно стихийное возмущение»[177], подобно тому, как и в первых еврейских виленских кружках, вспомним, предложения о переходе на еврейский язык «сторонников не имели». В Вильно главным представителем «оппозиции» оказался резчик Абрам Гордон, обвинявший инициаторов «нового курса» в стремлении оставить еврейскую массу на ее низком культурном уровне, с ее примитивным «жаргоном», закрыть ей доступ к совершенствованию, которому так содействовали пропагандистские кружки с тем, чтобы якобы легче управлять этой массой и даже ее эксплуатировать. Демагогически развивавшие подобную аргументацию отдельные выступления Гордона иногда казались даже «победами» молодой и недальновидной еще впечатлительности лидеров «нового курса».[178] Белорусский исследователь Я. Дыла называет Гордона лидером «рабочей оппозиции» и говорит о распространении последней в 1896 г. и на Минск.[179] Подобная «рабочая оппозиция», возможно, независимо от Гордона, возникла и в Белостоке, где в том же 1896 г. образовалась оппозиционная группа, позже получившая известность под именем группы «Рабочего знамени». Эта довольно динамичная группа, связи и даже влияния которой простирались порою даже до Киева, Харькова и самого Петербурга (не говоря уже о Гродно и Вильно), кроме тех же обвинений «новому курсу», которые предъявлялись ему Гордоном, бросала также упрек его лидерам в чрезмерном увлечении чисто экономическим моментом в ущерб моменту политическому, т.е. в том, что впоследствии получило этикетку «экономизма».[180] Но о деятельности этой группы нам придется еще говорить в связи с ее несколько позже происшедшим оживлением.

[177] Л. Мартов, op. cit., стр. 230.

[178] Л. Мартов. Там же. О Гордоне см. того же автора «Историю российской социал-демократии», 1922, стр. 27, а также «Историю ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского, том. I, вып. 1, 1926, стр. 128 и С. Агурский, op. cit., стр. 57.

[179] Я. Дыла.Сацыялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь», 1924, стр. 130.

Но «новый курс», кроме вызвавших оппозицию моментов перехода к массовой агитации и национализации, поставил также и назревшую уже в движении проблему организационно-партийного оформления его. Как можно было видеть уже из первомайского доклада Мартова 1895 г., пути массовизации и национализации движения подводили вплотную к моменту организационного оформления его путем создания «специальной еврейской рабочей организации, которая бы явилась руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение», что и было заострено в финале выступления Мартова. Однако, кроме внутреннего развития, на постановку данной проблемы, несомненно, оказал влияние и пример, как и всегда, далеко ушедшего вперед движения на соседней исторической линии — на линии «польской». Здесь же, после разгрома руководившего массовой экономической рабочей борьбой, уже известного нам «Союза Польских Рабочих», ликвидированного полицией в 1892 г., не только не «наступает затишье», как почему-то (и при том в явном противоречии с сообщаемыми им же самим фактами) думает С. Агурский,[181] а в течение того же 1892 г. на специальном конгрессе в Париже происходит объединение нескольких польских социалистических рабочих групп (остатков «Союза Польских Рабочих», так наз. второго «Пролетариата», группы «Рабочего Объединения» — «Zjednoczenie Robotnicze», группы «Община» — «Gmina» и национальных — «narodowych» — социалистов) в единую «Польскую Социалистическую Партию», в публике известную под буквами ППС (PPS — «Polska Partja Socjalistyczna»).[182] В своей программе ППС принимает ставший со времен «Пролетариата» традиционным для польских революционных социалистических партий марксизм, стараясь, однако, сочетать его с польским патриотизмом,[183] в чем нельзя не видеть частичного возврата к тем прежним традициям польского революционного движения, с которыми порвал «Пролетариат», декларировавший абсолютный «пролетарский интернационализм», сам вступивший и пытавшийся повести все польское движение по пути интернационализации. В силу такой своей дуалистической программы ППС получила популярную в свое время кличку «социал-патриотической партии», в отличие от партий социал-демократических, придерживавшихся строго принципа «пролетарского интернационализма» (или, во всяком случае, декларировавших эту строгость). Уже самый пример образования ППС, которую Мартов называет «национал-социалистической партией»[184] (конечно, в то время не было совершенно извест-

[180] О белостокской группе см. в «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского, т. I, в. 1, таблицу 37, представляющую собою приложение к главе VI этой книги, взятое из собрания Музея Революции в Москве. Следует лишь исправить здесь одну неточность: таблица говорит о возникшей в 1896 г. группе, как об «оппозиции Бунда», тогда как в 1896 году никакого Бунда еще не было, он возник лишь в следующем 1897 г.; можно было бы говорить лишь об оппозиции бундизма в том смысле, в каком употребляет последний термин Мартов в своих «Записках Социал-Демократа» в главе VII (стр. 239).

[181] С. Агурский, op. cit., стр. 100.

[182] См. Encyklopedia Powszechna Ultima Thule, t. VIII, str. 555.

[183] См. между прочим, С. Бобинский. Этапы развития коммунистической партии в Польше, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 25.

[184] Л. Мартов, op. cit., стр. 212.

но то специфическое содержание, которое привнес в этот термин гитлеризм, после которого словоупотребление, подобное принятому Мартовым, стало невозможным), очевидно, оказал влияние и на еврейских рабочих лидеров, в том числе и на Мартова, выдвинувшего впервые вопрос о создании подобной еврейской организации — как впоследствии выражался Мартов, еврейской «национально-пролетарской» партии.[185] Но влияние ППС заметно также и на самой аргументации, развернутой Мартовым в его первомайском докладе 1895 г. при обосновании необходимости создания подобной организации. Ведь то неверие в силы русского пролетариата и подчеркивание слабости русского рабочего движения, которое мы видим в докладе Мартова, задолго до того акцентировала, притом в совершенно той же плоскости, ППС, и даже до ее образования — то течение польского революционного движения, из которого она вышла. «Социал-патриотическое течение, — пишет об этом один из исследователей польского рабочего движения, — разуверилось в успешности русского революционного движения. Вожди его утверждали, что польский рабочий класс может скорее достигнуть своего освобождения в независимой Польше, чем в союзе с русским рабочим классом».[186] «По мнению основателей ППС, — констатирует С. Агурский, реферируя соответствующие первоисточники, — в России в то время (1893 г.) только началось развитие промышленности, количество рабочих, занятых в России, чрезвычайно незначительно, в политической жизни царит самая беспросветная реакция, никаких признаков освободительного движения незаметно. Не говоря уже о социалистическом движении, но даже рабочего движения, по их мнению, еще не было и в помине. Все социалистическое движение в России выражалось только в том, что некоторые интеллигенты молодого поколения, изучившие хорошо марксизм, вели между собою ожесточенную полемику с народниками о возможности развития капитализма в России. И это было тогда, когда в Польше уже происходили ожесточенные схватки с царизмом, стоившие многих жертв».[187]

В 1893 г. состоялся первый краевой съезд ППС в городе Вильно. Очевидно, под влиянием этого съезда тогда же в том же Вильно возникает и «Литовская Социал-Демократическая Партия», — во всяком случае, возникновение ее «Большая Советская Эциклопедия» относит к 1893 году.[188] Но в том же 1893 г. от ППС откалывается небольшая группа, во главе со знакомой нам Розой Люксембург, а также Мархлевским, Варским (Янидэс Тишко), Каспржаком (Kasprzak) и др.[189], основывающая отдельную партию под названием «Социал-Демократии Царства Польского («Socjal-Demokracja Królewstwa Polskiego»). Основанием для откола этой группы и образования ею отдельной партии послужил разрыв с патриотизмом ППС на почве отрицания не только принципа «национального самоопределения», но, собственно говоря, и национального вопроса вообще. По утверждению С. Агурского, новая партия «с самого начала примкнула к революционному марксизму»[190]; еще более решительно заявляет С. Бобинский: «Социал-Демократия Царства Польского являлась по существу и говоря позднейшими русскими терминами — большевизмом на польской почве».[191] Таким образом, здесь мы имеем опять определенную предшественницу большевизма (и еще более даже определенную, чем характеризованный нами в этом смысле в своем месте «Пролетариат»), предупредившую своим появлением на довольно значительный отрезок времени не только российский большевизм, но и самую даже Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, на все той же общей территории бывшей Российской империи. На сей раз уже и сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» не счел, повидимому, возможным промолчать об этом явном предке большевизма, хотя и упомянул о нем в весьма характерной форме: «Наряду с „Союзами борьбы" в Петербурге, Москве, Киеве и т. д. появились социал-демократические организации также на западных национальных окраинах России. В 90-х годах выделились марксистские элементы из польской националистической партии и образовали „Социал-демократию Польши и Литвы".»[192] Здесь, кроме терминологических моментов (заброшенный было в советской практике характерный дореволюционный, «царский» термин «западные окраины России», подправленный еще более характерной вставкой «национальные»; обозначение ППС уже прямо «польской националистической партией» без упоминания ее собственного имени «Польской Социалистической Партии»; неточность в названии самой «Социал-демократии Царства Польского», прибавившей к своему имени «и Литвы» лишь в 1899 г., после объединения с родственной группой, отколовшейся от «Литовской Социал-демократической Партии»), особенно обращает на себя внимание тенденциозная препарация хронологии: как известно, «Союзы борьбы» начали возникать лишь с 1895 г.,[193] никак не «наряду с „Социал-Демократической Партией Царства Польского"», а позже ее на целых два года; повидимому, чтобы затушевать этот факт, дата появления «Союзов» вовсе не дается, а дата образования СДПЦП указывается намеренно в общем виде: «в 90-х годах». Очевидно, и здесь — та же — знакомая уже нам тенденция затушевывания западной генеалогии большевизма.

Однако, фактическая сила «Социал-Демократии Царства Польского» вначале, да и в продолжение всего почти рассматриваемого здесь периода, была еще очень небольшой. «Социал-Демократия Царства Польского, — пишет С. Пестковский, — была сильна марксистским сознанием, но слаба силами и средствами».[194] «Среди польского пролетариата работала преимущественно ППС, — подтверждает в отношении Белоруссии и Агурский, — „Социал-Демократия Царства Польского и Литвы" имела слабые связи»[195] и в другом месте: «До создания Российской Социал-Демократической Рабочей Партии — „Польская Социал-Демократия" (т. е. „Социал-Демократия Царства Польского". Н. Н.) была единственной революционно-марксистской организацией в Польше и Белоруссии, в особенности в Белостоке, но она

---

[185] Там же, стр. 246.
[186] С. Пестковский. Борьба партий в рабочем движении в Польше в 1905—1907 гг., «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 37.
[187] С. Агурский, op. cit., стр. 102.
[188] Большая Советская Энциклопедия, том 37, 1938, стр. 123.
[189] С. Агурский, op. cit., стр. 101; Encyklopedia Powszechna Ultima Thule, t. VIII, str. 555.
[190] Там же.

[191] С. Бобинский. Этапы развития коммунистической партии в Польше, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 19.
[192] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 22.
[193] См. хотя бы тот же «Краткий курс», стр. 18.
[194] С. Пестковский. Борьба партий в рабочем движении в Польше в 1905—1907 гг., «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 38.
[195] С. Агурский, op. cit., стр. 79. Следует отметить, что ППС, по старой традиции польских партий, работала и среди белорусов-католиков, но эта работа ее стала более оживленной и плодотворной лишь в следующем историческом периоде и речь о ней, поэтому, будет идти во второй части.

располагала слабыми силами, она страдала от полного отсутствия интеллигентных сил и материальных средств. В 1896 г. были арестованы почти все социал-демократические агитаторы, и деятельность польской партии приостановилась».[196] Но в том же 1896 г. в Вильно в апреле месяце начал выходить на польском языке орган «Литовской Социал-Демократической Партии» — «Литовский рабочий», а 1 мая того же года и там же состоялся первый съезд этой партии.[197] Почти так же, как и прежде в ППС, после этого съезда, в том же 1896 г. от «Литовской Социал-Демократической Партии» откололась группа левых, называвшихся также «автономистами», и образовала отдельную партию под названием «Литовский Рабочий Союз».[198] Повидимому, одной из причин откола этой группы послужило начало национализации «Литовской Социал-Демократической Партии»; во всяком случае, после этого откола, с 1897 г., орган партии, газета «Литовский рабочий», начинает выходить уже на литовском языке,[199] а отколовшаяся группа, просуществовав самостоятельно около трех лет, в 1899 г. сливается с крайне отрицательно ко всякой национализации и к национальному вопросу вообще относившейся «Социал-Демократии Царства Польского», принимающей с того момента встречавшееся уже нам новое название «Социал-Демократии Царства Польского и Литвы». С. Агурский считает, что обновленная таким образом партия «с этого времени ... начинает пользоваться большим влиянием на рабочие массы Польши»,[200] хотя, по данным польской «Всеобщей Энциклопедии», она «была фикцией» несколько дольше — вплоть до 1900 г.[201] Агурский отмечает также, что «одним из вождей СДЦПиЛ был тогда тов. Феликс Дзержинский, работавший в виленском районе»; этот известный впоследствии чекист — возглавитель ВЧК-ОГПУ, до того был таким же вождем отколовшейся от «Литовской Социал-Демократической Партии» группы «Литовского Рабочего Союза».[202] По всем источникам, «Социал-Демократия Царства Польского и Литвы» считала себя и считалась исключительно территориальной, а не национальной организацией;[203] по Агурскому, в рядах СДЦПиЛ находились также представители и других национальностей, находящихся на территории Польши (и конечно, Литвы, в которую традиционно включалась и Западная Белоруссия. Н. Н.), как, напр., белорусы, евреи и литовцы».[204] Среди последних попрежнему вела работу и «Литовская Социал-Демократическая партия», второй съезд которой состоялся в феврале 1897 г. в Вильно, приняв постановления об агитации за политические права и свободу, о поддержке «буржуазно-демократических фракций», когда их требования совпадают с требованиями социал-демократов и др. Партия распространяла, кроме своего печатного органа, и другую литературу, как, напр., брошюру «Положение слесарей в Вильно», а позже и «Материалы к програме РСДРП» и др., почти всегда выступала солидарно с другими социал-демократическими организациями, действовавшими в крае, хотя национализация ее прогрессировала все больше и больше; работая среди городских рабочих и крестьян, она приобрела среди них «некоторое влияние» даже по признаниям явно большевистских авторов.[205] Одним из главнейших центров этой партии был тот же гор. Вильно.

[196] Там же, стр. 101. Польская Encyklopedia Powszechna Ultima Thule (том. VIII, стр. 555) относит последний момент к 1895 г.

[197] Большая Советская Энциклопедия, том 37, 1938, стр. 123; С. Агурский называет эту партию «Литовской Рабочей Партией» (op. cit., стр. 110).

[198] Большая Советская Энциклопедия, том 37, 1938, стр. 123.

[199] Там же.

[200] С. Агурский, op. cit., стр. 101.

[201] Encyklopedia Powszechna Ultima Thule, tom IX, str. 721.

[202] С. Агурский, op. cit., стр. 101; С. Пестковский, op. cit., стр. 38.

[203] См. Пестковский, op. cit., стр. 37, по Агурскому, «эта партия считалась исключительно территориальной организацией, которая организовывала рабочих Польши для совместной борьбы с российским пролетариатом за освобождение трудящихся» (op. cit., стр. 101).

[204] С. Агурский, op. cit., стр. 101. Из белорусов, входивших в данную партию, можно отметить известного в белорусских виленских кругах деятеля Александра Барановича.

Переход польского и литовского социал-демократических движений к партийной организованости оказывал несомненное влияние и на родственные движения по всей Российской империи. Не без этого влияния и русские социал- демократические идеологи, особенно из заграничной группы «Освобождение Труда», начали ставить вопрос о создании единой социал-демократической организации для всей империи. Так, П. Б. Аксельрод в письме социал-демократическому кружку в Варшаве от 19 мая 1893 г., отвечая на письмо одного из членов этого кружка, И. М. Пескина, впервые освещает этот вопрос, предлагая в качестве первого акта решения его созыв за границей соответствующего съезда представителей как от заграничных, так и находящихся внутри страны социал-демократов. Здесь влияние прецедента недавно создавшейся ППС довольно ясно прощупывается, особенно в ссылке на орган ППС „Przedświt", как на достойный подражанию пример эфективности организованного действия.[206] Другой крупный идеолог того же «Освобождения Труда», Г. В. Плеханов, в своем докладе на международном социалистическом конгрессе в 1896 г. заявляет: «Основание в России единой и нераздельной социал-демократической организации должно составить главную цель наших усилий в ближайшем будущем»; одновременно и все более выдвигающийся Ленин в брошюре «Задачи русских социал-демократов» одной из главнейших таких задач также провозглашает работу «по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию».[207]

Но, опять-таки, совершенно независимо от заграничных и столичных русских вождей и идеологов, инициативу в том же направлении начинают развивать местные практики движения, и как раз первыми из них — социал-демократические работники Белоруссии. Так, в том же 1893 г., когда Аксельрод писал Пескину, «по поручению виленской группы тов. Юдин-Айзенштадт (ныне член ЦК РСДРП и Бунда) совершил объезд ряда городов с целью установления непосредственной связи с тамошними социал-демократическими организациями и выяснения вопроса о своевременности созыва социал-демократического съезда».[208] А в том же 1896 г., когда намечал «главную цель усилий в ближайшем будущем» Плеханов, «группа витебских социал-демократов занялась вопросом об объединении социал-демократии и разослала товарищей по разным городам — в Вильно, Минск, Могилев, Гомель, Киев, Кременчуг и др. города, с целью ознакомиться с ра-

[205] Там же, стр. 110.

[206] См. Материалы по истории русского революционного движения. II. Из архива П. Б. Аксельрода. Русский Революционный Архив, Берлин, 1924, стр. 237—242 (особ. сноска на стр. 239).

[208] Историческая справка (I съезд РСДРП), «Социалистический Вестник», № 5—6 (51—52), 16 марта 1923, стр. 3.

[207] С. Агурский, op. cit., стр. 101.

ботой социал-демократических групп», как отмечает один из первых большевистских историков ВКП(б), В. Невский,[209] несколько дальше обобщая: «Именно социал-демократы Западного края, социал- демократы евреи — из Гомеля, Витебска, Вильны, Минска разъезжались по русским городам. Они попадали особенно часто в Киев, Одессу, Харьков, Екатеринослав, Кременчуг, Елизаветград, Ростов-на-Дону и т. д. Они, особенно во второй половине 90-х годов, приносили туда уставы своих касс, свой опыт участия в этих кассах, свой стачечный азарт, свой конспиративный и организационный опыт и вносили в мирный пропагандистский темп русской работы определенную живую струю, «агитацию», и постепенно содействовали скорейшему переходу к массовой работе и в русских городах. Они, эти социал-демократы, вообще, очень много дали общероссийскому движению».[210]

В то время, как социал-демократы Белоруссии разъезжались по другим городам Российской империи, оплодотворяя везде рабочее движение и попутно выясняя возможности объединения социал-демократии в единую для всей империи партию, виленские еврейские социал-демократы у себя на месте спешили завершить работу по созданию специальной еврейской социал-демократической организации, вопрос, о которой поставил перед ними Мартов еще 1 мая 1895 г. Они явно стремились оформить создание такой организации еще до образования единой для всей империи партии с тем, чтобы поставить последнюю перед совершившимся фактом и вынудить считаться с ним, а поэтому, как увидим ниже, даже несколько тормозили иногда попытки ускорить всероссийское партийное объединение. Кроме того, их ободряли и поощряли примеры других национальностей, в особенности состоявшиеся в том же Вильно, в 1896 и 1897 гг., съезды литовской социал-демократии, построившей уже свою национальную партию, а также, с другой стороны, — организационное оформление сионистского течения еврейского национального движения, имевшее место на известном Базельском конгрессе в 1897 г. Окрылял также выпавший на 1896—1897 гг. новый подъем рабочего движения в крае, принесший ему и некоторые подлинные победы. Так, например, в Минске в 1896 году возникло 9 новых рабочих касс, хотя уже замечалось и некоторое разочарование в старых кассах,[211] но все же к концу 90-х годов в минских кассах было объединено около 1 000 человек, или 35—40% всего числа рабочих.[212] 1 Мая в 1896 и 1897 гг. в Минске организованно праздновали уже 300 чел., 1 марта 1897 г. подпольное собрание в том же Минске привлекло небывалое до тех пор число участников — более 250 человек.[213] 2 июня 1897 г. был издан новый закон, устанавливавший $11^1/_2$-часовой рабочий день, — акт, который, по Агурскому, «являлся результатом стачек, руководимых социал-демократами»,[214] а по Мартову — «победой рабочего класса».[215] Успехом забастовочного движения (выигранных забастовок было более 90%), имевшим свои-

[209] В. Невский. Очерки по истории ВКП(б), стр. 490 (ср. Агурский, op. cit., стр. 47).

[210] В. Невский. стр. 491 (ср. С. Агурский, op. cit., стр. 47).

[211] Я. Дыла. Сацыялістычны рух на Беларусі, Сб., «Беларусь», 1924, стр. 1929.

[212] І. Сосіс. Асноўныя моманты ў гісторыі жыдоўскага рабочага руху ў Беларусі, сборник «Беларусь», стр. 142.

[213] Я. Дыла, op. cit., стр. 129.

[214] С. Агурский, op. cit., стр. 45.

[215] Л. Мартов. История российской социал-демократии, 1922, стр. 23.

ми результатами сокращение рабочего времени (с 18—14 час. до 12—10 час.) и увеличение заработка (до 50%), И. Сосис «в значительной мере» объясняет успех работы еврейских социал-демократов, увенчавшийся образованием еврейской социал-демократической организации, так наз. «Бунда».[216]

В мае 1897 г. один из виленских социал-демократических активистов, А. Кремер, по поручению виленской и других социал-демократических групп, ездил за границу, где, между прочим, поставил перед группой «Освобождения Труда» вопрос о представлении этой группой за границей пославших его групп, но получил ответ, что представление пока не связанных между собою разрозненных групп не представляется возможным, следовало бы прежде всего этим группам объединиться организационно. Это и было последним толчком к тому, чтобы по возвращении Кремера виленчане окончательно решили сделать попытку подобного объединения — но только еврейских социал-демократических групп, созвав для этой цели в сентябре 1897 г. специальный съезд в гор. Вильно, на котором и был основан «Всеобщий Еврейский Рабочий Союз», получивший широкую известность под именем «Бунда».[217] Агурский считает, что в этом названии уже «заключалась программа» новой организации: «Это название, — утверждает он, — тотчас же с очевидностью обнаружило, что Бунд является организацией, поставившей себе задачу создать особую еврейскую рабочую партию с особыми целями и стремлениями, противоречащими интересам пролетарской солидарности».[218] Конечно, здесь опять у Агурского «сильно сказано», «по-большевистски». На названии «Бунда», принятом на его учредительном съезде, по воспоминаниям участника этого съезда А. Кремера, отразилось вообще стремление «приспособиться к массам», благодаря чему было отброшено и предлагавшееся прилагательное «социал-демократический», как могущее "отпугнуть" массы своей непонятностью (а, может быть, скорее «политичностью», при увлечении тогдашних масс чисто экономическими моментами).[219] Национализация же Бунда тогда была еще очень далека от пределов, даже в языковом отношении: на самом съезде, по свидетельству А. Кремера, «говорили на русском языке».[220] Да и позже, когда прошла языковая национализация, она не оказывалась таким уж непреодолимым барьером: один из старых белорусских социал-демократов, Я. Дыла, свидетельствует, что «за недостатком социалистической литературы на русском языке, рабочие неевреи по национальности иной раз обучались «жаргону» и, благодаря этому, читали бундовскую литературу непосредственно на еврейском языке. Таких, например, партийцев-работников приходилось встречать среди сморгонских кожевников и в других местах Белоруссии».[221] А другой, тоже старый белорусский социал-демократ, З. Жылунович, утверждает: «Бунд на первых порах стал чуть ли не монополистом рабочего движения в Белоруссии. К его рядам присоединялись во многих случаях даже

[216] І. Сосіс, op. cit., стр. 142.

[217] А. Кремер. Основание Бунда, «Пролетарская революция» № 11, 1922, стр. 51—52. «Бунд» по-еврейски (на «идиш») — «союз» (ср. немецкое „Bund“).

[218] С. Агурский, op. cit., стр. 51.

[219] А. Кремер, op. cit., стр. 53.

[220] Там же.

[221] Я. Дыла. Сацыялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь», 1924, стр. 128. Между прочим, еврейскому разговорному языку — «идиш» («жаргону») обучались незаметно для самих себя многие белорусы. Автор настоящих строк также знал «идиш» в свои школьные годы и даже начинал читать газеты на нем, а многие его друзья-белорусы отлично владели этим языком.

белорусские рабочие».[222] Таким образом, известный нам еврейско-белорусский контакт в рабочем движении образованием Бунда не был разрушен или даже нарушен в сколько-нибудь принципиальной степени: и теория, и практика Бунда оказывались совершенно не «противоречившими пролетарской солидарности».

После 3—4 заседаний съезда, на которых был обсужден общий характер учреждаемой им организации и принято ее название, был избран Центральный Комитет Бунда в составе А. Кремера, А. Коссовского и Мутника[223] и началась бурная деятельность под новосозданной фирмой. Организационное расширение этой фирмы за виленско-минские пределы вначале, правда, шло довольно туговато: «Брест примкнул, в Гомеле оказалось труднее», — лаконически сообщает А. Кремер.[224] Зато издательская работа развивалась, можно сказать, блестяще: еще летом 1897 г., до съезда, виленчане оборудовали прекрасную подпольную типографию, выпускавшую газету «Арбетер Штимме» («Рабочий Голос»), ставшую центральным органом Бунда, толстый журнал «Идишер Арбетер» («Еврейский Рабочий», две книги вышли еще до основания Бунда), так наз. «легальные жаргонные комплекты» и многочисленные листовки и брошюры, при чем некоторые из них не только на еврейском, но и на русском языке (как, напр., воззвание к 1-му мая, памфлет Мартова «Сон манифестанта» и др.).[225] Вскоре, однако, типографию пришлось перевести из Вильно в Минск, куда вынужден был переселиться и ЦК Бунда; из Минска типография последовала и дальше, в Бобруйск, Минской губернии, где впоследствии и была разгромлена полицией, успев, однако, за свое окологодовое существование выпустить изрядное количество пропагандной литературы на еврейском, а частично и на русском языке.

VI

ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И БЕЛОРУССИЯ

(Первый учредительный съезд РСДРП в Минске)

В то время, как Бунд организовывался и начинал развертывать свою деятельность, не прекращалась также подготовка к объединению социал-демократических групп и во всероссийском масштабе, о начале которой нами уже говорилось. Так как для проведения такого объединения предстояло пройти тот же путь, который прошел и Бунд — путь учредительного сьезда, то подготовка к объединению и вылилась в подготовку такого съезда. В специальной литературе было много споров по вопросу о том, где и у кого зародилась первая мысль и инициатива этого предприятия. На страницах посвященного специально истории большевистской партии журнала «Пролетарская революция» еще в 1922 г. прошла целая дискуссия по этому вопросу, поднятая Финн-Енотаевским, выступившим с утверждением, будто первенство в инициативе по созыву своего всероссийского съезда принадлежало московским социал-демократам. Ему горячо возражали ближайшие родственницы Ленина — жена Н. К. Крупская и сестра А. И. Елизарова (Ульянова), оспаривавшие это первенство для другой столицы — «Питера» (Петербурга), где, как известно, подвизался в то время и Ленин. Б. Эйдельман защищал безусловное первенство своего родного Киева, а Владимирский, поддерживая московскую версию Финн-Енотаевского, высказывал одновременно верную и примиряющую всех спорящих мысль, что идея и инициатива съезда могла зародиться, да и фактически зародилась совершенно самостоятельно и одновременно в разных местах[226] (ту же мысль высказывал еще в самом первом номере того же журнала «Пролетарская революция», еще в 1921 г. В. Невский).[227] О совершенно самостоятельном зарождении этой инициативы в Белоруссии, у групп виленских и витебских социал-демократов, о которых в дискуссии никто и не вспомнил, нами уже говорилось.

Однако внимательное изучение материалов заставляет придти к заключению, что все-таки наибольшая роль в деле созыва первого всероссийского съезда социал-демократии принадлежит двум местам — известному уже нам Вильно, а также Киеву. В принципиальном смысле роль Вильно следует признать несомненно большей, в полном соответствии с его удельным весом в движении, несравнимо большим, чем вес Киева, кроме того, явно находившегося в сфере притяжения Вильно, как об этом уже можно было бы догадываться из предыдущего изложения и придется окончательно убедиться на основании ниже сообщаемых данных. Но при сложившихся обстоятельствах, когда Вильно занялось объединением прежде всего еврейского социал-демократического движения и, пока не достигло этой своей непосредственной цели в организации Бунда, даже несколько тормозило дело объединения во всероссийском масштабе, как это уже указывалось, а вскоре выяснится со всей конкретностью, — в последнем практически (по крайней мере на первое время) большая роль выпала Киеву. «Следует знать, что Вильно, — не без местно патриотической гордости, но, по существу, и не особенно преувеличивая фактическую сторону, утверждает А. Кремер, — служило тогда центром не только для еврейского, но до известной степени и для всего молодого социал-демократического движения в России вообще. Русская нелегальная литература из-за границы направлялась через Вильну»[228] (здесь еще сообщаются подробности о связанном с виленскими социал-демократами, женатом на еврейке русском немце Бухгольце, эмигрировавшем в Берлин и оттуда организовавшем транспорт нелегальной литературы в Россию через Вильно). О связях киевских социал-демократов с виленчанами, укреплявшихся особенно как раз в силу ключевого положения Вильно в сношениях с за границей, повествует сам наиболее деятельный, особенно в рассматриваемом здесь деле объединения социал-демократии, киевский активист Б. Эйдельман: «Наиболее часто киевская группа встречалась с виленчанами. В начале 1897 г., когда шли переговоры о первом партийном съезде, мы знали о Вильне, что там ведется неутомимая и успешная ста-

---

[222] З. Жылуновіч. Рабочы рух у Беларусі... «Полымя», № 8, 1925, стр. 117.
[223] С. Агурский, op. cit., стр. 51.
[224] А. Кремер, op. cit., стр. 53. В Гомеле противодействовала оппозиция Натана Гезенцвейга.
[225] Я. Дыла, op. cit., стр. 128; А. Кремер, op. cit., стр. 54.

[226] См. К вопросу о первом съезде РСДРП — высказывания Финн-Енотаевского, Крупской, Елизаровой, Владимирского, Эйдельмана, «Пролетарская революция», № 6, 1922, стр. 227—229.
[227] В. Невский. К вопросу о первом съезде РСДРП, «Пролетарская революция», № 1, 1921, стр. 82.
[228] А. Кремер, op. cit., стр. 51.

чечная борьба, знали о виленских профессиональных союзах и кассах. Через Вильну же мы получали транспорт нелегальной литературы и сведения о заграничных социал-демократических организациях. Непосредственных сношений с за границей у киевской группы не было»[229] и в другом месте: «А в Бунде нас интересовал, главным образом, нелегальный транспорт, и я видел раз в Киеве Копельзона, а потом только Кремера и Середницкую».[230] И размах движения в Вильно, и его ключевое положение, несомненно, втягивали Киев в сферу влияния Вильно; вспомним, что даже сама социал-демократическая кружковщина уже была занесена в Киев из виленско-минской области, если и не из самого Вильно, то из столь близкого к нему Минска. С течением времени это влияние только возрастало, и к рассматриваемому нами моменту Киев можно считать до некоторой степени сателлитом Вильно. Во всяком случае, кажется совершенно правым Н. Ангарский, в споре с Эйдельманом заявивший: «Мне кажется, что киевская социал-демократическая организация находилась под несомненным идейным влиянием Бунда»[231] (т. е. Вильно. Н. Н.). Однако, Эйдельман ни за что не хотел признать влияния Вильно на Киев и какой-либо зависимости последнего от первого, всячески стараясь, во всяком случае, выравнять их по величине и подчеркнуть равенство по отношению к тем моментам, которые обеспечили и Вильно и Киеву их роль в объединении социал-демократии в Российской империи, исключительную среди других ее пунктов. Главным из таких моментов Эйдельман считал наличие и в Вильно и в Киеве старых опытных социал-демократических кадров, не затронутых частыми в других местах «провалами» и арестами: «При быстроте провалов групп в Москве и Петербурге только Киеву удалось наряду с Вильно накопить опыт старых работников» — указывал он,[232] в другом месте подчеркивая также, что «после виленской организации только группа „Рабочей Газеты" (т. е. одна из наиболее активных киевских социал-демократических групп. Н. Н.) имела в своих рядах членов, работавших беспрерывно пять лет и более. Только Бунд насчитывал в своих рядах работников старшего возраста и опыта».[233] Хотя в последнем суждении у Эйдельмана и проскользнуло признание большей исключительности за Бундом, т. е. за Вильно, однако, при рассмотрении другого момента, он начинает говорить уже только о Киеве, хотя момент этот в одинаковой мере распространял свое действие не только на Вильно, но и на многие другие подобные центры, особенно характерные для Белоруссии и своим наличием благоприятствовавшие усилению в ней социал-демократического движения при других неблагоприятных условиях для этого, о чем нам уже приходилось говорить в своем месте, ссылаясь именно на общий и принципиальный смысл приводимых теперь высказываний: «Почему Киеву удалось то, что не удалось ни Петербургу, ни Москве (т. е. осуществление инициативы по созыву всероссийского съезда социал-демократии. Н. Н.)? — ставит Эйдельман вопрос и отвечает: — Мне кажется,

[229] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 22.

[230] Б. Эйдельман. Об экономических тенденциях I съезда РСДРП, — «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 144.

[231] Н. Ангарский. Ответ т. Эйдельману, «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 161.

[232] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 12.

[233] Там же ,стр. 46.

что одна из причин этого — небольшое сравнительно с Петербургом и Москвой рабочее население Киева. Раз начавшись, пропаганда очень быстро охватила всю свою небольшую область и очень скоро возникла мысль об объединении всех имевшихся в городе кружков и групп, а затем и мысль о соединении в одну организацию всех городов».[234] И в других местах у Эйдельмана проскальзывает иногда желание умолчать о Вильно и выпятить родной Киев, являющееся явным отражением не только местного патриотизма, но и вытекающего из него духа соревнования. А дух этот, несомненно, вдохновлял киевлян и во время самой подготовительной работы по объединению социал-демократии — сам Эйдельман довольно откровенно и подробно поведал о таком соревновании между Вильно и Киевом в процессе этой работы.[235]

В соревновании с Вильно Киеву, наконец, удалось захватить инициативу в свои руки, но, собственно говоря, лишь потому, что Вильно уступило само ему эту инициативу, да и то, очевидно, не без намерения сорвать окончательное осуществление ее, что и было сделано с успехом. После переговоров в начале 1897 г., о которых можно найти упоминание в одной из приведенных нами выше цитат из Эйдельмана, на март 1897 г. в Киеве был созван съезд, на котором и должно было состояться учреждение единой для всей Российской империи социал-демократической партии. Однако, как сообщает Эйдельман в своих первых воспоминаниях о возникновении РСДРП, «виленчане не приехали; оказалось, что они не получили нашего письма, где были даны адреса и срок приезда».[236] Но позже тот же Эйдельман согласился с предположением одного из своих оппонентов Акимова, что неприезд виленчан объяснялся правдоподобнее всего тем, что они как раз создавали свою собственную организацию, осенью того же года и оформившуюся под именем Бунда,[237] т. е. что «неполучение письма» было фактически лишь чисто дипломатической отговоркой, прикрывавшей вполне сознательную попытку срыва дела, представлявшегося виленчанам нежелательным ввиду своей преждевременности, поскольку ими не было еще доведено до конца создание собственной еврейской организации, которое должно было, по их планам, предварить образование организации всероссийской. Попытка эта и удалась, так как без виленчан съехавшиеся в Киеве не сочли возможным учреждать всероссийскую партию и ограничились лишь проведением чисто местной конференции (так ее и называет Эйдельман), в результате которой, однако, удалось осуществить объединение до тех пор разрозненных киевских социал-демократических групп в местный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», по образцу подобных «союзов», возникших

[234] Там же, стр. 11. Ср. высказывание В. Ежова, на общий и принципиальный смысл которого нам также и там же приходилось ссылаться: «Тот факт, что киевляне сумели осуществить то, что замышляли и другие организации, объясняется в немалой степени более спокойной атмосферой Киева, более редкими арестами, что делало возможным накопление у отдельных работников революционного опыта, некоторой узостью местной работы, позволявшей уделять больше внимания общероссийским задачам» (послесловие В. Ежова к «Истории российской социал-демократии» Л. Мартова, изд. «Книга», Москва-Петроград, 1922, стр. VI).

[285] См. Б. Эйдельман. Об экономических тенденциях . съезда РСДРП, «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 144—145.

[235] См. Б. Эйдельман. Об экономических тенденциях I съезда РСДРП, «Протии», 1923, стр. 23.

[237] Б. Эйдельман. По поводу статьи т. Акимова, «Пролетарская революция», № 1, 1921, стр. 75.

уже в Петербурге и в Москве в 1895 г., чем все же был сделан еще один шаг вперед по пути к всероссийскому объединению.[238]

Лишь после оформления Бунда в сентябре 1897 г. дело созыва учредительного съезда единой для всей империи социал-демократической партии быстро двинулось вперед с тем, чтобы на сей раз уже дойти до своего завершения. Инициативу опять взяло в свои руки Вильно, т. е. теперь уже Бунд. Один из основателей последнего, А. Кремер, в своих воспоминаниях, в отличие от киевлянина Б. Эйдельмана, не старается, однако, возвысить Вильно над Киевом, а везде проводит мотив полного равенства обоих в деле инициативы по созыву съезда: «Мысль о таком съезде, — пишет он, — возникла одновременно в Бунде и киевском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», и несколько дальше: «И мы нашли, что нужно объединить все рабочее движение в России в одной партии, подобно тому, как Бунд объединил еврейское рабочее движение. В то же самое время та же мысль зародилась и в Киеве, где в то время разрослась кружковщина».[239] Конечно, факт образования Бунда не мог не подействовать и на киевлян, как новый стимул к дальнейшей работе по взятому уже ими ранее направлению к созданию всероссийской партии: ведь действовало же на них в этом смысле, по собственному признанию Эйдельмана, даже простое существование ППС, резиденты которой были и в Киеве[240] (правда, создание ППС было, как мы уже видели, и одним из существенных стимулов и к созданию Бунда). Но инициатива теперь, повторяем, за Вильно — Бундом: оттуда А. Кремер отправляется в Петербург и Киев, встречается с рядом лиц (в том числе и с тем же Эйдельманом), «и мы приняли решение созвать съезд».[241] За Бундом осталась и техническая сторона съезда и выбор места его: «Техническую сторону съезда взял на себя Бунд, и съезд состоялся в Минске в первые дни марта 1898 г.» — свидетельствует А. Кремер;[242] «Мы в Киеве не решались собирать съезд. Тогда бундовцы предложили Минск», — свидетельствует Б. Эйдельман.[243]

Интересны и характерны некоторые моменты последней стадии подготовки съезда — рассылки приглашений на съезд. «Из национальных социал-демократических организаций, — вспоминает Б. Эйдельман, — только за несколько дней до съезда была приглашена на съезд литовская социал-демократическая партия, но она делегата не прислала. Приглашена была эта организация так поздно потому, что мы ее очень мало знали раньше».[244] Однако А. Кремер, который, как и виленчане вообще, должен был больше знать эту, по сути тоже виленскую, организацию, сообщает весьма интересные и характерные подробности данного приглашения, очевидно, и осуществлявшегося в Вильно же и виленчанами: «Пригласили литовцев. Переговоры с ними вел Владимир. Те отказались. Им показалось недостаточным составлять автономную часть всеобщей партии; они требовали, чтобы вся партия построена была на федеративных началах. Они, кажется, требовали,

[238] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 23.
[239] А. Кремер, op. cit., стр. 54.
[240] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 13; о влиянии факта создания Бунда, там же, стр. 47.
[241] А. Кремер, op. cit., стр. 55.
[242] Там же.
[243] Б. Эйдельман. По поводу статьи т. Акимова, «Пролетарская революция», № 1, 1921, стр. 74.
[244] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, стр. 49.

чтобы партия признала территориальную автономию для Литвы. Но не помню этого точно».[245] Таким образом, оказывается, что требование федеративного построения всеобщей партии, выдвинутое впоследствии Бундом на втором, лондонском съезде РСДРП в 1903 г. и приведшее к выходу Бунда из партии, впервые ставилось литовской социал-демократией еще перед первым съездом, и отклонение его, очевидно, послужило главным мотивом для отказа литовцев войти в партию, в то время как Бунд и перед съездом и на нем не шел еще дальше требования автономии национальных организаций внутри единой всероссийской партии. «Что касается Социал-Демократии Царства Польского и Литвы, — вспоминает далее Б. Эйдельман, — то ее мы также очень мало знали, и она приглашена не была. Хорошо нам была известна ППС, но ее мы и не думали приглашать, так как ни группа „Рабочей Газеты" (т. е. киевская группа самого Эйдельмана. Н. Н.), ни какая другая из социал-демократических групп не считали ее социал-демократической».[246] В отношении ППС то же подтверждает и А. Кремер.[247] В другом месте Б. Эйдельман вспоминает, что киевляне в разговорах в то время условно называли ППС «дружественной иностранной державой»;[248] где-то в каком-то из других своих писаний тот же Б. Эйдельман, помнится, говорит о подобном условном обозначении Социал-Демократии Царства Польского и Литвы — «союзной иностранной державой», но из первой приведенной цитаты видно, что «держава» эта была еще, во всяком случае для киевлян, полной terra incognita, что впрочем, вполне понятно, если вспомнить сообщенное нами выше состояние, в котором находилась в то время эта весьма еще слабая и громимая, по сути уже большевистская организация.

«На съезд от Москвы был приглашен молодой и слабый московский Союз Борьбы», — вспоминает Б. Эйдельман.[249] Довольно подробно останавливается он на неприглашении на съезд известной нам уже белостокской группы «рабочей оппозиции» (позже «Рабочее Знамя»). Отмечая, что в этой группе в то время было «12—15 членов, по преимуществу рабочих», имелась «хорошо поставленная типография», Эйдельман вспоминает, что группу эту киевляне «не считали социал-демократической до выхода „Задач русской рабочей партии" (перепечатка женевского „Чего хотят социал-демократы?" с прибавлением одной-двух страниц о тактике)... После издания „Задач русской рабочей партии" один член киевского Союза Борьбы и один петербургского получили предложение от белостокской группы присоединиться к этой партии. Это было незадолго до съезда. Мы считали эти предложения за желание построить партию вокруг белостокской группы „Рабочего Знамени", как центра. Но для этого собиравшиеся на съезд группы не считали ее пригодной».[250] Таким образом, оказывается, что параллельно с виленской и киевской инициативой существовала и совершенно независимо действовала инициатива белостокская, уже почти достигнувшая образования «русской социал-демократической партии»; последняя, однако, окончательно оформилась уже лишь после созванного по виленско-киевской инициативе

[245] А. Кремер, op. cit., стр. 55.
[246] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 49.
[247] А. Кремер, op. cit., стр. 55.
[248] Б. Эйдельман. По поводу статьи т. Акимова, «Пролетарская революция» № 1, 1921, стр. 73.
[249] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 47.
[250] Там же, стр. 50.

съезда, о чем речь еще впереди; пока следует лишь заключить, что неприглашение белостокской группы на этот съезд объясняется, повидимому, ее оппозиционностью по отношению к общей линии инициаторов съезда и исходившей отсюда конкуренционностью в деле объединения социал-демократии в единую партию.

По приглашениям прибыло на съезд всего 9 делегатов: один от Петербурга (Радченко), один от Москвы (Ванновский), один от Екатеринослава (Петрусевич), трое от Киева (Эйдельман, Вигдорчик и Тучапский) и трое от Вильно (Кремер, Мутник, Кац).[251] Виленские делегаты представляли Бунд, а остальные — местные «Союзы Борьбы за Освобождение рабочего класса» (петербургский, московский, киевский, екатеринославский).[252] Территориально здесь были представлены собственно — Россия (Петербургом и Москвой), Украина (Киевом и Екатеринославом) и Белоруссия (Вильно, да и, собственно говоря, Минском, в котором происходил съезд), причем представляли эти территории, главным образом, их исторические столицы (Петербург, Москва, Киев, Вильно — историческая столица Великого Княжества Литовского, т. е. одного из исторических вариантов белорусской государственности; один Екатеринослав не был исторической столицей). Национально, во всяком случае — в смысле национальной сознательности, были представлены главным образом русские; один лишь Бунд представлял национально-сознательных евреев. Бунд косвенно представлял и белорусов, в силу известного нам и еще не разрушенного в нем еврейско-белорусского контакта, но вряд ли — белорусов национально-сознательных, а скорее тех же русских по своему национальному сознанию. Вообще же говоря, даже Бунд в то время не был еще совершенно свободен от известного нам «революционно-интернационального или вернее государственно-русского» подхода, хотя, как увидим дальше, на съезде подход этот был поднят на несколько высшую ступень, уже не «государственно-русского», а «государственно-российского».

Весьма характерно, что пролетариат на съезде был представлен всего лишь одним подлинным рабочим (бундовцем Кацом). Крестьянство не было представлено вовсе, что, впрочем, вполне в порядке вещей для социал-демократии (большевистско-ленинская концепция «союза рабочего класса и крестьянства» тогда лишь еле-еле зарождалась); в социально-классовом отношении состав съезда был почти сплошь интеллигентским. Наконец, в чисто формальном отношении в составе съезда характерно отражающее известную уже нам историю его подготовки явное преобладание инициаторов над собственно-приглашенными — первых ровно $^2/_3$, причем ровно $^1/_3$ виленчан и $^1/_3$ киевлян (по 3 человека). Что касается виленчан, то сравнительную многочисленность их на съезде Б. Эйдельман объясняет чисто-техническими обстоятельствами: «Посылка делегации для Бунда была облегчена тем, что съезд происходил в районе Бунда, в Минске, а средства,

[251] С. Агурский, op. cit., стр. 52. Следует отметить, что данные о персональном составе съезда, приведенные нами здесь вслед за Агурским, представляют собою последнее слово исследования в данном вопросе, во многих прежних источниках (напр., у Мартова, Невского, Зиновьева и др.) явные ошибки; даже Б. Эйдельман, первым восстановивший верную картину, не мог вспомнить фамилии рабочего Каца.

[252] Некоторые делегаты — собственно, киевляне, — представляли одновременно и некоторые другие организации, как, например, группу «Рабочей Газеты» (Эйдельман и Вигдорчик), киевский «Рабочий комитет» (Тучапский).

конечно, были весьма скромные... Имела значение и экономия, и желание собрать как можно меньше людей из конспирации»[253] и в другом месте: «Мы при определении числа делегатов на съезд руководились только конспирацией (чем меньше, тем лучше) и экономией (чем меньше делегатов, тем дешевле обойдется)... Бунду же ничего не стоило делегировать троих, так как съезд происходил на территории Бунда».[254] Однако равная численность делегации киевской объясняется все так же, повидимому, желанием киевлян сохранить равенство с виленчанами-бундовцами и на съезде; во всяком случае, здесь уже мотивировка конспирацией и экономией явно не подходит, и тот же Эйдельман должен изобретать разнообразные, и часто искусственные, мотивы для оправдания присутствия на съезде каждого из киевлян в отдельности. Впрочем, численность делегаций имела значение лишь для дискуссий, а не для голосования при принятии решений, так как, по свидетельству Эйдельмана, «по уставу каждая делегация имела один голос, хотя на деле это не выполнялось, так как не имело никакого значения».[255] Однако все же киевлян можно заподозрить и здесь, во всяком случае, в стремлении не только сравняться с виленчанами, но даже майоризировать их — ведь трое киевлян представляли собой три делегации — киевского «Союза борьбы», группы «Рабочей газеты» и киевского «Рабочего Комитета», тогда как о представлении виленчанами кого-либо другого, кроме Бунда, по крайней мере, ничего неизвестно.

Съезд продолжался с вечера 1 (13) марта по вечер 3 (15) марта 1898 г.[256] в небольшом деревянном одноэтажном домике № 137 по Захарьевской (позже — Советской, ныне — Проспект Сталина) улице в Минске, при советской власти превращенном в специальный «Музей первого съезда партии» и сгоревшем до тла при гитлеровском наступлении в 1941 г. (ныне отстроен заново). Хозяин квартиры, в которой происходил съезд, некий Румянцев, в заседаниях съезда участия не принимал, но на заключавшем съезд небольшом банкете присуствовал и даже провозгласил тост, свидетельствовавший о том, что и он был в курсе дела происходившего, явно ему сочувствовал и возлагал большие надежды на его будущее (впоследствии и он был арестован в связи со съездом).

Первым вопросом на первом заседании съезда, по свидетельству избранного на нем председателя съезда Б. Эйдельмана, был вопрос о названии партии, на учреждение которой все съехавшиеся были согласны. «По вопросу о названии партии, — сообщает Эйдельман в своих воспоминаниях, — давались два ответа: русская и российская... Слово «российская» было выбрано для партии, чтобы указать, что в работе, какую партия наша делает, принимают участие не только русские пролетарии, но и пролетарии всех других населяющих Россию народов».[257] Это терминологическое нововведение несомненно отражало собою влияние известных уже нам национализационных процессов, проходивших на разных территориальных участ-

[253] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 52.

[254] Б. Эйдельман. Об экономических тенденциях I съезда РСДРП, «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 143—144.

[255] Там же.

[256] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 57; ср. А гурский, op. cit., стр. 52.

[257] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 53; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 52.

ках социал-демократического движения в бывшей Российской империи, и представляло, как уже было замечено нами, выражение возведения повсеместно господствовавшего в этом движении «революционно-интернационального, или вернее государственно-русского» подхода на несколько высшую ступень подхода «государственно-российского». Новое словоупотребление, повидимому, произвело немалое впечатление на участников съезда и было воспринято некоторыми из них прямо-таки в эпохиальном смысле; так, например, Б. Эйдельман, процитировав в одном месте из досъездовских документов, говоривший о «задачах русского рабочего движения», замечает: «После первого съезда мы бы сказали: рабочего движения в России или российского рабочего движения».[258]

Но влияние национализационных процессов нашло себе еще большее отражение при разрешении одного из следующих пунктов повестки съезда. «После вопроса о названии партии, — по воспоминаниям Б. Эйдельмана, — одним из первых было формулировано отношение нашей партии к национальному вопросу. Вопрос возник по поводу пункта порядка дня: отношение к ППС».[259] Формулировку эту находим в пункте восьмом принятых съездом решений: «Партия признает за каждой национальностью право самоопределения».[260] Значение постановки и разрешения на съезде данного вопроса тем большее, что, как обратил внимание и Эйдельман, «это был единственный программный вопрос, обсуждавшийся и решенный на первом съезде».[261] С. Агурский совершенно резонно приписывает данному решению «большое историческое значение».[262] Можно вполне разделить предположение одного из исследователей отношения социал-демократии к национальному вопросу, В. Ледера, что в основу принятой съездом формулировки была положена принятая еще Лондонским Международным Социалистическим Конгрессом декларация: «Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма. Конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии».[263]

Все остальные обсуждавшиеся и разрешенные на съезде вопросы имели чисто организационный и, в большинстве случаев, более тактический, чем принципиальный характер. По фигуральному выражению Эйдельмана, «если пропаганду, агитацию и организацию признать нашей революционной троицей, то духом святым перед первым съездом стала организация. Дать этому духу воплощение — вот задача первого съезда».[264] Основным принципом организационного построения партии съезд теоретически принял принцип централизма. «Как организация борьбы, — пишет об этом тот

258 Там же, стр. 39.
259 Там же, стр. 53.
260 См. сборник «Первый съезд партии», изд. «Московский Рабочий», 1923. стр. 9.
261 Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 53.
262 С. Агурский, op. cit., стр. 53.
263 В. Ледер. Национальный вопрос в польской и русской социал-демократии», «Пролетарская Революция», № 2—3 (61—62), 1927, стр. 149.
264 В. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 40.

же Эйдельман, — партия пролетариата России должна была, по мысли съезда, в лице своей центральной организации быть единой, как един и ее ближайший противник»[265] и в другом месте: «Основатели партии должны были быть сторонниками сильной центральной организации».[266] Однако действие принципа централизма было ограничено как в силу само собой разумеющегося для социал-демократической партии, отраженного в самом этом ее названии, принципа демократизма, так и в силу особенностей и требований живой тогдашней практики движения. «По организационному вопросу было решено, — в передаче Агурского, — что местные комитеты выполняют постановления центрального комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям».[267] «Широкое самоуправление комитетов, — замечает по данному моменту Эйдельман, — это и есть не что иное, как демократизм. Как социалисты, мы не можем не быть демократами».[268] Однако необходимость считаться с практикой, повидимому, имела здесь еще большее значение, чем принцип демократизма. Хотя в этой практике, по тому же Эйдельману, уже и до съезда «вместо колокольного патриотизма партикуляристов воспитывалась партийность»[269] (конечно, прежде всего в столь близком сердцу нашего автора, в силу того же местного «колокольного» патриотизма, Киеве, к которому и относятся им больше всего данные слова), но все же, оказывается, «партийность надо было воспитать. И декретами этого достигнуть нельзя. Только фактическая, продолжительная и успешная работа центрального комитета могла постепенно уничтожить партикуляризм и заменить его партийностью».[270]

Кроме широкого самоуправления местных комитетов, съездом была признана особая автономия Бунда: «Бунд вошел в партию, — по Агурскому, — как автономная ее часть, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся еврейского пролетариата».[271] «Некоторая особенность его автономии, — по Эйдельману, — зависела также от особого языка его членов»[272] и в другом месте: «Автономия Бунда по смыслу постановления съезда была скорее всего технического свойства . . . Никаких особенных привилегий или ограничений для бундовцев сделано не было».[273] Наибольшая самостоятельность Бунда признавалась в деле издательства на еврейском языке, права непосредственных внешних сношений он был категорически лишен.[274] И широкое самоуправление местных комитетов, и внешне техническая, а по существу национальная автономия Бунда сильно ограничивали декларированный принцип централизма и делали его весьма далеким от того партийного тоталитаризма, который большевики и до сих пор, в силу свойственной им парадоксальности словоупотребления, называют «демократическим централизмом». Неудивительно поэтому, что «История ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского упрекает съезд в том, что им «слишком много

265 Там же, стр. 53.
266 Там же, стр. 54.
267 С. Агурский, op. cit., стр. 53.
268 Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 55.
269 Там же, стр. 47.
270 Там же, стр. 55.
271 С. Агурский, op. cit., стр. 53.
272 Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 53.
273 Там же, стр. 53—54.
274 С. Агурский, op. cit., стр. 53.

уступок было сделано местным организациям, боявшимся централизма, и Бунду».[275]

Практический подход съезда к организационным вопросам обусловливался самим составом его сплошь из практиков социал-демократического движения. В силу этого же съезд даже не пытался заниматься программными вопросами, за исключением единственного, как нам уже известно, пункта по национальному вопросу, сформулирования которого, опять-таки, требовала насущная практика движения в обстоятельствах времени, а также не нашел себя в состоянии составить учредительный манифест основываемой им партии. «Участники съезда, — замечает Агурский, — не хотели брать на себя ответственность за составление манифеста, и обратилась с поручением написать манифест к Струве, так как Ленин и Мартов были тогда в ссылке; Плеханова же считали несколько оторванным от России и неосведомленным в русских делах».[276] Этот манифест и был написан проф. П. Б. Струве, в то время одним из виднейших русских марксистов (впрочем, вскоре перешедшим к так наз. «легальному марксизму» и «экономизму») и отпечатан в бобруйской типографии Бунда. По настоянию А. Кремера, в манифесте была отмечена преемственность новообразовываемой партии с партией «Народной Воли»[277], хотя определяющий для последней народнический утопический «общинный» социализм, а также терроризм, жестоко критиковались и категорически отбрасывались марксистами, так что говорить здесь о преемственности можно было лишь в смысле общей традиции революционной антиправительственной борьбы. Многие места составленного Струве манифеста не удовлетворяли современников (в частности, тех же А. Кремера, Б. Эйдельмана) и особенно не удовлетворяют нынешних большевиков. «Манифест, выпущенный от имени съезда, — оценивает сталинский „Краткий курс истории ВКП(б)", — был еще во многом неудовлетворительным. В нем была обойдена задача завоевания пролетариатом политической власти, ничего не сказано о гегемонии пролетариата, обойден вопрос о союзниках пролетариата в его борьбе против царизма и буржуазии»[278], т. е., иначе говоря, манифест «обходил» почти все принципиальные моменты, вошедшие впоследствии в железный фонд идеологии большевизма.

Съезд избрал Центральный Комитет образованной им Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в составе петербургского делегата Радченко, киевского Эйдельмана, и виленского — бундовского Кремера (одновременно бывшего и членом ЦК Бунда).[279] В конце съезда, по Эйдельману, все участники съезда были объявлены членами, вернее — кандидатами ЦК, и было высказано намерение созвать следующий, второй съезд не позже, как через шесть месяцев.[280] В заключение состоялся небольшой банкет, одним из характерных тостов на котором был тост за то, чтобы в партии и на ее съездах было больше рабочих.[281]

[275] История ВКП(б) под общей редакцией Ем. Ярославского, т. I, вып. 1, стр. 145.

[276] С. Агурский, op. cit., стр. 52—53.

[277] А. Кремер. Основание Бунда, стр. 56; ср. Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 57. По А. Спиридоновичу (История большевизма в России, Париж, 1922, стр. 30). Даже самый день открытия съезда — 1 марта — «был избран сознательно, дабы подчеркнуть связь с деятельностью «Народной Воли».

[278] История ВКП(б), краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 23.

[279] А. Кремер, op. cit., стр. 56.

[280] Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 57.

[281] Там же.

VII

ПОСЛЕ СЪЕЗДА — НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ИТОГИ

Историческое значение описанного и рассмотренного нами с возможной обстоятельностью первого съезда Российской Социал-Демократической Партии как для социал-демократического движения в Российской империи, так и для возникшего впоследствии в недрах этого движения большевизма, несомненно. Сам Ленин в своем «Что делать» признал, что «образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы».[282] Однако позже большевистские теоретики начали постепенно снижать оценку значения съезда. Уже Зиновьев, еще будучи на вершине славы, в своей «Истории РКП(б)» назвал первый съезд «случайным», считая фактически первым номинально второй, лондонский съезд партии 1903 г.[283] Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» сводит все значение первого съезда к значению «формального акта» провозглашения создания РСДРП, «сыгравшего большую революционно-пропагандистскую роль», заявляя, что «несмотря на состоявшийся первый съезд, на деле марксистская социал-демократическая партия в России не была еще создана».[284] О критике решений съезда в «Истории ВКП(б)» под редакцией Ярославского нами уже говорилось выше. Следует также отметить дискуссию по вопросу об «экономических тенденциях» первого съезда, прошедшую в 1928 г. на страницах посвященного истории большевистской партии журнала «Пролетарская революция».[285] Наличие подобных тенденций категорически отрицал Б. Эйдельман, в заключении своего выступления заявивший, что «Первый съезд мог сделаться отправной точкой в строительстве организации рабочего класса под знаменем большевизма».[286] Одако можно согласиться с наиболее соответствующим фактам выводом одного из оппонентов Эйдельмана, И. Татарова, что «у киевлян (и, конечно, у всех прочих участников съезда, у бундовцев особенно. Н. Н.) было от экономизма то, что еще не делало их последовательными экономистами. Они стремились развернуть борьбу на экономических фактах без ясного представления, как эта борьба вырастает в политическую, но без забвения последней. Они балансировали в этом вопросе, как и большинство организаций того времени, даже самых «устойчивых».[287] Но, конечно, всякое «балансирование» и компромиссность, по крайней мере в теории — далеко не большевистская черта. Кстати, из всех участников первого съезда один лишь Б. Эйдельман впоследствии стал и, как будто бы, до конца остался большевиком, тогда как в качестве «меньшевиков» получили известность и Кремер (по Зиновьеву — «увы! правейший из правых меньшевиков»), и Вигдорчик (также «увы! — правый меньшевик», по Зиновьеву), и Тучапский.[288] Если вспомнить еще сообщенное нами выше о большевистской критике манифеста съезда, становится ясным, что и в самом деле для большевизма, как такого, первый съезд РСДРП дал еще очень мало.

[282] См. С. Агурский, op. cit., стр. 54.

[283] Г. Зиновьев. История РКП, ГИЗ, 1923, стр. 17.

[284] История ВКП(б), краткий курс, 1950, стр. 23.

[285] «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 137—169.

[286] «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 145.

[287] Там же, стр. 166.

[288] Зиновьев, op. cit., стр. 49; ср. Н. Н. Попов. Очерки истории ВКП(б), изд. 6-е, ГИЗ, 1928, стр. 33—34.

Не так много дал первый съезд и для Белоруссии, хотя и происходил на ее территории. Роль Бунда была и долго оставалась здесь значительно большей. По данным Агурского, «в Белоруссии после съезда образовались специальные партийные комитеты только в Гомеле и Вильне. Бунд стал называться РСДРП, с подзаголовком «Всеобщий Еврейский Рабочий Союз», и бундовские комитеты, за исключением Вильны и Гомеля, были в то время единственными социал-демократическими организациями в Белоруссии и продолжали после съезда работу в Белоруссии».[289] Вспомним также свидетельство З. Жылуновича о Бунде, как о «чуть ли не монополисте рабочего движения в Белоруссии на первых порах», приводившееся нами выше в другой связи. Таким образом, если после первого съезда РСДРП Бунд официально и формально превратился в филиал РСДРП, что отражало его новое название, в которое прежнее собственное имя организации — Всеобщий Еврейский Рабочий Союз — входило уже лишь в качестве подзаголовка к общему фирменному имени РСДРП, — то фактически и практически дело обстояло так, как если бы Бунд был действующей фирмой, а РСДРП ее филиалом, подлинное место имени которого и должно было бы быть в подзаголовке, а не наоборот. Исторически же, как мы уже видели, РСДРП и была в такой значительной мере детищем (т. е. тем же «филиалом», по теснейшему этимологическому смыслу этого слова) Бунда. Известную уже хорошо нам роль последнего в деле создания РСДРП (особенно в таком завершающем акте этого создания, как первый учредительный съезд партии, так активно и успешно проассистированный Бундом от обеспечения места работы до напечатания манифеста) подчеркивают не только могущие быть заподозренными в пристрастности свидетельства самих бундовцев[290], но и все прочие источники, от Мартова[291] до Зиновьева[292] (только сталинский «Краткий курс», по вполне понятным причинам, совершенно замалчивает эту роль, хотя не может, конечно, скрыть ни факта существования Бунда, сообщая даже точную дату его возникновения, ни факта вхождения его в РСДРП, возникшую годом позже). Но и после создания РСДРП непосредственное влияние Бунда оставалось могущественным не только для Белоруссии но попрежнему достигало и более отдаленных от нее мест империи, как Киев и даже Москва.[293]

Правда, если создание РСДРП, как мы уже отметили, не так много дало для Белоруссии, то оно все же, несомненно, обещало дать не мало и ей, точнее — ее социал-демократическому движению. Именно в таком смысле и восприняли весть о минском съезде и учреждении на нем РСДРП широкие рабочие круги Белоруссии, как свидетельствуют об этом известные уже нам сморгонский кожевник И. Песковой и З. Жылунович.[294] Однако в деле реализации этих обещаний новой партии с самого начала не повезло. Только лишь ее ЦК начал свою работу, понимавшуюся им в смысле обслуживания местных комитетов с тем, чтобы постепенно (а, может быть, и незаметно)

[289] С. Агурский, op. cit., стр. 53—54.

[290] См., напр., А. Кремер. Основание Бунда, «Пролетарская революция», № 11, 1922, стр. 54.

[291] См. Историю российской социал-демократии, 1922, стр. 62, там же.

[292] См. Историю РКП(б), 1923, стр. 48, там же.

[293] См. Н. Ангарский. Ответ т. Эйдельману, «Пролетарская революция», № 10 (81), 1928, стр. 161—162 (высказывание Ангарского о влиянии Бунда на Киев уже цитировалось нами выше).

[294] См. И. Песковой. В Сморгони, «Красная Летопись», № 8, 1923; стр. 83; З. Жылуновіч. Рабочы рух у Беларусі, «Полымя», № 8, 1925, стр. 117

перейти к руководству ими[295], как прокатившаяся внезапно волна арестов разрознила и самый ЦК, и ряды партийного актива, вырвав из них почти всех учредителей партии — участников ее первого съезда. Первый прибой этой волны разразился уже в ночь с 11 на 12 марта, т. е. немногим больше, чем через неделю после съезда, но самый мощный подъем ее пришелся на июль месяц, когда был арестован также и ЦК Бунда, и более 70-ти его активистов, и бобруйская типография, успевшая все же выпустить манифест съезда.[296] Из ЦК РСДРП был арестован Эйдельман; Радченко, единственный из всех участников съезда избежавший ареста[297], по свидетельству Кремера, «отстал», т. е. отошел от работы[298], так что практически ЦК перестал существовать. Был арестован и ряд видных социал-демократов в Центральной России, на Украине и в Белоруссии.[299]

Современники, да и все исследователи, долгое время связывали эту, небывалую до тех пор, волну арестов с первым съездом РСДРП в Минске. «Киевские делегаты, — высказывал уверенно свое предположение Кремер, — завезли в Минск шпионов. В самом Минске никого не арестовали. Но тотчас же после съезда арестовали в Киеве и Екатеринославе делегатов и почти всех видных работников, которые были с ними связаны».[300] Однако, когда после революции 1917 г. стали доступными полицейские архивы, выяснилась совершенно иная картина. Оказалось, что «сами жандармы, как говорится, съезд проворонили. О съезде они узнали несколько месяцев спустя после совершившегося факта»[301], а весенне-летняя волна арестов 1898 года была лишь осуществлением еще задолго до съезда (по крайней мере, не позже осени предшествовавшего 1897 г.) задуманной полицейскими органами «ликвидации рабочего движения», как еврейского (в первую очередь), так и по всей России вообще (как инспирируемого, по мнению «ликвидаторов», евреями — отсюда и аресты прежде всего связаннных с евреями нееврейских социал-демократов).[302] Следует отметить, что до этой «ликвидации» социал-демократическое движение, в особенности еврейское, массовых арестов волнами вовсе не знало. Л. Мартов, лично, как мы знаем, участвовавший в еврейском рабочем движении в самом знаменитом в нем городе Вильно, в своих воспоминаниях рассказывает, что виленские «общегубернские власти, сосредоточив все свое охранительное усердие на русификаторской задаче и уловлении «полонизма», гораздо меньше интересовались еврейскими пролетариями, чем литовскими ксендзами и польскими гимназистами. Вплоть до 1895 года

[295] См. Б. Эйдельман. К истории возникновения РСДРП, сборник «I съезд партии», 1923, стр. 58.

[296] См. В. Невский. К вопросу о первом съезде РСДРП — «Пролетарская революция», № 1, 1921, стр. 92; С. Агурский, op. cit., стр. 54 и 59; А. Кремер, op. cit., стр. 56.

[297] В. Невский. op. cit., стр. 92.

[298] А. Кремер, op. cit., стр. 56; В. Невский (op. cit., стр. 91) говорит и об аресте Кремера, будто бы дававшего под арестом и какие-то показания, а вскоре и освобожденного, но сам Кремер об этом умалчивает.

[299] С. Агурский, op. cit., стр. 54.

[300] А. Кремер, op. cit., стр. 56.

[301] В. Невский, op. cit., стр. 85. Лишь 26 июня 1898 г. в полицейской переписке впервые упоминается о съезде в связи с первым обнаружением текста его манифеста (да и то не в бобруйском издании, а в перепечатке в заграничном издании «Листка Работника», № 8).

[302] Там же. Первое упоминание о задуманной «ликвидации» в полицейской переписке относится к ноябрю 1897 года.

мы пользовались в своей подпольной работе полным иммунитетом».[303] Однако и после 1895 года, хотя власти и начали уже обращать внимание на «еврейских пролетариев», в связи с массовизацией их движения и его открытыми выступлениями, и от времени до времени нарушать прежний «иммунитет», последний все же действовал и в пору минского съезда 1898 г., хотя полная ликвидация этого «иммунитета», как мы только что видели, уже была задумана, решена и вот-вот готовилась быть приведенной в действие. Поэтому распространяемая иногда и теперь информация о первом съезде РСДРП, как о состоявшемся будто бы в обстановке обостренной полицейской бдительности, так что делегатам на съезд буквально приходилось «прорывать полицейские рогатки» и только девяти из них удался подобный «прорыв», — грубо тенденциозно искажает действительно существовавшее положение.[304]

Во время весенне-летней волны арестов 1898 г. еще продолжали работать те группы рабочего социал-демократического движения в Белоруссии, которые этой волной не были затронуты или были затронуты не сразу. Так, в апреле 1898 года собралась на совещание группа витебских социал-демократов, о попытке которой выяснить почву для объединения социал-демократического движения во всероссийском масштабе нами уже говорилось выше. Как мы помним, эти витебские социал-демократы еще в 1896 году разъехались по всей империи с целью такого выяснения. Как сообщает Агурский, на основании данных В. Невского, «в апреле 1898 года они собрались на совещании, длившемся 10 дней. В этом совещании участвовали: братья Гуревич («Борис», «Эммануил», «Матвей»), Плагов, Абрамов (член ВКП по сей день), Минц, Рабкин, Виленский. На этом совещании было выработано нечто вроде программы, после чего все снова разъехались на работу в разные города».[305] Об обсуждении на данном совещании вопроса о единой социал-демократической партии для всей Российской империи, представлявшего собою, как знаем, отправную точку для всего предприятия витебчан, ничего не сообщается, — по всей вероятности, после минского съезда, учредившего такую партию в виде РСДРП, вопрос этот для участников предприятия потерял свою актуальность.

Зато не потерял этот вопрос своего значения для неприглашенной, как мы знаем, на минский съезд белостокской оппозиционной группы, и она довела до конца свою инициативу и, объединившись с подобной же петроградской оппозиционной группой, называвшей себя «группой социалистов», в мае 1898 г. выпустила в своей подпольной типографии первый номер журнала «Рабочее Знамя» от имени «Русской Социал-Демократической Партии».[306] Значение терминологической разницы — «русская» — «российская» уже достаточно известно нам из предыдущего изложения и также достаточно характеризует облик новой партии; добавочным характеризующим моментом является указываемое источниками акцентирование этой партией момента политического в противовес экономическому.[307] Однако в июле типография партии была разгромлена полицией (как видно, одновременно с бобруйской типографией Бунда) и партия (пожалуй, целиком) также очутилась за решеткой (последующие попытки восстановления этой группы частично не имеют отношения к Белоруссии, частично относятся к следующему историческому периоду).[308]

Первым, да и, пожалуй, единственным вплоть до конца рассматриваемого нами здесь периода — оправился от последствий «ликвидационной» волны Бунд. Уже зимой того же 1898 года в Минске, например, действовал опять комитет Бунда из одиннадцати совершенно новых лиц.[309] Снова начинается бундовская партийная работа в Белоруссии, и прогрессирует, несмотря на некоторое торможение, вызываемое внутрипартийной оппозицией, процесс дальнейшей национализации партийной линии. «Вскоре после первого съезда РСДРП, — сообщает С. Агурский, — вожди Бунда писали в своем центральном органе «Арбетер Штимме» (№ 11), что «с успехом отстаивать специальные еврейские интересы не в состоянии общероссийская партийная организация», повторяя старую мысль Мартова, что еврейские рабочие нуждаются в специальной еврейской рабочей организации.[310] Руководители Бунда извлекли из архива речь Мартова «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении», перепечатали ее в «Арбетер Штимме» и издали отдельной брошюрой. На третьем съезде Бунда (в 1899 г.) докладчик Жан заявил: «Еврейский пролетариат должен помимо гражданского равноправия добиваться также национального равноправия. Гражданского равноправия недостаточно для того, чтобы еврейский рабочий мог отстаивать свои интересы». Правда, съезд не принял этой точки зрения и заявил в своей резолюции по национальному вопросу: «Наряду с другими политическими требованиями Бунд выдвигает требование только гражданского, но не национального равноправия». Вместе с тем было принято постановление открыть дискуссию в «Арбетер Штимме» по национальному вопросу, с условием, что ответственность за статьи по этому вопросу падает на самих авторов; таким образом Бунд оставил за собой право сохранять «нейтралитет» в этой дискуссии».[311] Подведением итогов дискуссии должен был заняться четвертый съезд Бунда, состоявшийся уже в пределах следующего исторического периода.

Одновременно с борьбой вокруг момента национализации, в рядах Бунда, особенно в его восстановленной минской организации, разгорелась было борьба вокруг вопроса о примате экономических или политических моментов в

---

[303] Л. Мартов. Записки социал-демократа, книга I, «Летопись революции», № 4, Берлин-Петроград-Москва, 1922, стр. 195.

[304] С подобной информацией нам пришлось несколько неожиданно встретиться на страницах обычно весьма солидно информирующего американского журнала „Time": „Only nine delegates managed to get past the police and muster hurriedly for three days at Minsk in 1898" (см. „Time", October 6, 1952, p. 32, заметка „What communist congresses have done"). Впрочем, как заключительная фраза данной информации („They just had time to draft a manifesto before the police caught up with them"), так и ее предварительная часть („Lenin, in a Czarist political prison, dreamed up the First Congress. But out of his cell, the little father of Soviet Russia smuggled a program for a new Russian Social Democratic Workers' Party") — как видим, в том же стиле и на том же уровне; между тем информация об остальных партийных съездах весьма толковая.

[305] С. Агурский, op. cit., стр. 47 (ссылка на «Очерки по истории ВКП(б)» В. Невского, стр. 490).

[306] См. Я. Дыла. Социялістычны рух на Беларусі, сборник «Беларусь», 1924, стр. 131, а также — «История ВКП(б)», том I, вып. 1, под общей редакцией Ем. Ярославского, ГИЗ, 1926, таблица 37 (к главе VI); отчасти также — Л. Мартов. История российской социал-демократии, 1922, стр. 40.

[307] Там же.

[308] Там же (у Ярославского разгром относится к июню, а не июлю).

[309] Я. Дыла, op. cit., стр. 130.

[310] Более подробную цитату из той же, повидимому, статьи «Арбетер Штимме» можно найти у Агурского в другом месте, на стр. 52, но в ней почти дословно повторяется аргументация Мартова.

[311] С. Агурский, op. cit., стр. 75.

рабочем движении. Точку зрения примата политики в минском комитете отстаивал Н. Китаевич против уполномоченного ЦК А. Залкинда; под влиянием последнего, на пасху 1899 г. минские бундовские «массы» потребовали от местного комитета возврата к старой, т. е. экономистской, тактике под угрозой перевыборов комитета, что вызвало выход из последнего Китаевича и единомышленников в конце лета того же года; зимой споры снова возобновились в связи с приездом в Минск Шахновича, и к 1 декабря 1899 г. Минский комитет Бунда распался.[312] Однако и после этого распада в Минске продолжали работать бундовские пропагандистские кружки (13 кружков 1-й ступени, пять — 2-й и два — 3-й), собирались довольно многолюдные (по 200-300 человек) собрания, работали рабочие кассы, Красный Крест, под руководством заместившего комитет Бунда так наз. «ремесленного совета» в составе из одних рабочих.[313]

Однако, если в Минском Бунде еще побеждал «экономизм», разваливая при этом самую партийную организацию, то, вообще говоря, время этого «экономизма» уже явно проходило как для Белоруссии вообще, так и для самого Бунда в целом, в частности. «Наивысшая ступень улучшений, которую могло выдержать еврейское ремесло, — констатирует С. Агурский, — была достигнута. Стачки бывали все реже, сопротивление предпринимателей — тверже и все чаще результатом стачек оказывались аресты и преследования. Вместе со стачками стали отмирать и экономические кассы. Бунд терял свой прежний характер широкой экономической рабочей организации и превращался в революционную политическую партию. Третий съезд Бунда (декабрь 1899 г.) провозгласил экономическую борьбу «одним из средств для развития классового сознания рабочей массы». Четвертый съезд (апрель 1901 г.), уже почти ничего не сказав о стачках, принял ряд резолюций — о демонстрациях, о праздновании 1 Мая, о том, чтобы «придать местным организациям более политический характер».[314] Однако ставка на экономическую борьбу, как на путь для вовлечения масс в борьбу политическую, не была совершенно новой и выдвигалась теми же бундовцами еще в тот период, когда самого Бунда не существовало, и они были просто «виленчанами», или «виленцами» — «виленцы», — свидетельствует Л. Мартов о еще добундовском периоде, — напирали на необходимость сделать стихийную экономическую борьбу масс рычагом их вовлечения в русло классового движения».[315] Да и самый перелом от экономической борьбы к политической в рабочем движении Белоруссии, как указывает тот же Агурский в другом месте, начался несколько раньше — со второй половины 90-х годов.[316] Если вспомнить еще цитированное выше высказывание Татарова о характере «экономизма» у инициаторов первого съезда РСДРП, то придется заключить, что это течение в Белоруссии никогда не выступало в своем, так сказать, классическом виде, а поэтому, с изменением внешних условий на менее благоприятные для него, легко освобождало движение для его изначальных и подлинных политических устремлений.

Тем временем, когда в Белоруссии намечалась снова политизация рабочего движения, русский экономизм именно, как говорится, начинал подымать голову как за границей, так и внутри страны (знаменитое «Кредо» Е. Кусковой в 1899 г., «Рабочее Дело», петербургская «Рабочая Мысль» и др.)[317], вызывая резкую реакцию социал-демократов, сторонников примата политического момента. Среди последних в борьбе с экономизмом особенно активизируется в это время Ленин, по свидетельству Мартова, и прежде относившийся к экономической агитации «холодно, если не пренебрежительно».[318] Возникшая с 1900 г. при ближайшем участии Ленина газета «Искра» сразу же становится боевым органом борьбы с экономизмом, но в этой борьбе здесь же именно и происходит, собственно говоря, зачатие большевизма, роды которого наступают уже в 1903 г., на втором съезде РСДРП при хирургическом содействии того же Ленина. Однако это уже события следующего исторического периода, подлежащие рассмотрению во второй части настоящей работы.

Теперь же нам остается заключить изложение данной первой части подведением его наиболее общих итогов. Сделаем это по возможности сжато и, для большей наглядности, по пунктам:

а) Наличие в Белоруссии XIX в. общей революционной почвы, образовавшейся здесь благодаря революционизирующему действию небывалого даже в условиях б. Российской империи «сгустка гнета» экономического, социального, национального и религиозного, обеспечило возникновение и развитие социал-демократического движения, несмотря на слабость необходимой для данного движения социальной пролетарской подпочвы, впрочем, несколько уменьшавшуюся под действием ускоренных темпов развития промышленности, образования пролетарских резервов — «потенциального пролетариата», неактуальности в местных условиях идеалов конкурировавшего в России с социал-демократией «народничества» и способствовавшей быстрейшему охвату пропагандой узости и тесноты районов рабочего скопления.

б) Сравнительная близость Белоруссии к Западу, ее соседство и традиционные тесные связи с граничившей и непосредственно контактировавшейся с последним Польшей обеспечивали получение западных социал-демократических идей более непосредственным путем передачи их «по земле» от человека к человеку, и более раннее, чем в более восточных областях собственно России, вовлечение и продвижение по пути социал-демократической организованности и ее форм (кружки, кассы, партии), а также, в силу этого, и распространение движения из белорусских центров его (Вильно, Минск) иногда и весьма далеко за пределы края.

в) Наибольшая революционность двух групп населения Белоруссии данного периода — белорусов-католиков и евреев, обусловленная их большей угнетенностью, усиленной в конечном счете религиозно мотивированной дискриминацией, предопределила развитие социал-демократического движения по двум линиям, из которых первая стимулировалась и контролировалась единоверной белорусам-католикам Польшей и ее движением, а вторая велась евреями, причем обе линии поддерживали контакт между собой идейно, а часто и непосредственно.

г) Тогда как движение на первой (условно — «польской») линии, шедшее более быстрыми темпами и на более узкой территории (преимущественно

---

[312] Я. Дыла, op. cit., стр. 132.
[313] С. Агурский, op. cit., стр. 52.
[314] С. Агурский, op. cit., стр. 62.
[315] Л. Мартов. Записки социал-демократа, кн. I, «Летопись революции», № 4, 1922, стр. 264.
[316] С. Агурский, op. cit., стр. 44.
[317] С. Агурский, op. cit., стр. 55.
[318] Л. Мартов, op. cit., стр. 265.

Западной Белоруссии) и ранее достигавшее определяющих узловых моментов, развивалось в направлении от чисто националистических позиций к полной интернационализации с последующим некоторым возвратом к национально-патриотическим и национализиционным моментам, — вторая (условно — «еврейская») линия обнаружила направление развития от «революционно-интернациональных или вернее государственно-русских» позиций к национализации движения.

д) Тогда как в движении на первой, «польской» линии и в Белоруссию проникает действие на польской почве возникших первых образований большевистского типа и направленности («Пролетариат», «Социал-Демократия Царства Польского и Литвы»), — на второй, «еврейской» линии возникают далекие от большевизма и ничего не давшие ему в смысле внутренней преемственности образования типа национально-пролетарского (Бунд) и «российско»-социал-демократического (РСДРП периода ее первого учредительного съезда, на территории Белоруссии состоявшегося при определяющей инициативе, из той же территории и от развивашейся на ней «еврейской» линии движения исходившей).

е) На обеих своих линиях социал-демократическое движение в Белоруссил проходит в своем развитии в данном историческом периоде три этапа:

1) этап кружковой социал-демократической пропаганды с главными центрами и рассадниками в Вильно и особенно в Минске — до 1887 г.;

2) переходный этап взаимодействия социал-демократического кружкового и стихийно возникшего массового рабочего экономического движения, намечающего и определяющего поворот от кружковой пропаганды к массовой агитации и организации, а также национализации движения — до 1892—1894 гг.;

3) этап перехода от кружковой пропаганды к массовой агитации и организации, а также национализации, принесшего образование партийных организаций национального типа (Литовская Социал-Демократическая Партия, Бунд) и партии всероссийского масштаба — РСДРП — до конца XIX века.

ж) Национализационные процессы, развивавшиеся в социал-демократическом движении в Белоруссии в данное время, обнаруживают действие общего «механизма национализации», сводящееся к следующим последовательно вытекающим друг из друга моментам:

1) «ставка на массы»,

2) вызываемая ею языковая национализация, одновременно являющаяся и национализацией сознания,

3) вступление в действие «национального самосознания»,

4) выдвигаемый последним принцип «национального самоопределения вплоть до отделения», т. е. — до «национального сепаратизма», на данном этапе проявившегося пока лишь в партийно-организационной плоскости.

з) Несмотря на действие национализационных процессов в Белорусии, отдельного национального белорусского социал-демократического движения здесь в данном периоде еще не возникает, хотя попытки постановки вопроса о нем на обеих линиях движения и имеют место, равно как и попытки обращения к белорусскому языку в целях пропаганды, т. е. попытки языковой национализации (правда, все эти попытки лишь единичные, разрозненные во времени, исходят извне и не имеют определенного социал-демократического, а лишь общий социалистический и революционный характер). Вообще весьма сильно отставшие в развитии национального самосознания белорусы вливаются в основные две линии социал-демократического движения в Белоруссии, особенно в линию «еврейскую», превращая ее практически (и особенно вначале) в еврейско-белорусскую по характеру персонального состава действующей по этой линии массы.

и) Количественно характеристика движения данного периода измеряется не более, как сотнями (с приближением, впрочем, уже к единицам тысяч) вовлекающихся в него лиц — показатель, в условиях времени и по отношению к соответствующим показателям для более восточных, центральных областей Российской империи особенно, довольно внушительный, но, конечно, в абсолютном смысле и по отношению как к общему количеству населения края, измерявшемуся, во всяком случае единицами миллионов, так даже и к количеству социально-показанного, в данном случае пролетарского населения его, измерявшемуся десятками тысяч (с приближением к сотням их) — еще весьма и весьма мизерный, так что применяющаяся к движению характеристика «массовости» имеет еще весьма относительный и условный смысл. Количественная характеристика руководящего, ведущего слоя движения и его «актива» измеряется, пожалуй, не более, чем десятками единиц, в качественном — социальном отношении почти сплошь интеллигенции с весьма сомнительной пролетарскостью даже по происхождению (единственный подлинный рабочий в составе первого съезда РСДРП — достаточно красноречивый тому показатель).

ЧАСТЬ II

Дореволюционный большевизм и Белоруссия

(1900—1907 гг.)

Уже самые первые годы XX столетия отмечены большим оживлением революционного движения по всей Российской империи, в обстановке которого и прошло окончательное становление и оформление большевизма. Оживление это обычно связывают с посетившим уже в конце XIX века Европу, а в начале XX века охватившим и Российскую империю промышленным кризисом — диагноз, в котором не расходятся даже такие, прямо противоположные по своим позициям и направлениям источники, как сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» — с одной стороны[319] —, и «История большевизма в России» жандармского генерала Спиридовича — с другой.[320]

Однако для слабо затронутой промышленным развитием Белоруссии действие этого кризиса было скорее косвенным и вторичным, чем прямым и непосредственным. Непосредственно здесь оказывало большее влияние то революционное оживление, которое возникало в промышленных районах империи, подверженных прямому действию кризиса, и оттуда распространялось на области непромышленные, а более всего действовала создававшаяся в результате всего этого общая революционная атмосфера во всей империи. Эта атмосфера, естественно, не могла не благоприятствовать, прежде всего, дальнейшему и успешнейшему развитию тех тенденций к политизации революционного движения, обозначение которых уже отмечалось в конце рассмотренного нами предыдущего исторического периода.

I

ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУСИИ

В первых годах нового века в революционном движении Белорусии попрежнему почти безраздельным монополистом его оставался тот же, известный нам по предыдущему изложению, еврейский социал-демократический Бунд. Мало того, в самом начале века этот монополизм Бунда даже достигает своего завершения, так как бундовская организация включает в себя,

---

[319] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 27.

[320] А. И. Спиридович. История большевизма в России от возникновения до захвата власти, Париж, 1922, стр. 47.

наконец, и те местные ячейки, которые возникли в силу оппозиции к представляемому Бундом течению, оформились в качестве комитетов, непосредственно вошедших в РСДРП и упорно супротивлялись подчинению бундовской монополии. Особенно показателен здесь случай Гомеля, в котором крепкая социал-демократическая группа оформилась еще в 1897 году, до возникновения Бунда, категорически отвергла все предложения последнего примкнуть к нему, после 1 Съезда РСДРП сразу же основала Гомельский Комитет РСДРП и, руководя местным рабочим движением, достигла определенных успехов: «После ряда забастовок 1898 и 99 г. г. гомельские рабочие добились таки значительных результатов: заработок портных, например, поднялся на 30—40%, слесарей и столяров на 50%; в смысле продолжительности рабочего дня достигнуто было уменьшение на 3 часа у сапожников и столяров и на 2 часа у портных».[321] И вот даже эта, столь успешная в работе, антибундовская цитадель весной 1900 года примкнула к Бунду.[322] Правда, успехи Бунда несколько омрачались частыми провалами то той, то другой местной организации его, происходившими в результате начавшегося, как мы помним, еще в последние годы XIX столетия, и с тех пор неослабевавшаго систематического полицейского преследования еврейского рабочего движения в Белоруссии; однако, бундовские организации быстро оправлялись от подобных провалов и с неменьшей активностью и успешностью продолжали свою работу. «После провалов в марте 1900 года, — отмечает Я. Дыла, — Минский Комитет Бунда получил нового постоянного руководителя П. Мержавецкого. Были заново переорганизованы ремесленнические профессии и основаны новые профессиональные организации. На Комаровке и Антоновке (предместья Минска. Н. Н.) происходили большие рабочие собрания, 1 мая имела место неподготовленная рабочая демонстрация, но и она собрала на улицу до 200 человек рабочих».[323] Не подорвали бундовской работы и провалы в Вильно в 1901 году, хотя во время первого из них — январского — был арестован весь комитет Бунда и вообще большое число местных бундовцев.[324] Вместе с тем, неослабевавшая бундовская работа подвергалась все большей и большей политизации, о начале и причинах которой нами уже говорилось в конце предыдущей части. Руководимое Бундом рабочее движение Белоруссии все меньше и меньше использует перестававшие быть эффективными формы экономической борьбы — стачки под. и все больше и больше обращается к формам борьбы политической — политическим уличным демонстрациям, главным образом. «В продолжение 1901—1903 гг. число уличных демонстранций, организованных еврейскими рабочими в Белоруссии, достигло значительной по тем временам цифры (30) с количеством участников до 8—9 тысяч человек, — отмечает еврейский исследователь Сосис. — Число всех организованных членов Бунда достигало тогда не менее 30 000 человек».[325]

Однако политизация Бунда, повидимому, не удовлетворяла некоторые круги рабочего движения Белоруссии, настроенные более радикально и, к тому же, несвободные от гипноза старых народнических традиций политического терроризма. В среде этих кругов еще в 1899 году в Минске возника-

[321] Я. Дыла, op. cit., стр. 132.
[322] См. сборник «1905 год в Гомеле», Гомель, 1925, стр. 28; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 92.
[323] Я. Дыла, op. cit., стр. 133.
[324] С. Агурский, op. cit., 70.
[325] I. Сосiс, op. cit., стр. 143.

ет Рабочая Партия Политического Освобождения России, название которой уже достаточно красноречиво говорит о ее характере; в организации и работе этой партии принимают ближайшее участие проживавшие в то время в Минске, а впоследствии получившие широкую известность в качестве эсэровских деятелей Брешко-Брешковская и Гершуни.[326] В 1900 году новая партия имеет свои организации уже не только в Минске и не только в других пунктах Белоруссии (Белостоке, Двинске), но и вне ее (в Екатеринославе, Житомире, Бердичеве и даже в самом Петербурге).[327] В том же году, приложением к № 2 вышедшего за границей «Рабочего Знамени» — органа продолжателей известной нам по предыдущему изложению одноименной революционной группы, отмеченной, как помним, тем же тяготением к политическому терроризму, выходит программная брошюра Рабочей Партии Политического Освобождения России — «Свобода». В брошюре этой особенно интересная формулировка отношения новой, также «рабочей» партии, к социал-демократии. «На социал-демократов мы смотрим, как на братьев: цель одна, но пути разные. Идея социал-демократии получит права гражданства в России не ранее, как при существовании политической свободы, а пока что мы будем делать свое, а социал-демократы пусть делают свое, пусть организуют, сколь возможно, пусть приучают массы к протесту, к борьбе с капитализмом, пусть улучшают экономическое положение массы. Мы будем помогать им левой рукой, ибо правая уже занята мечом. Наша партия для России — партия настоящего времени. Партия социал-демократии — партия следующего за нами периода. В этом вся разница».[328]

Но в том же 1900 году за границей выходит № 1 органа Союза Социалистов-Революционеров — «Революционная Россия».[329] Новая фирма социалистов-революционеров (сокращенно — эсеров) оказывается привлекательной и для Рабочей Партии Политического Освобождения России; от лица ее Гершуни начинает в 1901 году переговоры с заграничным Союзом С.-Р и другими родственными группами о слиянии их всех под этой фирмой, и после заграничной конференции, состоявшейся в конце того же 1901 года, слияние это становится фактом, хотя окончательное оформление (особенно в программном отношении) новой Партии Социалистов-Революционеров и происходит гораздо позже — на первом съезде ее в 1905 году.[330] В своей кипучей, особенно на первых порах, работе эсеры возобновляют сразу же старые народнические традиции как в отношении политического терроризма, так и в отношении ставки на крестьянство прежде всего. 14 февраля 1901 года эсер — к тому же белорус (из Слуцка) — Карпович производит первый в XX веке акт политического террора в России, стреляя в министра народного просвещения Боголепова. С другой стороны, в 1903 году при Партии С.-Р организуется специальный Крестьянский Союз, развертывающий свою основную работу, опять-таки, главным образом в Белоруссии, в ее

[326] С. Агурский, op. cit., стр. 111; ср. также: А. Зiмiонка. Соцыялiстычны рух на Беларусі. II. Партыя Соцыялiстых-Рэволюцыянэраў, сборник «Беларусь», изд. ЦИК БССР, 1924, стр. 156.
[327] А. Зiмiонка, op. cit., стр. 159.
[328] Там же, стр. 158. А. Зимионка, сам старый эсер, приводя настоящую цитату в своей работе, написанной и напечатанной уже в советских условиях, в 1924 г., считает слова ее «пророческими» и оправдавшимися в ходе истории: в самом деле, возникшая из Партии Полит. Освобождения России эсеровская партия во многом расчистила путь возникшему из социал-демократии большевизму.
[329] Там же, стр. 156.
[330] Там же, стр. 160.

© PDF: Kamunikat.org 2019
© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

Минской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерниях.[331] Таким образом Белоруссия, ставшая в конце предыдущего столетия колыбелью Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, оказывается такой же колыбелью, резервуаром активных сил и ареной действия и для другой крупнейшей революционной партии Российской империи — Партии Социалистов-Революционеров.

Однако политизация революционного движения в Белоруссии далеко не означала ликвидации экономической борьбы рабочих; последняя, особенно в начале XX века, все еще продолжалась и даже временами и местами весьма успешно, питая собою партийное социал-демократическое движение попрежнему. Исследователь Я. Дыла дает следующую сводку движения в этом направлении: «В Белостоке в 1900 году ткачи по всем фабрикам добились 10-часовой (вместо 14-часовой) работы и удвоения заработка. К 1901 году мы имеем такие уже результаты организованной партийной работы (имеется в виду социал-демократическая партийная работа, включая, повидимому, и бундовскую. Н. Н.): в Двинске было объединенных 400 рабочих, в Гомеле — 360 человек, в Минске — около 1 000 человек, в разных местах — до 700 кожевников; 800 щетинщиков. За эти два с половиной года (1899—1901) состоялось в Белоруссии 312 забастовок, из которых 140 на фабриках, 169 ремесленнических и 3 плотогонов. Бастовало всего 28 000 человек (число участников следует делить пополам между фабриками и ремеслами); из 262 забастовок, окончание которых нам точно известно, выигранных было 239 (91,26%) и в 23 случаях забастовки рабочих были проиграны. Стачки велись за сокращение рабочего дня и за увеличение, главным образом, заработка, но бывали и требования, которые свидетельствовали о значительном культурном и политическом росте мировоззрения рабочих. Средняя продолжительность забастовок того времени на фабриках — 18 дней, среди ремесленников — 21 день. Известны забастовки, которые продолжались в течении — одна — 18 недель, одна — 15, одна — 13, две по 9 недель и 20 длились менее, чем по неделе».[332] Такая оживленность и живучесть экономического рабочего движения, при явной все же и прогрессирующей тенденции к политизации его, навела некоторых представителей власти на мысль взять это движение под свое покровительство и контроль с тем, чтобы постараться деполитизировать его, отвлекая его участников от политической борьбы, как от «большего зла», поощрением борьбы экономической, как «меньшего зла». Главным автором и проводником этой идеи стал получивший большую известность в связи с этим жандармский полковник Зубатов, попытавшийся организовать и развернуть движение, окрещенное в литературе революционеров «полицейским социализмом» или «зубатовщиной». Главным опытным полем этого движения стала, опять-таки, Белоруссия, где оно было направлено всем своим острием против Бунда, причинив ему не малый, хотя и временный ущерб.

«1900 год принес тяжелые переживания минским бундовским организациям, — повествует Я. Дыла, — 28 февраля на квартире т. Родкина взяли типографию комитета, а в продолжение нескольких дней арестовали множество активных работников партии. Среди них была и прославленная Маня Вильбушевич».[333] «Из 70 арестованных, — дополняет это повествование

[331] Там же, стр. 161.
[332] Я. Дыла, op. cit., стр. 133.
[333] Там же, стр. 132.

С. Агурский, — только немногие были подвергнуты серьезным наказаниям; остальные, несмотря на то, что были достаточно веские улики против многих, отделались незначительными наказаниями и вернулись домой. При помощи освобожденных Зубатов проектировал начать свою работу в Белоруссии, и он не ошибся: едва они вернулись домой, стали погаваривать — преимущественно в Минске — о легализации еврейского рабочего движения. Часть освобожденных... повела в рядах Бунда агитацию за легализацию еврейского рабочего движения. Зубатов предложил легализовать также старейшую еврейскую рабочую организацию — Союз щетинщиков, и даже предлагал деньги для издания их газеты «Будильник» («Веккер»).[334] Все движение вылилось в организацию в 1901 году новой Независимой Рабочей Еврейской Партии, в которой и «прославилась» вышеупомянутая Маня Вильбушевич, ставшая душой ее и осуществлявшая идеи Зубатова, находясь с ним в непрерывном контакте.

Программа Независимой Рабочей Еврейской Партии была сформулирована в следующих четырех основных пунктах: «1) Еврейская Независимая Рабочая Партия имеет целью поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономической организации, как нелегальной, так и легальной, по мере возможности. На практике эта цель сводится: а) к развитию широких экономических организаций (тред-юнионов, касс, клубов, ассоциаций), б) к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний и в) к воспитанию его для коллективной жизни. 2) Партия в целом не выставляет себе никаких политических целей и касается политических вопросов лишь в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих. 3) Партия объединяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых. 4) Организация партии демократическая, т. е. управляется снизу, а не сверху».[335]

Рабочие комитеты Независимой Рабочей Еврейской Партии возникли в Минске, Вильно и Одессе; из их представителей было создано исполнительное бюро для руководства всеми делами партии до созыва ее первого съезда.[336] Особенно успешно развернулась деятельность партии в Минске. «Независимая Партия в Минске росла колоссально, отмечает Агурский. — В августе 1901 года независимцы уже овладели шестью цехами».[337] В письме одного из деятелей новой партии Зубатову от 18 октября 1901 года с восторгом сообщается о дальнейших «колоссальных» и даже «легендарных» успехах независимцев в Минске, к которым к тому времени уже примкнули «каменщики — почти все, переплетчики, слесари — всей душой, столяров половина, приказчиков — половина, жестяники — почти все».[338] «Независимая партия» зубатовцев, — констатирует и Я. Дыла, — имела в Минске успех, и некоторое время даже объединяла в своих рядах гораздо больше еврейских рабочих, чем их было в минских организациях Бунда».[339] Мин-

[334] С. Агурский, op. cit., стр. 60—61.
[335] Там же, стр. 62. Вся история Независимой Рабочей Европейской Партии изложена у Агурского на стр. 61—65.
[336] Доклад начальника Минского губернского жандармского управления Васильева от 1 ноября 1902 г. — С. Агурский, op. cit., стр. 285—287; здесь же подробности об организационной структуре и деятельности Независимой Рабочей Еврейской Партии.
[337] С. Агурский, op. cit., стр. 63.
[338] Там же, стр. 64.
[339] Я. Дыла, op. cit., стр. 134.

ские независимцы возглавили широкую забастовочную волну, весьма успешную благодаря поддержке жандармского управления в лице его начальника Васильева.[340]

Однако в Вильно к тому времени создалась несколько иная атмосфера. «23 мая 1900 года имел место в Вильно такой случай стычки рабочих с полицией. Последняя вела троих рабочих, захваченных при расклейке прокламаций. Толпа рабочих около 500 человек, во главе с сапожником Гиршем Леккертом, силой отбила у полиции этих арестованных, заставила бежать пристава и урядников, побила камнями окна в доме пристава. Вот почему в 1900 году в Вильно губернатором был назначен известный фон Валь, который физически усмирил в Петербурге работниц фабрики «Лафем», — так излагает Я. Дыла начало знаменательных виленских событий.[341] После того, как фон Валь повторил свои опыты «физического усмирения» и в Вильно (впрочем, одновременно подобные экзекуции были проведены и в неподведомственных ему Минской и Витебской губерниях) вышеупомянутый сапожник-бундовец Гирш Леккерт произвел покушение на него 5 (18) мая 1902 г., за которое поплатился собственной жизнью (повешен 11 июня того же 1902 г.).[342] Естественно, что в такой атмосфере пропаганда Независимой Еврейской Рабочей Партии не могла иметь успеха. И если вначале независимцы получили было некоторую поддержку виленской экономической организации заготовщиков, руководимой Алтером,[343] то все же удержаться в Вильно не смогли, и 5 февраля 1903 года вынуждены были ликвидировать свой виленский комитет, опубликовав специальную декларацию о роспуске его, заканчивавшуюся еще, правда, не окончательным прощанием с Вильно, а полным надежды на возврат при лучших обстоятельствах «До свидания».[344] Однако все предприятие Зубатова с Независимой Еврейской Рабочей Партией возбудило беспокойство в правительственных сферах, и вскоре после роспуска виленского комитета, в том же 1903 году, в июле, последовала ликвидация и всей партии.[345]

Дело Леккерта обращает на себя внимание не только в связи с неудачами зубатовщины в Вильно, но и по отношению к некоторым другим, более общим моментам. Так, прежде всего, здесь еще раз ярко проявляется известное уже нам по предыдущей главе единение еврейских революционеров, даже в их бундовском варианте, с местными нееврейскими элементами: в террористическом кружке, замыслившем покушение на фон Валя, кроме самого Леккерта и других евреев-бундовцев, участвовали и неевреи, которых обычно источники называют «поляками». Однако единственная сообщаемая источниками фамилия такого «поляка»-леккертовца — Михайловский[346], — говорил о том, что здесь мы имеем скорее белорусов-католиков, по выясненным уже нами причинам традиционно зачисляемых (а часто и зачисляющих себя) в «поляки» (соответствующая польская фамилия звучала бы не «Михайловский», а «Михаловский»). Таким образом перед нами как будто бы еще один случай известного уже нам единения в общем деле наиболее революционных элементов края — евреев и белорусов-католиков.

[340] С. Агурский, op. cit., стр. 63.
[341] Я. Дыла, op. cit., стр. 133.
[342] Я. Дыла, op. cit., стр. 135; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 71—72.
[343] Я. Дыла, op. cit., стр. 134.
[344] С. Агурский, op. cit., стр. 64—65.
[345] Там же; ср. Я. Дыла, op. cit., стр. 134.
[346] С. Агурский, op. cit., стр. 72.

Наконец, особенно характерно в деле Леккерта, несомненно, проявившееся здесь влияние идей политического терроризма, вновь поставленных на повестку дня эсеровской пропагандой и практикой. По данным А. Зимионка, участие эсеров в данном деле имело даже более прямой характер: идея покушения на фон Валя, до приведения ее в исполнение Леккертом, разрабатывалась белостокской эсеровской террористической группой.[347] Но произведенный под эсеровским влиянием акт Леккерта способствовал и некоторой, хотя бы и временной, «эсеризации» всей бундовской линии: под впечатлением этого акта состоявшаяся в июле 1902 года в Бердичеве V конференция Бунда одобрила и рекомендовала тактику «организованного мщения», т. е. политического терроризма, и лишь V съезд Бунда в 1903 году снова возвратился к социал-демократическому принципу отказа от политического террора.[348]

Не довольствуясь использованием экономизма для деполитизации рабочего движения, Зубатов попытался поставить на службу тем же целям еврейский национализм, бурно развивавшийся в то время в форме сионизма. На возможности последнего внимание Зубатова обратила та же «прославленная» Маня Вильбушевич, сама увлекшаяся сионистическими идеями. Зубатов усмотрел в сионизме возможность завершения проводимой им деполитизации еврейского рабочего движения путем «увенчания легальной (экономической. Н. Н.) работы национальным идеалом» и настойчиво рекомендовал своим вышестоящим и подчиненным инстанциям: «надо сионизм поддержать и вообще сыграть на националистических стремлениях».[349] В порядке такой поддержки сионизм был легализирован, и в 1902 году в Минске состоялся всероссийский съезд сионистов, вызвавшей мощный подъем этого движения среди еврейства Белоруссии и по оценке современников явившийся «кульминационным пунктом в развитии сионизма».[350] Однако уже на съезде началась и, особенно после него, сильно прогрессировала как раз политизация сионизма (в связи с выдвинутой одним из вождей его, д-ром Герцлем, концепцией «политического сионизма»), приведшая к дифференциации в рядах сионистов и даже к социалистизации части их. «Уже на минском съезде в 1902 году, — констатирует И. Сосис, — выступает та дифференциация в сионистском лагере, которая позже выявилась в создании „демократической фракции сионизма" — „Поалей-Цион" (буквально — „рабочие Сиона"), с-с (сионисты-социалисты) и др.»[351] Из указанных Сосисом социалистизирующихся сионистских групп, по оценке известного бундовца В. Коссовского, «только Поалей-Цион суждено было приобрести некоторое влияние, остальные отцвели, не успевши расцвесть».[352] В лице «Поалей-Цион» самый Бунд получил «приобретшего некоторое влияние» конкурента, претендующего на руководство еврейским социалистическим движением на более прочной, чем у Бунда, национальной основе, причем оценку этого влияния уже даже чисто теоретически можно повысить, принимая во внимание, что характеристика «некоторое» принадлежит заинтересованному скорее в «понижении цены» конкурента представителю соперничающего лагеря.

[347] А. Зімівонка, op. cit., стр. 159.
[348] С. Агурский, op. cit., стр. 73—74; Я. Дыла, op. cit., стр. 135.
[349] С. Агурский, op. cit., стр. 67.
[350] Там же.
[351] І. Сосіс, op. cit., стр. 144.
[352] В. Коссовский. Вопросы национальности, Вильна, 1907, стр. 80.

Зубатов, однако, не теряя надежды, попытался овладеть и настроенными на политический тон течениями социалистизирующегося сионизма. Та же верная ему Маня Вильбушевич повела соответствующую работу в минской группе «Поалей-Цион», и в программе последней появились весьма характерные положения, вроде пункта 5: «Мы полагаем, что в нашем внетерриториальном („голусном") состоянии мы не можем вести социалистической борьбы, так как нет налицо ни субъекта (еврейский господствующий класс), ни объекта (еврейское национальное богатство)».[353] Однако, в связи с изменением отношения правительственных сфер к «еврейским затеям» Зубатова, изменилось и отношение их к сионизму, и в изданном в 1903 году циркуляре Министерства Внутренних Дел (за подписью известного министра Плеве), направленном против сионизма, последний, как направленный на предохранение евреев от ассимиляции, признается уже «противоречащим началам русской государственности»[354] со всеми, вытекающими отсюда последствиями.

Необходимость конкурировать с сионизмом, весьма актуальная еще и до социалистизации последнего, способствовала более решительной постановке Бундом дальнейших шагов по тому пути национализации, по которому, как это было выяснено нами в предыдущей части, вела его логика внутреннего развития с самого его основания. Крупнейшим таким шагом определяющего принципиального значения явилось принятие Бундом заимствованной из программы австрийской социал-демократии концепции национально-культурной автономии. «Бунд выдвигает требование национально-культурной автономии, — отмечает еврейский исследователь М. Шульман, — стараясь доказать, что он не менее желает предохранить еврейские массы от ассимиляции, чем другие еврейские партии».[355]

Как верно указал бундовец В. Коссовский, уже в докладе делегации Бунда Интернациональному Конгрессу в Париже в сентябре 1900 года был намечен принципиальный (и пока еще весьма осторожный) подход к определяющему для всего национального вопроса моменту национальной самостоятельности: «Что касается национальной самостоятельности, то он (Бунд) может только выставлять и защищать ее, как принцип, оставляя детальное определение содержания этого принципа до того момента, когда это окажется, по условиям русской жизни, возможным и нужным».[356] На последовавшем вскоре (весной 1901 года) своем IV съезде Бунд, в результате подведения итогов открытой, как помним из предыдущей части, на его III съезде дискуссии по национальному вопросу, в специальной резолюции уже фактически и провел такое «детальное определение принципа национальной самостоятельности», впервые ясно формулируя его в духе вышеупомянутой концепции национально-культурной автономии. «На этом съезде, — по оценце Агурского, — «нейтралитет» (в национальном вопросе. Н. Н.) исчез бесследно. Вожди Бунда окончательно стали на ту точку зрения, что каждая национальность, помимо стремления к экономическому, политическому и гражданскому равноправию, «имеет и национальные стремления». Либер поставил этот вопрос еще резче, чем Жан на III съезде Бунда. Он заявил, что «задачей Бунда является подготовка еврейского пролетариата

[353] С. Агурский, op. cit., стр. 68.
[354] В. Коссовский, op. cit., стр. 72.
[355] См. сборник «1905 год в Белоруссии» под ред. Шульмана, Минск, 1925, стр. V.
[356] В. Коссовский, op. cit., стр. 10.

к национальной автономии и развитие в нем национального сознания».[357] «Когда на IV съезде Бунда, — свидетельствует сам участник этого съезда В. Коссовский, — рассматривалась принципиальная сторона вопроса, то предложенное одним из членов съезда разрешение вопроса в духе резолюции югославянской социал-демократической партии (т. е. в духе национально-культурной автономии. Н. Н.) вызвало всеобщее одобрение».[358] Тенденциозно подозревающий и обвиняющий Бунд в «национализме» Агурский называет резолюцию IV бундовского съезда по национальному вопросу «первой откровенно-националистической декларацией Бунда, насквозь проникнутой национализмом», в доказательство последнего довольно странным образом ссылаясь как раз на наиболее умеренно и осторожно сформулированное окончание резолюции: «так как требование национально-культурной автономии для евреев преждевременно, то мы в настоящее время считаем достаточным бороться с исключительными законами против еврейского народа»[359] и притом обрывая свою цитату как раз в том месте, которое прямо предупреждает против уклона к национализму («избегая раздувания национального чувства, могущего лишь затуманить классовое сознание пролетариата и ведущего к шовинизму»;[360] почти теми же словами сформулирована и принятая съездом резолюция об отношении к сионизму: «Съезд считает, что агитация сионистов раздувает национальное чувство и может препятствовать развитию классового сознания»).[361] Но и предшествующая процитированной Агурским часть резолюции также не содержала в себе никакого «откровенного национализма», направленного к какому-либо «раздуванию национального чувства: Съезд признает, что по смыслу социал-демократической программы недопустимо никакого гнета не только одного класса над другим, не только правительства над гражданами, но и одной национальности над другой, господство одного языка над другим. Съезд признает, что государство, подобно России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от территории, ими обитаемой. Съезд признает, что понятие национальность применимо и к еврейскому народу».[362]

Кроме резолюции по национальному вопросу, зафиксировавшей дальнейшее продвижение Бунда по пути национализации, IV съезд его вынес и весьма важную по практическим последствиям резолюцию об отношении к РСДРП, в которой, по мнению Агурского, «на деле начала осуществляться национальная программа Бунда: рассматривая РСДРП, как федеративное объединение социал-демократических партий всех народов, населяющих Россию, съезд постановляет, чтобы Бунд в качестве представителя еврейского пролетариата, входил в нее, как федеративная часть, и уполномачивает ЦК Бунда проводить это решение в жизнь».[363] Таким образом Бунд стал решительно на ту точку зрения федеративного построения партии, из-за которой, как указывалось уже нами в своем месте, представители его при самом основании РСДРП разошлись с представителями литовской

[357] С. Агурский, op. cit., стр. 75.
[358] В. Коссовский, op. cit., стр. 16—17.
[359] С. Агурский, op. cit., стр. 75—76.
[360] В. Коссовский, op. cit., стр. 6.
[361] Там же.
[362] Там же, стр. 9.
[363] С. Агурский, op. cit., стр. 76.

социал-демократии, не принявшей вследствие этого участия в учреждении создаваемой не на федеративных началах общей для всей Российской империи социал-демократической партии. Так, и в этом моменте проявился дальнейший прогресс Бунда в направлении национализации, проводимой уже в более узкой области партийного строительства. Рассматриваемая резолюция съезда Бунда, став основой для «императивного мандата» делегатов Бунда на состоявшемся в 1903 году II съезде РСДРП, привела к выходу Бунда из последней, оказавшемуся чреватым весьма важными последствиями для социал-демократического движения Белоруссиии, как это будет видно, когда наше изложение подойдет к соответствующему моменту.

II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙНОСТИ

Принесенные революционным оживлением начала XX века тенденции к политизации, социалистизации и национализации революционного движения как в отдельности, так и перекрещиваясь между собою, ярко проявились и в таких, частью заново, а частью вновь возникших формах этого движения, которые получили ходячее наименование «земской кампании» и «студенческой революции». Если земское движение не затронуло, да и не могло прямо затронуть Белоруссию, как известно, не знавшую земства, то движение студенческое, несмотря на такую же лишенность Белоруссии университетов, оказывало на нее большое и зачастую даже прямое действие. «Белоруссия, которая не имела своих краевых университетов или других высших школ, не имела земского самоуправления, не имела и того политического движения, которое охватило всю Россию, — отмечает Я. Дыла, — и только учащаяся молодежь высших школ, переписываясь со своими младшими братьями или сестрами, учениками средней еще школы, или возвращаясь домой после политических выступлений в столицах, иной раз высланная домой под политический надзор, будила среди местных учащихся нашей здешней средней школы и городской молодежи дух политического недовольства и сочувствия революционному движению вообще. Часть этой здешней молодежи помогала социал-демократическим организациям в их работе, а часть составила кадры первых социалистов-революционеров в Белоруссии».[364] Однако сколь ни важна была эта, так сказать, ферментирующая роль студенчества в оживлении революционного движения в Белорусси, гораздо более важным оказался тот факт, что именно в среде студентов-белорусов столичных (петербургских, московских) высших учебных заведений, в русле общего подъема студенческого революционного движения начала века зародились первые организованные ячейки белорусского национального движения, подвергшиеся в быстром темпе процессам революционизации, социалистизации и даже социал-демократизации.

В 1902 году в среде петербургских студентов-белорусов возникает первая организованная ячейка белорусского национального движения — «Круг белорусского народного просвещения и культуры белорусской»; поставив-

[364] Я. Дыла, op. cit., стр. 131—132.

шая себе целью организацию пока еще лишь национально-культурного движения белорусов, опираясь на наследие «отца белорусского движения», народного трибуна-поэта конца XIX в. Францишка Багушевича, в свою очередь исходившего из наследия упоминавшегося нами в предыдущей части первого белорусского национального революционера шестидесятых годов XIX века, Константина (Кастуся) Калиновского.[365] Однако уже зимой того же 1902 г. в той же среде, отражая собою общий процесс неуклонно и быстро прогрессирующей революционизации студенческого движения, возникает Белорусская Революционная Партия (БРП), фактически поглощающая только что упомянутый «Круг белорусского народного просвещения и культуры белорусской» и переводящая зародившееся организованное белорусское движение с национально-культурных на революционные рельсы.[366] Уже в самом названии Белорусской Революционной Партии ярко сказывается революционный характер новой организации; с другой стороны, в том обстоятельстве, что название это, можно сказать, прямо-таки копирует название Революционной Украинской Партии (РУП), возникшей также в студенческой среде в 1900 году, нельзя не видеть воздействия на белорусское движение процессов, происходивших среди других угнетенных национальностей Российской империи, проходивших аналогичное развитие в аналогичных условиях (на аналогию БРП и РУП до сих пор, однако, никем не было обращено никакого внимания).

Из Петербурга движение Белорусской Революционной Партии по студенческим каналам быстро перекидывается в Москву, а также и в самую Белоруссию — в Минск и Вильно; партия быстро растет, начинает принимать более массовый характер, выходя за пределы своей первоначальной студенческой формы, и в том же 1902 году переименовывается в Белорусскую Революционную Громаду.[367] Между тем, в самой Белоруссии к тому же времени весьма оживляется деятельность ППС, организовавшей свой специальный филиал для Литвы, в понятие которой традиционно включалась и Белоруссия. Эта «ППС в Литве» первой обращает внимание на белорусский язык, как на средство революционной социалистической пропаганды, и, вступая на известный нам по предыдущей главе путь языковой национализации, в 1903 году печатает на белорусском языке в Лондоне первые социалистические агитационные брошюры: «Кто настоящий друг бедного народа» («Хто праўдзівы прыяцель беднага народу»), «Беседа о том, куда мужицкие деньги идут» («Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць») и «Как сделать, чтобы людям стало хорошо на свете» («Як зрабіць, каб людзям стала добра на сьвеце»).[368] Во всех трех брошюрах впервые на белорусском языке излагаются определенно социал-демократические, марксистские идеи и даже в такой же фразеологии, хотя и рассчитанной на восприятие белорусским крестьянином, что проведено весьма умело и с великолепным знанием и использованием живой народной белорусской речи; брошюры также явно рассчитаны на белорусское православ-

[365] А. Бурбіс, Белоруская Соцыялістычная Грамада ў першым пэрыядзе яе працы (1903—1907), сборник «Беларусь», изд. ЦИК БССР, 1924, стр. 178.

[366] Там же.

[367] Там же.

[368] См. Е. Ф. Карский. Белорусы, том III, вып. 3, Петроград, 1922, стр. 155, между прочим, представляющую сейчас большую библиографическую редкость. Все три брошюры имеются в славянском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки.

ное крестьянство, так как напечатаны кириллицей, «русским шрифтом» (к белорусам-католикам «ППС в Литве» находила доступ, очевидно, через литературу на польском языке, используя, не без задних националистических мыслей, известное нам по предыдущему изложению тяготение этой группы белорусов к польской культуре и языку). Следует отметить, что в смысле использования белорусского языка ППС даже опередила Белорусскую Революционную Громаду, свою первую гектографированную прокламацию, издававшую еще на польском языке (в 1902 г.).[369] Белорусские издания ППС имели большое влияние не только в деле революционной социалистической пропаганды в Белоруссии, но и также в смысле пробуждения национального самосознания среди белорусов. Так, например, один из видных белорусских деятелей дореволюционного периода, Ромуальд Земкевич, прямо свидетельствует, что эти издания «увлекли его и направили к белорусской родной работе».[370]

Деятели Белорусской Революционной Громады, сталкиваясь в работе на местах с деятелями вставшей на путь национализации-белорусизации «ППС в Литве», быстро находили общий язык. Проходившая своим чередом, в общем порядке, вслед за революционизацией, социалистизация первых, с одной стороны, и параллельно прогрессировавшая национализация-белорусизация вторых, с другой стороны, еще более сближали между собой обе группы революционеров, пока, наконец, не произошло полного слияния их, при котором Белорусская Революционная Громада на первом своем съезде в 1903 году снова переименовалась — на сей раз уже — симптоматично — в Белорусскую Социалистическую Громаду.[371] В этом последнем своем переименовании (преобразовании) белорусская организация, возникшая в 1902 году в качестве Белорусской Революционной Партии, опередила на 2 года своего украинского аналога — опередившую ее было (также на 2 года) своим возникновением Революционную Украинскую Партию (РУП), преобразовавшуюся (переименовавшуюся) в Украинскую Социал-Демократическую Партию, как известно, лишь в 1905 году. Конечно, такой быстротой темпов революционизации и социалистизации белорусская партия была обязана и действию примеров тех революционных социалистических (и в то же время национализировавшихся) партий других народов многонациональной Белоруссии, широко развивших в ней свою работу. Об одном из виднейших организаторов и лидеров БРП-БРГ-БСГ другой, более молодой «громадовец» З. Жылунович говорит: «Он видел работу других национальных социалистических партий, как Бунд, ППС, СДПЦПиЛ, которые ставили своей целью национальное освобождение еврейского, польского, литовского трудового народа, и не мог не принять разрешения этого вопроса по отношению к белорусскому труженику».[372] Эти слова следовало бы отнести и ко всем прочим организаторам белорусской партии.

Нам придется сразу же несколько задержаться на выяснении характера представленного Белорусской Социалистической Громадой социализма,

[369] А. Бурбіс, op. cit., стр. 178.
[370] См. А. Шлюбскі. Новыя матарыялы да гісторыі «Нашай Долі», «Полымя», № 3, 1927, стр. 204.
[371] А. Бурбіс, op. cit., стр. 179; всю историю преобразований БРП-БРГ-БСГ см. также у Агурского, op. cit., стр. 104—105, а также: Ф. Турук. Белорусское движение, Москва, 1921, стр. 9 и сл.
[372] См. З. Жылуновіч. Алесь Бурбіс (Рэволюцыйная характэрыстыка) «Полымя», № 2, 1927, стр. 181.

так как уже в советские времена некоторые белорусские национал-коммунисты (в особенности упоминавшийся нами уже не раз исследователь-историк белорусского революционного движения, сам бывший «громадовец» З. Жылунович) пытались изобразить эту партию предшественницей и даже фактической носительницей большевизма (точнее, конечно, национал-большевизма, хотя к последнему белорусские национал-коммунисты никогда себя не причисляли, считая себя, как, впрочем, и все другие «внутрипартийные оппозиционеры», большевиками чистейшего толка, без каких-либо префиксов). С другой стороны, стараясь опровергнуть подобную концепцию и вообще проводить по возможности наиболее выдержанную «генеральную линию», стоявшие на почве последней историки и исследователи (в особенности видный в свое время литовский коммунист Ангаретис, а также полностью солидаризировавшийся с ним в данном вопросе известный нам С. Агурский, да и другие, как М. Шульман и пр.) доходили не только до отрицания социал-демократического характера Громады, но и до прямого признания всей партии «фикцией».[373] В результате, в самой большевистской литературе данного вопроса были пущены в обиход самые разнообразные оценки; по словам, по-своему довольно честного и смелого (особенно если принять во внимание остроту того момента, в который ему пришлось выступать в 1931 году во время самой «ликвидации» «белорусского национал-демократизма»), большевистского историка М. Поташа, в Громаде усматривали «не то блок марксистов и народников, не то социал-демократическую партию с примесью народнических взглядов», а то и вовсе «некий случайный нарост на общественном теле, искусственное образование», нечто «без роду и племени», проявляя тем самым лишь «игнорирование и презрение» к фактам.[374] Можно лишь добавить, что весьма часто сказывалось и прямое пристрастие, на основании не всегда хорошо скрываемых собственных национальных симпатий и антипатий того или иного большевистского «исследователя»; так, например, у наиболее решительного противника Громады, вышеупомянутого литовца Ангаретиса, прорывается явное раздражение по поводу того, что Белорусская Громада пробовала вести пропаганду «даже на литовском языке».[375]

Если обратиться к прямым свидетельствам самих основателей и лидеров Громады, то в них можно найти лишь весьма определенные заявления и характеристики, подтверждающие не только соответствующий принятому в 1903 году окончательному названию партии, ее общий социалистический характер, но и также определенно отмечающие явное преобладание и ведущее положение несомненных социал-демократических моментов в нем. Так, один из главнейших инициаторов и лидеров Громады с самого ее возникновения еще под фирмой Белорусской Революционной Партии, братьев Луцкевичей, — Антон Луцкевич свидетельствует, что «вообще в партии целиком господствует социалистическая идеология»[376], причем «на отдельных громадовцах отражались влияния различных (социалистических. — Н. Н.) идеологий: эсдековской (т. е. социал-демократической. — Н. Н.), эсеровской, пепэсовской»[377], однако в своей ведущей час-

[373] См. Ангаретис. Белорусская Социалистическая Громада в 1905—1906 гг., «Вперед», орган ЦК КП(б)Б, № 6—7, 1923; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 104—108.
[374] М. Поташ. Бальшавізм і дробна-буржуазныя партыі ў рэвалюцыі 1905 г. у Беларусі, Мінск, 1931, стр. 35.
[375] С. Агурский, op. cit., стр. 108.
[376] А. Луцкевіч. За 25 год, Вильно, 1928, стр. 23.
[377] Там же, стр. 35.

ти и в своем большинстве вообще они были «более близки к марксизму», сближаясь с эсерами лишь «по линии охвата деревни».[378] О самом Антоне Луцкевиче упоминавшийся более молодой громадовец З. Жылунович вспоминает: «Нас... более влекло к Антону Луцкевичу, в разговорах с которым мне удалось убедиться, что он сознательный марксист. А Луцкевич сам говорил, что он принадлежит к с.-д.»[379]. Другой видный основатель и лидер Громады, А. Бурбис, утверждает, что принятая учредительным съездом партии в 1903 году «рабочая и общеполитическая программа — явно социал-демократическая».[380]

Однако большевистские источники, хотя и без каких-либо ссылок и вообще более-менее развернутой аргументации, стараются подчеркнуть большую близость Громады к эсерам, чем к социал-демократам. Так, в предисловии к изданному в Минске в 1927 году «Сборнику прокламаций 1905 года», на оценку которого опирается Агурский, Громада названа «партией беднейших мелкобуржуазных масс города и главным образом белорусской деревни, как с.-д., так и с.-р., с преобладанием последнего влияния».[381] Неоднократно цитированный нами в качестве исследователя старый эсеровский работник в Белоруссии А. Зимионка утверждает, что с Громадой партия социалистов-революционеров находилась в тесных сношениях. Не лишним будет отметить, что Белорусская Социалистическая Громада «вообще имела самые широкие намерения объединить в себе все местные социалистические организации и построиться по типу ППС».[382] В противоположность всему этому можно найти утверждения, что «Белорусская Социалистическая Громада, конечно, партия не большевистская, но и ничего общего не имела с эсерами. Работу свою она вела под марксистскими лозунгами и была партией, в преимущественных моментах, марксистской», а также «первая подняла вопрос об организации социал-демократической партии Литвы и Белоруссии вместо существовавших национальных партий».[383] Критически анализируя все приведенные высказывания во всех их совпадениях и разноречиях, уже можно придти к выводу, подтверждаемому исследованием самой деятельности Белорусской Социалистической Громады, к каторому нам придется обращаться не раз и в дальнейшем: в лице этой партии мы несомненно имеем партийную организацию социалистического характера не только по названию, но и по существу, скорее социал-демократическую, чем эсеровскую.

О социал-демократической определенности Белорусской Социалистической Громады свидетельствуют не только высказывания ее основателей, лидеров и отдельных исследователей, но и самые партийные документы. Все они, прежде всего, неизменно помечены известным марксистским, социал-демократическим, сохраненным даже до сих пор отказавшимися уже

---

[378] Там же. Ср. также — Протоколы Конференции Национально-Социалистических Партий 16—20 апреля 1907 г., СПБ., 1908, стр. 94—97.

[379] З. Жылуновіч. 20 год назад, «Полымя», № 5, за 1929, стр. 167.

[380] А. Бурбіс, op. cit., стр. 180.

[381] «Сборник прокламаций 1905 года», Минск, 1927, стр. 64; С. Агурский, op. cit., стр. 107.

[382] А. Зіміонка, op. cit., стр. 166.

[383] См. рецензию на сборник «1905 год в Белоруссии» под ред. М. Шульмана в журнале «Полымя», № 2, 1926, стр. 181.

не только от своей социал-демократичности, но и даже от самой «большевистскости» (по крайней мере, в номенклатуре) большевиками лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», и ни разу ни в какой связи не упоминают даже соответствующего, так сказать, «генерального» эсеровского лозунга «В борьбе обретешь ты право свое» (в белорусской редакции, принятой возникшей лишь в 1918 году Белорусской Партией Социалистов-Революционеров — «Змагайся як мага — зможаш», т. е. «Борись как можешь — победишь». Правда, стремясь к предельной популярности и народности языка пропаганды и в связи с этим всячески избегая непонятных массам и могущих легко подвергнуться искажающей смысл так наз. «ложной» или «народной этимологии» иностранных слов, Громада при переводе своего «генерального» марксистского лозунга на белорусский язык заменяла слово «пролетарии» сочетанием «працавітая бедната», т. е. «трудовая (точнее — „работящая") беднота» (между прочим, широко распространяясь уже в советское время, слово «пролетарий» именно и подверглось в белорусских массах ложной народной этимологии, повсеместно и неизменно воспринимаясь в ассоциации с близким ему по звучанию белорусским глаголом «пралятаць, пралятай», т. е. «пролетать, пролетай» и приводя тем самым к крайне нежелательным для адептов «пролетариата» ироническим интерпретациям). Однако зараженные обычным для большевистского «воинственного исследования» духом буквоедства авторы именно в таком переводе усмотрели «искажение марксизма» и главное доказательство «несоциал-демократичности» Громады. Так, известный нам уже и с этой стороны С. Агурский писал: «При ознакомлении с прокламациями Белорусской Социалистической Громады в глаза бросается прежде всего лозунг „Працавітая бедната ўсіх краёў, злучайся" (т. е. „Трудовая, работящая беднота всех стран, соединяйся". Н. Н.) вместо марксистского лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтесь". Это искажение лозунга свидетельствует о том, что Белорусская Социалистическая Громада не была социал-демократической организацией».[384] Под гипноз большевистского «марксистского» буквоедства в данном вопросе некретически поддались не только верные «генеральной линии», хотя и по своему честные и смелые исследователи вроде характеризованного уже нами с этой стороны М. Поташа,[385] но и авторы из лагеря белорусского национал-коммунизма, как, например, один из виднейших белорусских национал-коммунистов, историк проф. В. Игнатовский[386] и даже так наз. «национал-демократизма», как, напр., историк А. Шлюбский.[387]

Конечно, беспристрастному исследованию трудно найти в громадовском переводе «генерального» марксистского лозунга что-либо большее, чем чисто пропагандный, может быть, разве еще и тактический прием, только лишь об удачности или неудачности которого могут быть разные мнения, но никак не о несоответствии самому духу и идее заключающегося в нем положения. Нельзя, прежде всего, не заметить, что весьма важный, особенно для национальной партии, каковой была Громада, интернационалистический момент лозунга, говорящий о «соединении» классово идентичных элементов «всех стран», абсолютно точно передан Громадой. Об «искажении» с этой сто-

---

[384] С. Агурский, op. cit., стр. 105.

[385] См. его op. cit., стр. 41.

[386] См. его Гісторыю Беларусі XIX і XX ст., стр. 212.

[387] См. его Да гісторыі Беларускай Соцыялістычнай Грамады, «Полымя», № 5, 1925, стр. 158.

роны не могли ничего сказать даже «марксистские» буквоеды» , хотя и отметить этот момент, противоречащий ими же так старательно приписываемому Громаде «национализму», конечно, не сочли нужным по невыгодности для себя. И, наконец, самое важное, — совершенно не замеченным и не отмеченным до сих пор остался тот факт, что замена термина «пролетарии» на «працавітая беднага» имела место далеко не во всех документах Громады, а лишь именно на ее массовых народных агитационных изданиях-проклямациях. И только потому, что издания этого рода составляют основную массу оставленных нам Громадой документов, создается впечатление универсальности этой замены. Но стоит лишь внимательно просмотреть хотя бы описание выпущенных Громадой изданий (напр., в издававшейся в свое время Белорусской Государственной Библиотекой «Летописи белорусской печати»[388]), чтобы убедиться, что на таком, напр., издании, как «Очерк программы БСГ» (1905), гозунг «пролетарии всех стран...» остается без всяких изменений или «искажений» (в белорусском тексте — «Пролетарыі ўсіх краёў, злучайцеся!»[389]), т. е., что не на чисто прокламационных, народно-массовых изданиях, а на более серьезных, ответственных и официальных документах обусловленной пропагандно или тактически замены не производилось.

То же буквоедство лежит в основании и других «доказательств» несоциалдемократичности Громады, выдвинутых авторами, стоявшими на почве большевистской «генеральной линии», причем, как правило, авторы эти, сами того не замечая, впадают в противоречие с фактами, зачастую ими же приводимыми, но касающимися уже не Грамады, а «alma mater» самых большевиков — РСДРП, и потому не подвергающимися тому же буквоедческому подходу. Так, С. Агурский, вслед за приведенным выше высказыванием об «искажении» Громадой марксистского лозунга, подчеркивает, что «в прокламациях ее (Громады. Н. Н.) доминируют лозунги: «Долой царя и его правительство», «Да здравствует народное правление»,[390] желая тем самым, опять таки, оттенить будто бы не социал-демократичность, а лишь общую революционность Громады. Однако в другом месте тот же Агурский свидетельствует, что и в изданиях самой РСДРП того же времени «все прокламации заканчивались лозунгами: „Долой самодержавие" ... „Да здравствует демократическая республика!"»[391] Подобно этому и М. Поташ пытался придать будто бы весьма умеренный характер даже и общей революционности Громады, ссылаясь на высказывание ее фактического органа „ Наша Доля": „Землю надо добывать не силой, не грабежом, а законом".[392] Между тем, относящаяся к тому же времени листовка, выпущенная Копыльской группой РСДРП, всегда считавшейся большевистскими источниками в числе наиболее образцовых групп этой партии в Белоруссии, также внушала, и даже еще обстоятельнее и настойчивее, тем же белорусским крестьянам: «Не надо грабить и разрушать. Нельзя делать насилий над помещиками и их имениями — надо показать, что крестьянин не дикарь и зверь, а такой же человек, как и все. Надо стараться, чтобы земля перешла к крестьянину на основании закона . . .»[393] Мало того, даже прокламации открытых сторонников крайнего терроризма, в том числе и аграрного — эсеров — зачастую высказывались в том же духе, как, например, прокламации, выпущенные витебским комитетом ПСР, так же старавшиеся внушить тем же белорусским, витебским крестьянам, что «революция — не грабеж».[394]

Правда, тот же Поташ при всем том остается еще настолько объективным, чтобы признать, хотя и весьма осторожно, что «и БСГ заимствовала кое-что у эсдеков», лишь оговариваясь: «но заимствование это было у оппортунистов из российской социал-демократии, у меньшевиков».[395] Если отбросить обычную для большевистской литературы ярлычную терминологию с ее приклеиванием без разбора, скажем, того же «оппортунизма» всем небольшевистским течениям, оговорку Поташа следует признать вполне правильной по существу: действительно, социал-демократизм Громады по своему характеру может быть определен лишь как «меньшевистский», и чисто большевистских моментов в нем трудно было найти даже, например, З. Жылуновичу при всем его старании воздвигнуть упомянутую выше его концепцию мнимого пребольшевизма и пробольшевизма БСГ, найденные же им редкие моменты этого порядка получают свое подлинное объяснение в обстановке времени и никак не могут поддержать всю концепцию, что еще будет показано в своем месте, когда наше изложение подойдет к ним вплотную. Пока же следует лишь еще обратить внимание и на тот факт, что из всех лидеров Громады к большевизму перешел лишь один А. Бурбис, да и то лишь в 1922 году, да и то лишь перед самой своей смертью, почему можно даже сомневаться, не был ли момент этого перехода лишь изобретенным белорусскими национал-коммунистами трюком и отвечал ли он действительному факту. Да и из рядовых громадовцев в большевистской партии очутились лишь считанные единицы, вроде того же Жылуновича, примкнувшие к большевикам уже в советский период. Все эти и другие факты говорят лишь о том, что большевизм в Белоруссии, и белорусский большевизм, национал-большевизм в частности, не возник в недрах Белорусской Социалистической Громады или другой какой-либо местной партии (вроде того же Бунда, по отношению к которому также были подобные попытки канонизации в большевизме задним числом со стороны некоторых бывших его членов, перешедших в коммунистическую партию в советское время), а обязан своим появлением на политической арене нашего края тому же внешнему источнику, что и всякий большевизм, как таковой, где бы он не возникал.

Теперь нам, наконец, и следует обратиться к этому источнику и проследить просачивание первых его влияний в Белоруссии. Все же наше изложение до сих пор имело целью лишь по возможности более обстоятельное обрисование общего фона с тем, чтобы на нем наиболее рельефно могли выделиться все проявления большевизма в Белоруссии во всем их своеобразии и симптоматичности по отношению к своему источнику и к другим политическим революционным течениям края.

---

[388] См. Беларуская Дзяржаўная Бібліотэка. Летапіс беларускага друку. Ч. II. Паасобныя выданьні на беларускай мове 1835—1916 г., Менск, 1929 (издания «Громады» описаны на стр. 34—35, №№ 12—29).
[389] Там же, стр. 34 (№ 19); ср. также стр. 35, № 27.
[390] С. Агурский, op. cit., стр. 105.
[391] Там же, стр. 122.
[392] М. Поташ, op. cit., стр. 52 (ссылка на № 4 «Нашей Доли», 1906).
[393] См. Е. Мороховец. Крестьянское движение 1905—1907 гг., и социал-демократия в Белоруссии и Литве, сборник «1905 год в Белоруссии» (перепечатка из журнала «Пролетарская революция», № 6, 1925 г.), стр. 30—31.
[394] См. М. Мялешка. Барацьба Беларускай Социялістычнай Грамады за зямлю ў 1905 г., «Полымя», № 1, 1926, стр. 158.
[395] М. Поташ, op. cit., стр. 36.

III

ВЫДЕЛЕНИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА ВНУТРИ РСДРП

Тот внешний по отношению к Белоруссии источник, из которого начало просачиваться, а впоследствии и широко разливаться не только по Российской империи, а в конце концов и по всему миру течение, окончательно закрепившееся под именем большевизма, обрел свой прочный центр кристаллизации, в котором, через который и вокруг которого он стал формироваться, в фигуре упоминавшегося уже нами в качестве выдвигавшегося в первые ряды российской социал-демократии ее энергичного и даже фанатичного активиста Ленина, в 1900 году, по отбытии сибирской ссылки, эмигрировавшего за границу. О том, что Ленин — отец большевизма, распространяться особенно не приходится, положение это исторически настолько явно и очевидно, что на нем никогда никому не приходилось даже останавливать специальное внимание. Следует лишь отметить, что это «отцовство» Ленина, его роль центра кристаллизации большевизма началась не со времени образования и возглавления им в 1903 г. фракции российской социал-демократии, получившей известность под давшим впоследствии имя данному течению ярлыком «большевистской», а именно с указанного выше момента его эмиграции в 1900 году. К этому именно моменту кристаллизация будущего большевизма, по крайней мере в основном, выяснилась в самом Ленине и начала превращать его в свой центр для расширения во вне. Все это нашло себе выражение в организации Лениным им же замышленной (и именно с сознательной целью осуществления выношенной им идеи течения и «партии нового типа») газеты «Искра», начавшей выходить за границей с декабря 1900 года.

Выношенная и осуществленная вне территории Белоруссии и без всяких связей с ее социал-демократическим движением, «Искра» и в дальнейшем не приобрела этих связей в сколько-нибудь значительной и прочной степени; во всяком случае, источники не указывают никаких данных для суждения об обратном. Так, Я. Дыла отмечает лишь некоторую, весьма общую связь лишь одной (притом характерно — самой восточной) социал-демократической организации Белоруссии с «Искрой» в момент, непосредственно предшествовавший ее возникновению: «Смоленская организация весною 1900 года ясно высказывалась за политическую борьбу российского пролетариата, будучи единомышленной в этом с А. Потресовым и Н. Лениным, которые в мае 1900 г., перед отъездом своим за рубеж, встретившись в Пскове с Радченко, Мартовым и др., спроектировали там подпольную социал-демократическую газету «Искра».[396] В другом месте тот же исследователь упоминает, что «в декабре 1901 г. была разгромлена в Белоруссии группа Якова В. и др., которая переправляла в центр России людей и литературу «искровских» организаций. В феврале же 1902 г. десятки наиболее активных «искровцев» были арестованы, и это помешало образованию социал-демократическими организациями своего нового партийного центра».[397] Другой исследователь, И. Юренев, отмечает, что хотя группы «Искры» возникали в Белоруссии еще с 1901 года, но до 1903 года они не

---

[396] Я. Дыла, op. cit., стр. 132 (ср. Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП. Москва-Ленинград, 1930, стр. 53).
[397] Там же, стр. 134.

получили здесь более или менее широкого распространения: «В Вильно, например, — констатирует он при этом, — «искровцев», как организации, не было. Бунд вел, помимо своей узко-национальной социал-демократической работы среди еврейского пролетариата, также и работу среди христианских рабочих».[398] Наконец, историк большевизма, так сказать, «с другой стороны баррикад», жандармский генерал А. И. Спиридович, перечисляя возникшие к осени 1902 года на территории Российской империи «искровские» группы, не указывает в числе их ни одной с местонахождением в Белоруссии.[399] Этим и исчерпываются данные об организационных связях «Искры» с Белоруссией за весь «старый» (т. е. при определяющем участии Ленина) период ее существования с 1900 по 1903 г.

Но не только организационные связи «Искры» с Белоруссией были слабы; контакты ее с данным краем характера чисто информационного, для газеты столь важного, также не отличались своей широтой и прочностью, во всяком случае, по сравнению с информационными контактами газеты с другими местами Российской империи. Если просмотреть указатели, приложенные к переизданной «Истпартом» при ЦК ВКП(б) и снабженной соответствующим справочным и комментативным аппаратом «Искре», бросается в глаза, что в 52 номерах «старой» «Искры» за 1900—1903 гг. такие центры социал-демократического движения Белоруссии, как достаточно уже известные нам в этой роли Вильно и Минск, упоминаются (а, следовательно, и информационно отражаются) лишь считанные единицы раз (Вильно — 7 раз[400], Минск — всего лишь 2 раза![401]), тогда как центры других, небелорусских районов, имеют десятки упоминаний (например, Киев — 38[402], Москва — 75[403]; между тем, всех упоминаний белорусских пунктов лишь 51, по нашему подсчету). Показатели эти, кажется, достаточно свидетельствуют о состоянии информационных контактов «Искры» с территорией Белоруссии и не прекращавшимся на ней, как уже достаточно показано в предыдущем изложении данной части, революционным и, в частности, социал-демократическим движением.

Слабость связей и контактов «Искры» с Белоруссией обусловливалась прежде всего тем обстоятельством, что при известной уже нам «монополизации» рабочего и социал-демократического движения в Белоруссии Бундом, достигнутой им к данному моменту, установление непосредственных сношений с этим движением, минуя этого его «монополизатора», уже было затрудненным для какой бы то ни было другой организации. Затрудненность же эта для «Искры» увеличивалась еще и тем, что она с самого начала заняла антинационализационную и конкретно антибундовскую позицию, вступив во все более обострявшуюся полемику с Бундом на этой почве. Такой, так сказать, отрицательный контакт «Искры» с Бундом, вполне естественно, побуждал последний препятствовать установлению положительных контактов и связей «Искры» с контролируемым и даже «монополизирован-

---

[398] И. Юренев. Работа РСДРП в Северо-Западном Крае (1903—1913 гг.), «Пролетарская Революция», № 8—9 (31—32), 1924, стр. 164.
[399] Ген. А. И. Спиридович. История большевизма в России, Париж, 1922, стр. 46.
[400] «Искра», № 1—52, Декабрь 1900 — Ноябрь 1903, изд. «Прибой», Ленинград, 1929, вып. VII, стр. 212, 213, 218.
[401] Там же, стр. 215.
[402] Там же, стр. 214.
[403] Там же, стр. 215.

ным» им социал-демократическим движением Белоруссии. Тем более, что антагонизм между «Искрой» и Бундом с самого же начала, хотя и в более скрытой форме, стал проявляться не только в плоскости принципиальной полемики, но и в чисто практической организационной области, где он начал обнаруживаться в связи с подготовкой созыва второго съезда РСДРП.

Как мы помним из первой части настоящей работы, первый учредительный съезд РСДРП в Минске в 1898 г. в конце своем высказал намерение созвать следующий второй съезд партии не позже, чем через шесть месяцев. Последовавший разгром избранных первым съездом партийных органов, если и затруднял выполнение этого намерения, то, с другой стороны, делал созыв второго съезда еще более настоятельной необходимостью для учрежденной, но сразу же лишенной избранных учредительным съездом руководящих органов партии. Тем не менее, с созывом этого съезда никто особенно не торопился; правда, препятствовали тому и все продолжавшиеся преследования властей, но, кроме этого, явно сказывалась и выжидательность позиции отдельных, объединившихся в РСДРП групп, обусловленная, очевидно, стремлением к восстановлению и накоплению своих собственных сил для обеспечения себе определенного веса и влияния на предстоящем съезде.

Лишь в начале мая 1900 г., т. е. через два с лишним года, а не через шесть месяцев после первого съезда партии, была сделана первая попытка созвать второй съезд ее, снова на территории нашей Белоруссии, на этот раз в более восточном пункте ее — в Смоленске.[404] Инициатива созыва исходила из Екатеринославского комитета партии, главным образом, от одного из активнейших его работников того времени, А. М. Гинсбурга, переселившегося в Екатеринослав как раз из Белоруссии, где он до того работал в бундовских организациях Витебска и Двинска. Инициатива эта и была поддержана, прежде всего и главным образом, Бундом, делегаты которого и явились аккуратно на съезд. Как отмечает один из наиболее тщательных исследователей данной попытки съезда, «именно в их — руководителей Бунда — среде на смену безнадежным, как им казалось, планам воссоздания сразу общероссийской организации пришла идея возрождения партии путем построения ее, начиная с Юга, „по типу областных организаций”, так сказать, по образцу и подобию раннего Бунда».[405] Но задуманной в плане такой идеи попытке съезда в Смоленске не пришлось осуществиться: «стали поступать письма и телеграммы об арестах на юге России и об отказе многих организаций ехать на съезд»[406] и съехавшиеся было делегаты (от Бунда и от «Рабочего Дела») должны были разъехаться ни с чем.

После нескольких совещаний (в Харькове осенью 1901 г. и др.[407]) и после специального объезда ряда пунктов М. Г. Коган-Гриневичем[408]), в апреле 1902 г. (т. е. через два года после неудавшейся первой попытки созыва второго съезда и через четыре с лишним года после первого съезда) была сделана вторая попытка созыва второго съезда РСДРП, опять на территории Белоруссии, на сей раз в одном из ее крайних западных пунктов, в хорошо известном нам по предыдущему изложению Белостоке. Здесь съехались 2 делегата от ЦК Бунда, 1 от Петербургского Комитета, 1 от группы «Южного Рабочего» и 2 от заграничных социал-демократических центров.[409] Однако «совещание это себя партийным съездом не признало, объявило только лишь конференцией и избрало организационный комитет для созыва II партийного съезда. Эта попытка снова организоваться не удалась, и все участники конференции, кроме представителя Петербурга, были арестованы по возвращении из Белостока».[410] По свидетельству самого Ленина, в своем известном «Шаг вперед, два шага назад» ссылающегося также на протоколы II съезда партии, это «Искра» — «постаралась превратить конференцию 1902 г. в частное совещание, а не в партийный съезд»[411], считая время для съезда еще не созревшим и состав делегатов для себя не подходящим. Свидетельство это подтверждает и такой позднейший противник Ленина, как Л. Мартов, распространяя его и на первую попытку созыва съезда в 1900 г.: «Мы выступили против попытки... созвать съезд весной 1900 г., мы сделали тоже и после, и когда весной 1902 г. была сделана новая попытка созвать съезд, наш делегат получил от редакции и организации „Искры” инструкцию, которую и выполнил — стараться превратить съезд в подготовительную конференцию для создания оффициозного О. К. с миссией подготовить съезд».[412]

По утверждению А. И. Спиридовича, в октябре того же 1902 года в том же Белостоке состоялась новая конференция, уже чисто «искровская», избравшая новый организационный комитет по созыву съезда на место разгромленного.[413] Во всяком случае, «искровский» организационный комитет созвал уже в начале ноября того же года съезд в Пскове; однако, по свидетельству Ленина, «представители от Бунда по неизвестным причинам не явились на съезд»[414], т. е. на этот раз съезд сорвался уже из-за Бунда, а не из-за «Искры». Таким образом, снова повторялась та же картина соперничества двух инициаторов, которая наблюдалась, как помним, и при созыве первого, учредительного съезда той же партии, даже с тем же Бундом в качестве одной из соперничавших сторон; лишь другая сторона была представлена теперь уже не просто небундовским Киевом, а и антибундовской и гораздо более сильной «Искрой».

Наконец, в июле 1903 года удалось-таки созвать II съезд парти, на который уже и бундовские делегаты прибыли с тем, однако, чтобы в конце концов, в силу данного им еще на IV съезде их организации в 1901 г. «императивного мандата», о котором уже говорилось выше, покинуть и

---

[404] См. Вл. Р-в. Из партийного прошлого, «Наша Заря», 1913, № 6, стр. 31—32; наиболее подробное освещение — Б. Н. Из эпохи «Искры» и «Зари», журнал «Каторга и ссылка», 1927, XXXV, стр. 7—35, XXXVI, стр. 83—100; ср. также — Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП, Москва-Ленинград, 1930, стр. 53.

[405] Б. Н., op. cit., «Каторга и ссылка», 1927, XXXV, стр. 24.

[406] Вл. Р-в, op. cit., стр. 32; ср. Б. Н., op. cit., «Каторга и ссылка», 1927, XXXVI, стр. 93—95.

[407] См. Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП, Москва-Ленинград, 1930, стр. 63.

[408] Там же, стр. 69.

[409] Там же, стр. 72—73; ср. А. И. Спиридович, op. cit., стр. 57—58, а также Я. Дыла, op. cit., стр. 134.

[410] Я. Дыла, там же.

[411] Н. Ленин. Шаг вперед, два шага назад, текст в сборнике — Второй съезд РСДРП, Москва, 1923, стр. 11.

[412] См. Протоколы II очередного съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии, Женева, 1904, стр. 52.

[413] А. И. Спиридович, op. cit., стр. 58.

[414] Н. Ленин, op. cit., стр. 107; ср. — Доклады социал-демократических комитетов..., стр. 74—75, где неявка представителя Бунда объясняется тем, что «ему не была в надлежащее время доставлена явка совещания...»

съезд и самую РСДРП, основанную при таком определяющем участии Бунда. Но на этом съезде РСДРП нам придется остановиться особо и подробнее ввиду его определяющего значения для дальнейшего развития событий в области социал-демократического движения в Белоруссии, особенно в смысле образования в этом движении элементов организованного большевистского течения.

1903 год вообще оказался для Белоруссии годом съездов, действовавших на ее территории социал-демократических партий, кроме только что упомянутого нами II съезда РСДРП, в этом году состоялись также IV съезд Социал-Демократии Царства Польского и Литвы, V съезд Бунда и I съезд Белорусской Социалистической Громады. Из них, прежде всего, останавливает на себе внимание этот последний, впервые определивший программное лицо молодой белорусской партии. По воспоминаниям одного из лидеров ее и участников съезда, А. Бурбиса, «съезд принял в общем программу ППС»[415]; однако, по справедливому замечанию уже известного нам в качестве наиболее объективного по отношению к БСГ, хотя и большевистского, исследователя М. Поташа, «у нас нет документальных данных, чтобы установить, насколько в действительности совпадали тогдашние программы ППС и БСГ. Из известных нам списков программы этого не видно».[416] Согласно доклада БСГ на конференции национально-социалистических партий 16—20 апреля 1907 г., «в основу программы (принятой на I съезде партии. Н. Н.) был положен принцип территориальной независимости для западного края с сеймом в Вильне; в экономической сфере, кроме общей социалистической программы минимума и максимума, по аграрному вопросу было выставлено требование национализации земли».[417]

Но особенно важно для уяснения программного лица партии, как отмечает и тот же Поташ, указание Бурбиса о том, что I съезд Громады принял также программное требование национально-культурной автономии.[418] Этим молодая белорусская партия сразу же поставила себя в один ряд с другими, идеологически родственными ей и действовавшими в Белоруссии партиями, и при том не только с Бундом, но и даже с СДЦПиЛ, в то время, как мы увидим несколько ниже, также разделявшей в основном этот принцип национальной политики, тогда как, в противовес всем этим партиям, РСДРП заняла в данном вопросе определенно отрицательную позицию, вытекавшую из совершенно иной принципиальной трактовки всей национальной проблемы, что и выяснилось с достаточной яркостью на ее II съезде. И важность значения этого последнего съезда для Белоруссии, по сравнению с другими съездами ее партий, состоявшимися в том же 1903 году, прежде всего именно в этом выяснении принципиальных расхождений, начиная с расхождений в национальном вопросе, приведшем тут же к размежеванию в разные стороны направлявшихся партийных течений.

Обычно прошедшее на II съезде РСДРП размежевание партийных течений принято связывать с двумя моментами съезда — обсуждением устава партии и выборами партийных органов, так как в процессе голосования по этим вопросам произошел как откол Бунда от партии, так и раскол

[415] А. Бурбіс, op. cit., стр. 179.
[416] М. Поташ, op. cit., стр. 37.
[417] Протоколы конференции Национально-Социалистических Партий 16—20 апреля 1907 г., СПБ., 1908, стр. 92.
[418] А. Бурбіс, op. cit., стр. 179; М. Поташ, op. cit., стр. 37.

ее на фракции большинства и меньшинства, за которыми впоследствии и закрепились названия «большевиков» и «меньшевиков». Такое распространенное, ходячее представление поддерживает и сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)»[419], хотя уже сам Ленин, например, был несколько более точным в выделении критических, размежевывающих моментов съезда. В упоминавшемся уже нами «Шаг вперед, два шага назад», посвященном анализу происшедшего на II съезде, Ленин констатирует, что «в течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их — равноправие языков, параграф 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая, в конце концов, к теперешнему тяжелому кризису в партии».[420] Однако, после внимательного ознакомления с протоколами съезда, приходится к выделенным Лениным моментам прибавить еще и четвертый случай, непосредственно предшествовавший первому из указанных Лениным и принципиально к нему примыкающий, а также отмеченный довольно острой борьбой и разделением искровцев, хотя при последнем в «отпадении незначительного числа искровцев от большинства их» очутился сам Ленин, получивший поражение при голосовании, что, повидимому, и помешало ему отметить и этот, лично ему не особенно приятный случай, в том же ряду определяющих критических моментов съезда. Это — «случай областного самоуправления», выражаясь в стиле Ленина, т. е. момент обсуждения и голосования съездом программного вопроса об областном самоуправлении (параграф 3 программы партии). Так как все перечисленные критические моменты съезда обнаруживают единую линию, по которой и прошло размежевание на съезде (а уяснение этой линии необходимо для правильного понимания самой сути этого размежевания) и так как, с другой стороны, большинство из этих моментов до сих пор не привлекло к себе надлежащего внимания исследователей в затронутом здесь отношении, нам придется остановиться на них несколько подробнее.

Первый критический момент на съезде — последний из отмеченных нами в качестве «случая областного самоуправления» — был открыт выступлением самого Ленина по поводу оглашенной программной комиссией съезда редакции параграфа 3 программы партии о «широком местном и областном самоуправлении»: «Ленин против слова „областное“, ибо это очень неясно и может быть истолковано в том смысле, что социал-демократия требует разделения всего государства на мелкие области (в первоначальной секретарской записи — областные единицы)» — так зафиксировано это выступление в протоколах съезда.[421] Против Ленина сразу же ополчились делегаты национальных организаций — бундовец Либер (Гольдман), кавказцы Костров (Н. Жордания, недавно скончавшийся в изгнании, президент Грузинской Народной Республики), Карский (Топуридзе), Русов (Рубен), почувствовавшие здесь ультрацентралистское (по сути великодержавническое) отрицание права национальностей даже на областное самоуправление. Особенно характерны некоторые моменты выступления Русова: «что нельзя под одну рубрику подводить центр и окраины — при-

[419] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 40—42.
[420] Н. Ленин, op. cit., стр. 19.
[421] Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), Протоколы съездов и конференций ВКП(б), Второй съезд РСДРП, Июль-Август 1903 г., Под редакцией С. И. Гусева, П. Н. Лепешинского, Партиздат, Москва, 1932, стр. 183.

знало даже русское самодержавие, хотя и выполняет это уродливо... Наконец, это решение не противоречит нашим основным принципам, дает нам орудие в борьбе с такими националистическими организациями, какой явилась недавно, например, Грузия[422] (последний момент подчеркивал в своем выступлении и Костров-Жордания). Оппоненты Ленина были поддержаны также определившимся к концу съезда в качестве лидера „меньшевиков" Мартовым, предложившим съезду и свою формулу развития и уточнения данного пункта программы. Ленин, прямо поддержанный лишь одним из выступавших в прениях делегатов (Страховым), при голосовании потерпел поражение (14 голосов за, 26 против[423]), поправка Мартова, после характерного выэлиминирования из нее при голосовании всякого упоминания об отличии «собственно русских местностей» (по другой предлагавшейся редакции — «местностей центральной России») от нерусских (или «окраин», по другим предложениям), прошла, и весь данный пункт был принят съездом в следующей окончательной редакции: «Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения».[424]

Столкновение отстаивавших права национальностей делегатов с позицией централизма (в данном случае явно великодержавнического характера), выдвинутой Лениным, повторилось с еще большей силой при почти непосредственно последовавшем обсуждении программного вопроса о «равноправии граждан», вылившемся в тот «случай равноправия языков», который отмечает уже и Ленин в качестве критического момента съезда. Борьба здесь разыгралась уже подлинно ожесточенная и затяжная, с многочасовыми и порой резкими дебатами, частыми перерывами и откладыванием заседаний, многократными, и притом часто поименными, голосованиями и переголосованиями, передачей для согласования в комиссию и т. п. Вопрос о «равноправии языков» был поднят бундовцем Либером и, благодаря некоторым, может быть, и в самом деле, не совсем удачным формулировкам его, встречен даже насмешками со стороны таких лидеров съезда, как не только Плеханов, но даже и Мартов; эту линию несерьезного отношения к данному вопросу противники его разрешения старались продолжать даже и после поддержки Либера целым рядом делегатов (опять-таки, главным образом от национальных организаций), указавших и обосновавших всю серьезность и остроту выдвинутого бундовцем положения (продолжает эту линию по сути и Ленин в своем «Шаг вперед...», пытаясь свести все дело к закулисной стороне, будто бы вызывавшей затягивание дискуссии). Представление о характере постановки вопроса поднявшими и поддержавшими его делегатами лучше всего могут дать протокольные записи некоторых выступлений в дискуссии: «**Карский** находит, что право говорить на родном языке очень необходимое и важное право, а не мелочь...[425] **Егоров** (Левин. Н. Н.). Раз в Польше, Малороссии и проч. существует запрещение говорить на родном языке в собраниях, на суде, в почтовых учреждениях, то мы должны выставить ясное и положительное требование равноправности языков...[426] **Львов** (Мошинский. Н. Н.) считает вопрос об угнетении языков, выдвинутых окраинами, очень серьезным.

[422] Там же, стр. 183—184.
[423] Там же, стр. 184.
[424] Там же, стр. 420, 523.
[425] Там же, стр. 185.
[426] Там же, стр. 186.

Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение (текст протокольной комисии: подозрение) о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов...[427] **Карский** считает оскорбительным самое предположение, что такой жгучий вопрос, как вопрос об языке, считается не созревшим и не могущим быть разъясненным (первая секретарская запись, текст протокольной комиссии: «разрешенным») на съезде...»[428]

Борьба по вопросу о «равноправии языков» закончилась введением в программу отдельного пункта (8), не предусматривавшегося программой комиссией: «Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях».[429] Таким образом, представители национальных организаций на съезде, после упорной борьбы с централистским пренебрежительным отношением к одной из кардинальнейших национальных проблем — проблеме прав родного национального языка для негосударственных национальностей, добились внесения в программу партии пункта, формулировавшего в сущности основание и для той линии языковой национализации, как первого шага на пути национализации вообще, вступить на который, как мы видели уже в первой части настоящей работы, заставляла национальные социал-демократические организации сама жизнь.

После «случая равноправия языков» национальный вопрос был еще раз затронут на съезде в своей программной плоскости, не вызвав, однако, уже той острой борьбы и резкого разделения, которые бы превратили и этот момент съезда в критический. Случилось это при обсуждении пункта программы «о национальном самоопределении», т. е. того самого пункта, который, как помним, был принят еще первым учредительным съездом партии и притом как единственный в его решениях пункт программного характера. Пункт этот и сейчас на втором съезде не вызвал никаких принципиальных возражений, только бундовцы предложили развить его дополнением в духе принятого уже, как мы знаем, Бундом принципа национальной культурной автономии — к тексту, повторявшему лишь более пространно, принятую первым съездом формулировку: «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» — предлагалось добавить: «и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития».[430] Однако на этот раз бундовцы не были поддержаны даже другими национальными делегатами, очевидно не дошедшими еще до восприятия и принятия принципа национельно-культурной автономии, и предложенная ими поправка, при голосовании поддержаная одими лишь бундовскими голосами, провалилась. Заслуживают внимания некоторые высказывания в прениях по поводу предложенной бундовцами поправки, в которых впервые обнаружился тот подход к национальному вопросу, который впо-

[427] Там же.
[428] Там же, стр. 189.
[429] Там же, стр. 257—258, 420.
[430] Там же, стр. 191. Утверждение сталинского «Краткого курса» о том, будто бы бундовцы «возражали против права наций на самоопределение» (стр. 40 издания Госполитиздата, 1950) просто не соответствует действительности и в протоколах съезда не находит никакого подтверждения.

следствии лег в основание подлинной, фактической линии большевиков в данном вопросе, проводимой ими под прикрытием громких, но чисто декларативных тезисов о «национальном самоопределении» даже «вплоть до отделения»: «**Егоров.** В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е. мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до того, будет ли та или другая национальность развиваться, как таковая... **Кольцов.** От нас требуют чисто наступательных мер для поддержки даже тех национальностей, которые вымирают...»[431] Так уже в 1903 году предвосхищались некоторые мотивы, которые десять лет спустя с доходящей до цинизма откровенностью были развиты Лениным в одном из его писем к армянскому большевику Шаумяну, о котором нам еще придется говорить в своем месте, а еще через несколько лет определили всю линию национальной политики большевиков в контролируемом ими государстве.

Не поддержанные делегатами съезда в вопросе о национально-культурной автономии бундовцы получили, однако, на первый взгляд несколько неожиданную, но весьма решительную поддержку со стороны представителей Социал-Демократии Польши и Литвы, присутствовавших на съезде в качестве гостей от их партии, изъявившей намерение войти в РСДРП на определенных условиях. После провала бундовской поправки в духе национально-культурной автономии, гости эти покинули съезд, и последний, после чисто фактической информации об этом, «выразил сожаление» по поводу «вызванного случайными обстоятельствами оставления польскими товарищами съезда...»[432] Однако из опубликованного впоследствии в протоколах съезда «заявления представителей Социал-Демократии Польши и Литвы» видно, что оставление ими съезда было вовсе не случайным, а вполне мотивированным, причем в качестве последнего мотива здесь выдвигалось именно совпадающее (даже вплоть до словесной формулировки) с бундовским отношение к вопросу о национально-культурной автономии: «Единственное возможное разрешение национального вопроса, которое в то же время обязательно для социал-демократии при всех условиях, есть, по нашему мнению, защита свободы культурного развития каждой национальности, путем демократизации исторически данных государственных учреждений. В этом смысле мы предлагаем дать следующую формулировку 7 пункту в проекте программы: Параграф 7. Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства... Мы считаем поэтому, независимо от представленных нами раньше трех основных условий нашего присоединения к общерусской социал-демократии, это присоединение только тогда возможным, если съезд сочтет возможным принять предлагаемую нами, либо иную, совпадающую с ней по смыслу, формулировку 7-го пункта программы, либо же, в крайнем случае, если съезд согласится оставить пока вопрос открытым и отложить формулировку его до следующего съезда по надлежащем выяснении вопроса в прессе».[433]

Оставление съезда представителями СДПиЛ явилось по сути первым актом оформления того размежевания партийных течений, которым ознаменовался II съезд РСДРП. Правда, здесь покинули съезд еще только лишь

431 Там же, стр. 192.
432 Там же, стр. 359.
433 Там же, стр. 454.

гости его, и размежевание проявилось лишь в наиболее слабой форме, не представлявшей собою еще ни откола-отделения, ни раскола-разделения, а лишь закреплявшей существовавшее в данном случае состояние разделенности после неудачи попытки намечавшегося объединения. Однако уже и этот акт оставлял по себе неприятный осадок, и его всячески старались замолчать, прикрыть «случайными обстоятельствами»; особенно неприятным он должен был быть будущим «большевикам», расходившимся здесь с такой духовно близкой, родственной им организацией, какой была, как мы видели еще в первой части, СДПиЛ, и неудивительно потому, что их источники, вплоть до сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», избегают даже упоминания о данном случае, даже как о факте. Но за первым актом последовали дальнейшие, и вскоре должны были покинуть съезд уже не гости, а один из самих учредителей РСДРП — Бунд, оставивший при этом не только съезд, а и самую, при таком деятельном участии его созданную, партию социал-демократии Российской империи.

Откол Бунда от РСДРП, явившийся вторым актом оформления размежеваний на съезде, произошел также на почве национального вопроса, но уже не в программной, а в «уставной», партийно-организационной плоскости его: «В связи с уставом партии съезду пришлось заняться Бундом. Бунд претендовал на особое положение в партии. Он требовал, чтобы его признали единственным представителем еврейских рабочих в России. Пойти на это требование Бунда означало разделить рабочих в партийных организациях по национальному признаку, отказаться от единых классовых территориальных организаций рабочего класса. Съезд отверг бундовский организационный национализм. Тогда бундовцы покинули съезд», — так излагает данный момент сталинский «Краткий курс».[434] «Принимая во внимание отвержение пункта о том, что Бунд неограничен в своей деятельности никакими районными рамками и входит в партию в качестве единственного представителя еврейского пролетариата, делегация Бунда заявляет о выступлении из РСДРП и покидает съезд», — так формулировала мотивировку своей позиции сама делегация Бунда,[435] в данном случае лишь выполняя известное уже нам решение IV съезда ее партии об отношении к РСДРП, обуславливавшее ее «императивный мандат» в настоящем вопросе. Как и в случае с национально-культурной автономией, Бунд не был поддержан в этом своем «организационном национализме» (точнее — «организационной национализации») даже другими национальными делегатами съезда, и здесь, очевидно, не зашедшими еще столь далеко на пути национализации социал-демократии.

Однако, еще перед самым отколом Бунда начал разыгрываться на съезде и последний, наиболее важный, акт оформления размежевания партийных течений, самый акт раскола партии на «большевиков» и «меньшевиков». Первый момент этого акта, отмеченный и Лениным в числе критических моментов съезда, имел место при обсуждении и голосовании самого первого параграфа устава партии, касавшегося вопроса о членстве в ней. Здесь, как известно, столкнулись две формулировки: Ленина, преследовавшего свою цель построения партии тоталитарного типа, как «организованного целого», «организованного отряда, члены которого... принимаются в партию одной из ее организаций и подчиняются, стало быть, дисциплине партии» по ин-

434 История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 42.
435 С. Агурский, op. cit., стр. 77.

терпретации сталинского «Краткого курса»,[436] и Мартова, защищавшего принцип более свободного и демократичного партийно-организационного строения. Незначительное большинство, полученное при голосовании формулировки Мартова, после ухода голосовавшего за нее Бунда, а также представителей некоторых более мелких групп, отказавшихся подчиниться первым «организационным выводам» тоталитарной партийной дисциплины (еще один акт размежевания, хотя и более мелкого калибра и узкого объема), перешло на сторону Ленина и окончательно закрепилось здесь при последнем критическом моменте съезда — моменте выборов, завершившем весь раскол на сторонников Ленина, отныне закрепивших за собой это, ставшее историческим, наименование «большевиков», и его противников — «меньшевиков». Так в конце концов оформился последний акт размежевания на съезде.

Если внимательно присмотреться теперь к характеру всех изложенных критических моментов и оформивших их актов размежевания на съезде, нетрудно будет придти к обобщению, что все они фактически шли по одной и той же линии — по линии отношения к принципу, в то время чаще всего обозначавшемуся термином «централизм», но по сути гораздо более адэкватно покрывающемуся современным, более точным и содержательным термином «тоталитаризм». По одной стороне этой линии здесь всегда оказываются Ленин и сгруппировавшиеся вокруг него «большевики», как наиболее последовательные, агрессивные и непримиримые сторонники принципа централизма-тоталитаризма применительно и к государственному и к партийно-организационному строительству,[437] по другой стороне располагается оказавшаяся в ходе съезда в дефензивном положении оппозиция данному принципу, крайний фланг которой занимает Бунд, последовательно и непримиримо боровшийся против централизма-тоталитаризма как государственного, так и партийно-организационного, тогда как собственно «меньшевики», категорически отвергая лишь партийно-организационный тоталитаризм, в остальном выступили в роли модераторов, то поддерживая национальный децентрализм, однако, в несколько смягченной форме (в случаях «областного самоуправления», «равноправия языков»), то переходя, через такое смягчение, к прямой поддержке денационализационного централизма (в случаях «национально-культурной автономии» и «организационного национализма» Бунда). Что же касается места СДПиЛ в данном расположении, то обнаружившееся на съезде расхождение этой партии с большевистской стороной в одном из моментов национального вопроса, несмотря на всю его остроту в самый момент этого обнаружения, оказалось лишь временным, и во всей последующей (как, впрочем, и предшествовавшей) истории данной партии место ее оказывается неизменно на стороне большевизма.

IV

ПЕРВЫЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП В БЕЛОРУССИИ

II съезд РСДРП, оформивший программную и организационную сторону партии и возникшие на этой почве размежевания, несомненно, получил

[436] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 40—41.
[437] Между прочим, «идея централизма» в понимании Ленина была первой и основной идеей уже для «Искры» (см. Н. Ленин, op. cit., стр. 25).

для нее гораздо большее значение, чем ее I съезд, лишь формально учредивший партию, и в этом отношении большевистские теоретики, вообще считающие данный съезд фактически первым (что уже отмечалось нами еще при рассмотрении их оценок I съезда в своем месте), вполне правы. Значение это усиливается также и фактом несравненно большей репрезентативности данного съезда против съезда первого: представлены были на нем уже 20 организаций в лице 43 делегатов с 51 голосом (против всего лишь 9 на первом съезде); правда, представительство от рабочих попрежнему оставалось ничтожным, особенно для партии, именующей себя «рабочей» — всего лишь 4 делегата съезда происходили из рабочих.[438] Что же касается Белоруссии, то она и здесь была представлена лишь Бундом (единичные небундовские организации на территории Белоруссии, как, напр., Смоленская, Брянская, не были допущены на съезд[439]; едва лишь оформленное Белорусской Социалистической Громадой социал-демокртическое движение самих белорусов даже не пыталось искать связей со съездом уже по одной своей молодости). В отличие от первого съезда второй, происходивший за границей (в Брюсселе и Лондоне), не был уже связан с Белоруссией и по месту своего прохождения. Тем не менее, и для Белоруссии съезд этот получил также весьма важное значение, главным образом, по последствиям происшедшего на нем размежевания партийных течений. Наиболее важными оказались здесь прежде всего последствия откола Бунда от РСДРП.

После выхода Бунда из РСДРП перед последней, как констатирует Я. Дыла, «совершенно логично ... встал вопрос об основании в важнейших пунктах края в Белоруссии, наряду с Бундом, непосредственных организаций партии».[440] «Когда Бунд выступил из партии и раскол стал совершившимся фактом, — с другой стороны, и с несколько большей детальностью освещает данный момент С. Агурский, — некоторые из революционеров нашего края, примыкавших по своим воззрениям к партии и работавших либо в общепартийных, либо в других организациях, организовали партийные группы. Предварительно они объединились с членами Бунда, которые после съезда вышли из его рядов (как это было в Минске и Вильно) или же просто стали вести самостоятельную работу, связываясь с рабочими (как это было в Двинске и др. местах)».[441] Так прошедшее на II съезде РСДРП размежевание получило свое продолжение в Белоруссии, вызывая здесь оформление самостоятельных организаций-групп РСДРП, притягивавших к себе и отрывавших от Бунда имевшиеся в нем, как известно, и до того оппозиционные элементы, вообще, подрывая существовавшую до тех пор «монополию» Бунда в социал-демократическом движении края и тем самым порождая вполне естественную борьбу вокруг этого. «Бунд встретил появление социал-демократических групп в районе своего господства очень враждебно, — констатирует С. Агурский. — На юге, например, борьба носила более умеренный характер».[442]

Хотя первые самостоятельные группы РСДРП в Белоруссии начали появляться еще в 1903 году, сразу же после II съезда партии (Бобруйск, Гомель), а иногда даже еще непосредственно перед ним (Вильно), однако, процесс этого появления по-настоящему развернулся лишь в 1904 году. В

[438] А. И. Спиридович. История большевизма в России, Париж, 1922, стр. 58—59.
[439] Там же.
[440] Я. Дыла, op. cit., стр. 135.
[441] С. Агурский, op. cit., стр. 79.
[442] Там же, стр. 80.

крупнейшем центре социал-демократического движения Белоруссии, в Вильно, как только что отмечено, организация самостоятельной группы РСДРП относится к моменту, непосредственно предшествовавшему II съезду и отколу Бунда: «Это было, — по свидетельству И. Юревина, — „самочинное действие" товарищей, расходившихся с Бундом в национальном вопросе и понимавших, что рамки Бунда слишком узки для успешной работы в широких, не затронутых партийно-революционной работой, пролетарских массах Вильно».[443] Основателями виленской группы явились Ревекка (Сольц), Сова (Рульковский), П. А. Гражан, Павел (Г. Сиротский); после II съезда к ним присоединился Илья (Махлин), в 1904 г. — Валентин (впоследствии известный большевик Н. Н. Крестинский)[444] и др. По Юреневу, «работа группы в 1903 году заключалась в создании организационного аппарата, в «держании границы», транспортировании литературы, оказывании массы технических услуг Петербургу. Вильно было своего рода явочной квартирой для многих и многих организаций России».[445] Для борьбы с Бундом был даже выписан специально из Петербурга получивший известность в качестве «бундоеда» Столпнер, поведший дело так, что после разгрома полицией одной из организованных им летом 1904 года «дискуссий» с Бундом, сопровождавшегося арестом около 30 человек, пришлось удирать из Вильно и ему самому, и Валентину-Крестинскому.[446]

В другом крупном социал-демократическом центре Белоруссии, в Минске, основой для образования группы РСДРП послужило постановление обсуждавшего итоги II съезда РСДРП бундовского собрания о переходе из Бунда в РСДРП, принятое 21 голосом против 3 воздержавшихся.[447] Организаторами этой группы явились Сергей (Е. Беленький, впоследствии довольно видный большевик), Ефим (Кузнецов), Самуил (рабочий-пекарь); вскоре им удалось оторвать от Бунда еще 40 его членов, а также связаться с несколькими интеллигентными социал-демократами — неевреями[448] и окончательно оформиться в качестве «Минской группы РСДРП» (по Агурскому — к концу 1904 г., по другим источникам — уже в марте этого года[449]). Рядом с этой, возникшей с осени 1903 г., группой, к концу 1903 г. появляется и довольно деятельная, особенно вначале, группа РСДРП в Бобруйске, одном из старых бундовских пунктов Минской губернии. Здесь, однако, движение зародилось не в бундовской среде, как в Минске, а как раз среди небундовских и даже нееврейских рабочих, составивших ядро, к которому начали присоединяться и выходцы из Бунда. Группе «удалось провести несколько забастовок в некоторых предприятиях, где работали исключительно белорусские ребочие, которые до того движением не были охвачены и туго поддавались организации».[450] Небольшая группа РСДРП возникла в начале

---

[443] И. Юренев. Работа РСДРП в Северо-Западном Крае (1903—1913 гг.), «Пролетарская Революция», № 8—9 (31—32), 1924, стр. 164.
[444] Там же, стр. 165; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 90.
[445] См. выше.
[446] И. Юренев, op. cit., стр. 166; С. Агурский, op. cit., стр. 90.
[447] С. Агурский, op. cit., стр. 80.
[448] См. выше.
[449] К истории революции 1905—07 гг. в Белоруссии, «Красный Архив», том V (102), 1940, стр. 160; ср. также — Да 50-годзьдзя першай рускай рэвалюцыі (К 50-летию первой русской революции) — редакционная заметка в журнале «Комуніст Беларусі», № 9, 1955, стр. 74.
[450] С. Агурский, op. cit., стр. 82.

1904 года и в другом пункте Минской губернии — в городе Борисове.[451] Все эти группы естественно тяготели к Минску, как к своему центру, однако, даже соединенная сила всех их вначале не представляла собою ничего внушительного; по оценке Минского комитета Бунда, в октябре 1904 года вся местная РСДРП «представляла у нас такую силу, что не могла подкрепить никакого революционного дела» и Бунду приходилось попрежнему обращаться к небундовским рабочим непосредственно, минуя групповые органы РСДРП, в уверенности, «что все рабочие, которые признают свою солидарность со всем пролетариатом, откликнутся».[452]

Из групп РСДРП, оформлявшихся в течение 1903—1904 гг. в других местах Белоруссии (как, например, в Витебске, Сморгони и др.[453]), быстро выросла в новый, третий в Белоруссии, социал-демократический центр группа, образовавшаяся в Гомеле, известном уже по предыдущему изложению своей социал-демократической активностью и (впрочем, сломленной в начале века) оппозиционностью Бунду. Разрыв Бунда с РСДРП, очевидно, явился благоприятным толчком для возрождения этой старой оппозиционности, и появившемуся в Гомеле летом 1903 г. Владимирову (Леве) удалось легко сколотить, вначале, правда, небольшую (всего лишь из 5 рабочих), но быстро разросшуюся группу РСДРП, ставшую рассадником таких же групп по Могилевской и белорусским частям Черниговской губернии.[454] Наиболее крупные из этих групп — Новозыбковская и Клинцовская — вместе с центральной для них Гомельской группой уже в январе 1904 г. образовали Полесский Комитет РСДРП — первую в Белоруссии районную организацию этой партии, охватившую юго-восточный угол края.[455] Полесский Комитет подчинил себе и другие из того же Гомельского рассадника возникшие группы (как, например, Могилевскую, Оршанскую и др., и даже, находившуюся уже вне пределов Белоруссии, Роменскую), организовал свою типографию (в Новозыбкове), начал выпускать свой печатный орган («Листки Полесского Комитета», всего вышло 4 номера) и прокламации.[456]

Вслед за Полесским Комитетом, весною 1904 г. образуется другая районная организация РСДРП в Белоруссии — ее Северо-Западный Комитет, охвативший виленскую, минскую, витебскую, двинскую сморгонскую, бобруйскую и другие находившиеся на территории Белоруссии группы, за исключением охваченных уже Полесским Комитетом групп в ее юго-восточном углу, т. е. подчинивший себе фактически большую часть территории края.[457] Характерно, что самый термин «северо-западный» был заимствован из официальной административной практики, где он появился после запрещения императором Николаем I употребления терминов «Белоруссия», «белорусский» и под. и имел целью стереть даже в номенклатуре упоминание о какой-либо национальной специфичности данного края превращением его из Белоруссии в простую «северо-западную» провинцию Росийской империи.

---

[451] Сборник «1905 год в Белоруссии». Под ред. М. Шульмана, Минск, 1925, стр. 5.
[452] Я. Дыла, op. cit., стр. 136.
[453] С. Агурский, op. cit., стр. 82.
[454] Там же, стр. 93.
[455] С. Агурский, op. cit., стр. 296.
[456] К истории революции 1905—07 гг. в Белоруссии, «Красный Архив», том V (102), 1940, стр. 160.
[457] С. Агурский, op. cit., стр. 84; ср. также «Комуніст Беларусі», № 9, 1955, (сообщается, между прочим, точная дата образования комитета — 4 марта 1904 г.).

© PDF: Kamunikat.org 2019
© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

Употребление этого термина, а также это своеобразное «районирование» Белоруссии на «северо-западную» и «юго-восточную» Полесскую области может свидетельствовать о таком же игнорировании Белоруссии, как национальной единицы, и со стороны РСДРП, по крайней мере, на первых порах развертывания ею здесь своей сети.

Во главе Северо-Западного Комитета РСДРП стали: Михаил (Кореневский), Антон (Страшинский) — от Вильно, Ефим (Кузнецов), Негоев и Троцкий (Семен) — от Минска, Минай (Фрумкин) — от Витебска.[458] В составленном первым из них «Извещении об образовании Северо-Западного Комитета», выпущенном из подпольной типографии его и датированном маем 1904 года, большое внимание уделялось «националистическим течениям», базой которых объявлялась «порабощенная, угнетенная Польша, задыхающаяся под русским самодержавным режимом, давящим малейшее проявление ее национальной культуры, национальной самостоятельности»[459] (между прочим, ту же Польшу деятели того же «русского самодержавного режима» считали таким же источником «националистических», т. е. фактически просто национальных движений нерусских народов Российской империи, в частности, белорусского, национальное движение которого здесь всегда рассматривалось в качестве «польской интриги»). Бунд обвинялся в «смешении национал-демократической и социал-демократической логики», причинами «печального факта» выхода его из РСДРП объявлялись «остатки экономических тенденций и наслоения националистических течений, проникших в последние годы в Бунд вместе с примесью организованного патриотизма».[460] Вообще, все «извещение» было составлено в духе и стиле манифеста РСДРП, приступающей к завоеванию «Северо-Западного Края», т. е. Белоруссии.

В № 78 «Искры» от 20 ноября 1904 года появился уже и первый «Отчет о деятельности Северо-Западного Комитета РСДРП».[461] Здесь, после изложения известной уже нам истории возникновения первых самостоятельных групп РСДРП в крае, формулируется вставшая перед ними «серьезная и трудная задача: во-первых, вести социал-демократическую работу, осложняемую национальной рознью, которая питается, главным образом, русификаторской политикой правительства и исключительным положением евреев и, во-вторых, бороться против тех националистических и сепаратистических тенденций, которые всегда отличали ППС и стали отличительным признаком последних лет деятельности Бунда».[462] В самом отчете о проведенной группами и объединившим их комитетом работе особенно интересны данные о количественном составе организации: Виленская группа — 120 организованных рабочих, около 200—250 читающих литературу; Сморгонская — 175 организованных рабочих; Минская — 150 организованных рабочих, более 200 читающих литературу; Бобруйская — 75 организованных рабочих; Витебская — 180 рабочих, около 150 читающих литературу, при ней же

[458] С. Агурский, op. cit., стр. 84. Согласно историку Северо-Западного Комитета, И. Юреневу, Минай являлся фактическим руководителем Виленского и Северо-Западного Комитетов, был тем, что мы назвали бы сейчас «секретарем», ж. «Работа РСДРП в Северо-Западном Крае», «Пролетарскоя Революция», № 8—9 (31—32), 1924, стр. 195.

[459] Там же, стр. 291.

[460] Там же, стр. 292.

[461] Перепечатано полностью у С. Агурского, op. cit., стр. 293—296.

[462] С. Агурский, op. cit., стр. 294.

крестьянская социал-демократическая организация — 75 организованных, более 200 читающих литературу; Невельская — 35 организованных рабочих; Велижская — 25 рабочих; Двинская — 25 рабочих; Солокская (?) — 60 организованных рабочих. Кроме того, указывается наличие «связей» в Ковно, Борисове, Полоцке, Слуцке и др. местах и в заключение дается общий итог с подразделением по национальному признаку: из всех 970 организованных: евреев 575, русских, поляков и латышей — 320, русских крестьян — 75 (белорусы, повидимому, традиционно включены в число «русских» и, отчасти, «поляков»).[463] Как видно из этих данных, за время первого года своей самостоятельной работы в Белоруссии, отраженное в отчете, РСДРП успела охватить здесь всего лишь около 1 000 человек, причем из них более чем половина была, повидимому, оторвана от отколовшегося Бунда.

Размежевание с Бундом, на основе которого прежде всего и происходило возникновение первых самостоятельных организаций РСДРП в Белоруссии, накладывало свой определяющий отпечаток на характер и работу этих организаций, тормозя и затушевывая предопределенное II съездом РСДРП внутрипартийное размежевание на «большевиков» и «меньшевиков». Характерно, что внутренне четко неразмежеванные группы РСДРП в Белоруссии получили в публике общее наименование не социал-демократических, а «искровских», т. е. по имени той газеты, которая своей, с самого начала усвоенной антибундовской позицией в весьма значительной мере и подготовила и подогревала размежевание между Бундом и РСДРП. Редактор изданного в Минске в 1925 году сборника статей, воспоминаний и материалов — «1905 год в Белоруссии» — М. Шульман, обобщая и анализируя редактированные им материалы, останавливает свое внимание на этом факте, что «искровцами» — «назывались здесь и большевики, и не только непосредственно после II съезда, но и позже когда „Искра" сделалась меньшевистской, и „искровцами" можно было называть исключительно меньшевиков. Такое название было здесь весьма распространенным»[464] и пытаясь интерпретировать данный факт, набрасывает общую картину положения этих «искровских» групп Белоруссии с точки зрения их фракционности: «Объясняется это тем, что распада групп на большевистские и меньшевистские организации в Белоруссии не было: большевики и меньшевики находились в одной организации. Организации РСДРП были в нашем крае небольшие. Почти везде в состав группы РСДРП входили и большевики и меньшевики. Большевистскими считались Минская и Бобруйская группы. Но в Минской группе были и меньшевики (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. 5-й, стр. 109), а Бобруйская группа была большевистской всего лишь в первый период своего существования, а с переменой состава своих руководителей она сделалась меньшевистской. В других группах большевики были или единицами, или составляли известную часть организации, которую именно — теперь трудно определить. В некоторых организациях силы большевиков и меньшевиков были почти равными, например, в Двинске, Витебске, где иногда перевешивала одна часть, иногда другая. Вообще говоря, **Белоруссия не имела хорошей почвы для значительного роста большевизма** (подчеркнуто нами. Н. Н.). Можно считать, что большевики находились в соста-

[463] Там же, стр. 295—296.

[464] 1905 год в Белоруссии. Сборник статей, воспоминаний и материалов под ред. М. Шульмана, Минск, 1925, стр. VI.

ве группы РСДРП в нижеперечисленных местах: Минск, Бобруйск, Двинск, Витебск, Орша, Могилев, Борисов, Копысь, Мстиславль и Мозырь. Из всех этих местностей мы находим корреспонденции в большевистских изданиях «Вперед» и «Пролетарий».[465] Набрасывая ту же в основном картину, М. Поташ пытается связать ее лишь с «молодостью» РСДРП в Белоруссии: «В Белоруссии же организации РСДРП в ряде мест были еще довольно молодые. Вот почему там в ряде организаций не всегда четким было размежевание между большевиками и меньшевиками. Это были неопределенные по своему идейному направлению организации. В иных организациях уживались вместе и большевики и меньшевики. В некоторых организациях их физиономия в фракционном отношении менялась. Надо отметить, что даже в краевых центрах имело место примиренчество»[466] и несколько дальше: «В общем же надо сказать, что там преобладали большевистские настроения... Некоторые организации были явно большевистские (как Минская, например)».[467] Примыкая в общем к тому же изображению, С. Агурский, однако, подходит уже вплотную к указанию на один из важнейших факторов, определявших данное положение-фактор общей для обеих фракций партии борьбы с Бундом: «Идейное направление социал-демократических групп или комитетов не везде и не всегда было одинаково: Минская группа вначале была «твердокаменной», т. е. большевистской и такой же оставалась во все время своего существования; Бобруйская группа, — рассказывает Г. Шкловский в своих воспоминаниях о Бобруйской группе РСДРП — «вначале была большевистской, но не всегда оставалась большевистской, так как подобно многим организациям того времени, в разные периоды придерживалась различных направлений. Менялись люди — менялись и направления. Многие организации временами были большевистскими, временами меньшевистскими, или же были смешанными — в них входили большевики и меньшевики. Таков был состав комитета в Витебске, Двинске и др. местах. Но и большевики и меньшевики были в то время едины в борьбе против национального Бунда».[468] Приводимые тем же Агурским свидетельства современников также говорят об исключительной силе антагонизма между группами РСДРП и их «внешними врагами» (т. е., конечно, Бундом прежде всего и главным образом), перед лицом которой отступали на задний план не только тенденции внутреннего фракционного размежевания, но и вообще всякие иные моменты партийной работы: «На местах раскол (между РСДРП и Бундом. Н. Н.) принимал такие дикие формы, что известное время вовсе нельзя было заниматься плодотворной политической работой».[469] «В Минской группе имеются и „большевики" и „меньшевики". Уживаются они друг с другом мирно... Трудно себе представить, какой кавардак получился бы, если бы в группе произошел раскол, у группы достаточно внешних врагов».[470]

Несмотря на такое сдерживание внутреннего фракционного распада группы РСДРП в Белоруссии актуальностью антагонизма всей партии с Бундом, большевики уже с самого же начала пытались искусственно форсировать этот распад и добиться более четкого выделения и обособления

[465] См. выше.
[466] М. Поташ, op. cit., стр. 8.
[467] Там же, стр. 9.
[468] С. Агурский, op. cit., стр. 84.
[469] Там же, стр. 83.
[470] Там же, стр. 304.

своих фракционных единиц. Так, по свидетельству И. Юренева, уже в 1904 году в Вильно появляется некий С. З. Розовский «со специальным заданием от большевистской части Рижского Комитета РСДРП произвести раскол в организациях Северо-Западного Края».[471] Однако, по Агурскому, миссия Розовского имела лишь частичный успех и не удалась «в целом».[472] Очевидно, и в самом деле, по вырвавшемуся у цитированного выше несомненно большевистского исследователя Шульмана признанию, «вообще говоря, Белоруссия не имела хорошей почвы для значительного роста большевизма», а поэтому и для выделения и обособления его собственных организационных единиц уже на первых же порах. Лишь с течением времени и лишь в особо благоприятные моменты этого времени удавалось здесь большевизму в тех или иных местах всплывать на поверхность и более четко выделяться, но об устойчивости и полной очерченности этого выделения в рассматриваемом здесь периоде вообще говорить не приходится.[473]

Наибольшее, да и вообще говоря, исключительное для данного периода обилие моментов, благоприятных для выделения и проявления не только большевизма, а и всех других политических течений в Белоруссии, принес с собой последовавший за только что рассмотренным этапом становления первых самостоятельных организаций РСДРП в нашем крае в 1903—1904 гг. революционный 1905 год. Однако, как известно, разразившаяся в этом году так называемая «первая российская революция» была лишь следствием неудачи для Российской империи вспыхнувшей 26 января 1904 года войны с Японией. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению фактов и событий революционного 1905 года с интересующей нас здесь точки зрения, следует несколько остановиться на этом, непосредственно предшествовавшем им моменте русско-японской войны.

По утверждению исследователя И. Сосиса, «объявленная в начале 1904 года война с Японией на время приостановила революционное движение в России и в Белоруссии в особенности».[474] Утверждение это, однако, следует понимать лишь в смысле «временного приостановления» сдерживаемых законами войны открытых революционных выступлений и распространять его на организационную работу революционных сил никак не приходится, так как в этой области никакого, даже временного, «приостановления» движения не только не наблюдалось, но скорее, наоборот, заметна была даже значительная интенсификация — во всяком случае, о ней определенно

[471] И. Юренев, op. cit., стр. 167.
[472] С. Агурский, op. cit., стр. 91.
[473] Современные большевистские авторы пытаются смягчать и «выравнивать» эту картину в пользу большевизма. Так, в редакционной заметке в № 9 журнала «Комуніст Беларусі» за сентябрь 1955 г., на которую уже нам приходилось ссылаться, читаем: «Комитеты и группы РСДРП, которые возникли на территории Белоруссии, по своему составу не были однородными. Они объединяли большевиков, меньшевиков и примиренцев. Большевистскую линию проводили Северо-Западный и Полесский комитеты, хотя до III съезда партии они по отдельным вопросам и не всегда занимали последовательную позицию. Большевистской с момента своего возникновения и в продолжение всего периода первой русской революции являлась Минская группа РСДРП. На большевистских позициях стояли также Бобруйская и Минская железнодорожная группы РСДРП. Во всех остальных социал-демократических организациях силы большевиков и меньшевиков были приблизительно равными. Поэтому в разное время они принимали разное направление», «Комуніст Беларусі», № 9, 1955, стр. 75.
[474] I. Сосіс, op. cit., стр. 144.

можно говорить по отношению к социал-демократическому сектору движения на основании только что рассмотренных фактов развертывания организационной сети РСДРП, приходящихся в массе своей именно на военный 1904 год. Но подобное явление наблюдается и по отношению к другим секторам: так, в том же 1904 году происходит оформление Северо-Западной организации Партии Социалистов-Революционеров, подобно известному уже нам Северо-Западному Комитету РСДРП, охватившей большую часть территории Белоруссии, подчинив себе Белостокскую, Виленскую, Витебскую, Гомельскую, Двинскую группы и Смоленский, Брянский, Минский комитеты партии;[475] оформляются организации анархистов (Белосток, Минск), с течением времени обнаружившие резкий антагонизм именно по отношению к социал-демократам;[476] наконец, имеются данные о появлении именно в это время — в 1904 г. — еще одной чисто белорусской социалистической организации — «Социалистической Партии Белой Руси», начавшей как будто бы развертывать совершенно параллельную деятельности Белорусской Социалистической Громады работу в Гродненской губернии.[477] Правда, данные об этой последней организации весьма скудны и даже вызывали у некоторых исследователей сомнение в самом факте ее существования. Судя по названию, это должна была бы быть организация, стоявшая скорее на территориальном принципе (подобно СДЦПиЛ), чем на национальном (в отличие от БСГ), но за весьма краткий период своего существования, охвативший лишь годы революционного подъема — 1904—1906 — она своей программы выработать не успела.[478] Известно о переговорах этой партии по вопросу о слиянии ее с БСГ, проводившихся уже с самого начала ее деятельности,[479] а также о весьма тесном контакте этих двух партий и в их пропагандистской работе; последнее обстоятельство и наводило некоторых исследователей (Ангаретис, Агурский) на мысль, что вся «Социалистическая Партия Белой Руси» была на самом деле лишь фикцией, созданной той же Белорусской Социалистической Громадой с целью показать другим народам, что и у белорусов уже есть не только одна, а несколько социалистических партий.[480] Если принять даже такое объяснение, то и оно все же говорит хотя бы о стремлении к известной интенсификации организационной деятельности незадолго перед тем возникшего самостоятельного белорусского социалистического движения.

С русско-японской войной 1904 года связан еще один интересный факт интенсификации организационной деятельности недавно возникшего самостоятельного белорусского социалистического движения — факт первого установления организационных связей его организованной в Белорусской Социалистической Громаде части с другими оппозиционными и революционными партиями Российской империи. Дело в том, что в сентябре 1904 года, по инициативе финских так наз. «активистов», в Париже состоялась конференция, в которой, наряду с такими организациями, как упомянутая финская «Партия активной обороны», ППС, армянская партия «Дашнакцутюн, организации социалистов-революционеров — «эс-эров» России (ПСР), грузин и латышей, приняла участие и молодая Белорусская Социалистическая

475 А. Зіміонка, op. cit., стр. 161.
476 С. Агурский, op. cit., стр. 111—112.
477 А. Бурбіс, op. cit., стр. 179.
478 См. выше.
479 См. выше.
480 С. Агурский, op. cit., стр. 104—105.

Громада.[481] Однако, такие социал-демократические организации, как РСДРП, СДЦПиЛ, Бунд, Латышская СДРП и РУП (Революционная Украинская Партия) отказались принять участие в конференции и основанном на ней так наз. «Парижском блоке» партий. По утверждению Я. Дыла, организации эти «отметили в своей декларации отказа глухо, что среди участников конференции имеются партии, авантюрно спекулирующие на победу японского империализма».[482] При всей «глухоте» данного упоминания можно, однако, предположить, что здесь имелось ввиду различное понимание так наз. «пораженчества» — в то время, как среди организаций «Парижского блока» имелись, очевидно, такие, которые определенно делали ставку («спекулировали») на поражение в войне не только правительства, но и вообще самого государства России, отказавшиеся примкнуть к блоку организации рассчитывали лишь на поражение российского правительства, оставаясь попрежнему на позициях сохранения российской государственности. Характерно, что при этом размежевании Белорусская Социалистическая Громада оказалась в одном лагере с такими национальными организациями, как ППС и армянские «дашнаки», тогда как другие национальные организации, как еврейский Бунд и украинская РУП оставались еще в лагере сторонников сохранения российского государства.

Параллельно с интенсификацией организационной деятельности революционных формаций происходил рост революционных настроений в широких массах населения, вызываемый приносимыми неудачной войной революционизирующими моментами. «Русско-японская война вызвала промышленный кризис в Польше и большую безработицу в польских и белорусских городах», — констатирует С. Агурский.[483] Возникающие на этой почве революционные настроения среди городского населения Белоруссии вскоре начинают выливаться снова в открытые революционные выступления, не только преодолевая упомянутые выше сдерживающие для данных моментов законы войны, но даже находя именно в них добавочный стимул. Так, в ответ на кровавую расправу полиции над лесной сходкой еврейских рабочих в Белостоке 21 сентября 1904 г., вспыхивают манифестации в Витебске, Могилеве и Бобруйске, а также всеобщая забастовка в Минске[484] — явления, совершенно было прекратившиеся в связи с войной. Но особенный рост революционных настроений вызвала война в белорусской деревне. Один из белорусских исследователей, Ил. Барашка, в своей работе «Крестьяне Могилевщины накануне революции 1905 года»[485] приводит ряд весьма интересных подлинных высказываний белорусских крестьян, зафиксированных в свое время так наз. «земскими начальниками» различных участков Могилевской губернии по специальному заданию их высшего начальства. Белорусский крестьянин, по-своему объясняя причины возникновения данной войны («царь желал отнять Маньчжурскую землю для переселения, а японец не дает ее, так как у него своего народа очень много и негде жить»)[486], не только не проявлял по отношению

481 С. Агурский, op. cit., стр. 109; Я. Дыла, op. cit., стр. 136; А. Бурбіс, op. cit., стр. 181.
482 Я. Дыла, см. выше.
483 С. Агурский, op. cit., стр. 101.
484 Я. Дыла, op. cit., стр. 137.
485 Іл. Барашка. Сяляне Магілеўшчыны напярэдадні рэвалюцыі 1905 г., «Полымя», № 1, 1925, стр. 168—174.
486 Там же, стр. 171.

к ней какого-либо «патриотического» энтузиазма, на который рассчитывало и старалось делать ставку правительство, но, наоборот, высказывался о ней с чувством крайнего неодобрения и тревоги за судьбу своего, и так не весьма процветавшего, хозяйства: «Зачем нам воевать за Маньчжурию, когда это китайская земля — новая мобилизация в случае продолжения войны заберет от нас последних работников»;[487] «лучше мир — если придется платить японцу, так отдадим последнюю рубаху, а на войну идти не хотим»,[488] «что воевать? За что нам воевать, если на одном песчаном надельчике сидит у отца 5 сыновей и некуда им деваться».[489] На почве такого отношения возбуждались и чисто революционные чувства по отношению к существовавшему социальному порядку, начиная от непосредственно давивших на крестьянина помещиков и кончая самим главой его — царем: земля должна быть отнята у помещиков и отдана крестьянам, царь должен или превратиться в простого исполнителя крестьянской воли («выйдет такой закон: что мужики решат на собрании, то и пошлют царю, а он утвердит») или исчезнуть вовсе («когда царя не будет, то все будут равны и земли будет по равной части»).[490] Такие настроения, в которых нельзя видеть результата посторонней агитации — настолько характерно отражена в них самостоятельная и своеобразная работа собственной, так сказать, мозольной крестьянской мысли, представляли собою уже благодарную почву для включения в назревавший революционный подъем и стоявшего до тех пор в стороне от этого белорусского крестьянства.

V

«ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И БЕЛОРУССИЯ

Революционное движение 1905 года, получившее название «первой российской революции», открылось, как известно, кровавыми событиями, имевшими место 9 января этого года в Петербурге. Города и местечки Белоруссии сразу же откликнулись на эти события: «Уже 11 января, как только получились первые сведения о петербургских событиях, во всех городах и местечках Белоруссии начинаются выступления и забастовки, носившие характер революционного восстания», — констатирует С. Агурский.[491] Наиболее крупные выступления подлиного типа «революционного восстания» имели место в м. Сморгони, Виленской губ. (13 января) и в м. Крынках, Гродненской губ. (18 января), где образовались было даже продолжавшиеся по нескольку дней «самостоятельные республики» восставших.[492] В других местах (и притом, можно сказать, повсеместно) выступления принимали характер забастовок протеста, т. е. политических забастовок средней продолжительностью в 2—4 дня (в г. Гомеле — даже до недели, в Витебске — 6 дней) и со средним охватом в 1500—2000 человек по городам и 300—500 человек по местечкам.[493] «Повсюду стачки стали повседневным явлением»,

[487] Там же, стр. 172.
[488] Там же, стр. 171.
[489] Там же, стр. 172.
[490] Там же, стр. 173.
[491] С. Агурский, op. cit., стр. 123.
[492] Там же, стр. 124—125; Я. Дыла, op. cit., стр. 137, 139.
[493] Подробные цифровые данные можно найти у тех же С. Агурского (стр. 126) и Я. Дыла (стр. 137).

— отмечает С. Агурский, указывая при этом и на постепенное окрашивание исключительно политического вначале движения чисто экономическими моментами: «Требование восьмичасового рабочего дня стало всеобщим явлением».[494] Стачки последнего характера имели место и после январской забастовочной волны, как, например, в Минске в апреле-мае, в июне (под руководством Минской группы РСДРП»)[495], в Двинске (в феврале), Бобруйске и др. местах.[496]

Застрельщиком, организатором и руководителем стачек начала 1905 г. в Белоруссии был преимущественно Бунд. «Вообще до октября (1905 г. Н. Н.) Бунд подавлял социал-демократическую организацию своим авторитетом в рабочих массах», — признается историк Северо-Западного Комитета РСДРП И. Юренев. — «Бунд считал деятельность РСДРП дезорганизаторской и вел против нее ожесточенную борьбу».[497] Борьба здесь, однако, как и раньше, была взаимной и, так сказать, «взаимно-дезорганизаторской», и это сказывалось также и на характере и объеме забастовок. По наблюдениям Я. Дыла, «там, где бундовские организации, находясь в качестве единственных пролетарских организаций, имели постоянную связь и влияние на нееврейские элементы трудящихся (т. е. там, где не было, или была слабой «дезорганизаторская деятельность» организаций РСДРП. Н. Н.), последние охотно присоединялись к забастовкам еврейских рабочих; там же, где бундовцы держались обособленно и не вели постоянной пропаганды среди нееврейских трудящихся (следовало бы добавить: вовлекавшихся в круг влияний РСДРП. Н. Н.), последние, как, напр., в Дубровне, Пинске и Бобруйске, отказывались присоединяться к бундовской забастовке».[498] Бунд старался исправить положение улучшением пропагандистской работы среди нееврейских масс, поставив этот вопрос специально на своей VI конференции в феврале 1905 года и разрешил его, по мнению Я. Дыла, «чисто по-бундовски, допустив организацию „под контролем комитетов" групп еврейских рабочих, которые занялись бы распространением литературы среди нееврейского пролетариата».[499] С другой стороны, «подавляемые авторитетом Бунда» организации РСДРП, осознавая такое свое положение, обрекавшее их самостоятельную забастовочную работу на неуспех, пытались то ли «примириться» с Бундом и объединиться с ним в практической работе, хотя бы лишь на данном участке, как это имело место в Могилеве, то ли воздействовать на него специальными обращениями «против национально разделеных забастовок», как это делала Витебская группа РСДРП весною 1905 года.[500] Однако, лишь «подъем рволюционного движения и участие в борьбе рабочих христиан и евреев, — по Юреневу, — сблизив их между собою, оказал благотворное влияние и на отношения между верхушками обеих организаций»[501], но это относится уже к дальнейшим моментам данного подъема и, вообще, даже тогда ограничивается лишь установлением спорадических местных и временных контактов, не приводя к чему-либо большему на подобие «единого фронта» борьбы.

[494] С. Агурский, op. cit., стр. 128.
[495] Там же, стр. 127—128.
[496] Я. Дыла, op. cit., стр. 138.
[497] И. Юренев, op. cit., стр. 176.
[498] Я. Дыла, op. cit., стр. 137—138.
[499] Я. Дыла, op. cit., стр. 138.
[500] С. Агурский, op. cit., стр. 129—130.
[501] И. Юренев, op. cit., стр. 176.

В обстановке начала революционного подъема, в апреле 1905 года, в Лондоне состоялся III съезд РСДРП, созванный большевиками и бойкотированный меньшевиками, собравшими одновременно свою сепаратную конференцию в Женеве. Движение за созыв очередного партийного съезда большевики начали еще с февраля 1904 года и особенно форсировали этот вопрос на своей «конференции большинства» в августе 1904 года, создавшей специальное «Бюро комитетов большинства» с основным заданием подготовки созыва съезда.[502] Разгоревшаяся вокруг этого вопроса фракционная борьба перебросилась и в Белоруссию. По Агурскому, «Северо-Западный Комитет в начале своего существования стоял на точке зрения „большинства", но к моменту созыва III съезда партии стал проявлять уклон в сторону „примиренчества"»[503]; зато его Минская группа «стала на сторону большинства, и 26 января Комитет принял следующую резолюцию: «Разделяя организационные принципы партийного большинства, мы приветствуем появление органа «Вперед», на страницах которого «большинство» получит, наконец, возможность защищать и развивать эти принципы»[504]; в последовавшем затем голосовании по вопросу о съезде, большинство комитета (4 против 2) высказалось за созыв его.[505] Однако и в дальнейшем Северо-Западный комитет занимал «колеблющуюся позицию» в вопросе о съезде, ведя борьбу с оппозицией Минской группы, которая в силу этого 22 марта постановила послать на съезд и своего собственного делегата.[506] Подобная борьба происходила одновременно и в другой районной организации РСДРП в Белоруссии — в ее Полесском Комитете, где, по Агурскому, в конце 1904 и начале 1905 года обнаружился «значительный сдвиг в большевистском направлении» и на состоявшемся 5 марта 1905 года в г. Новозыбкове заседании комитета была принята резолюция «за созыв съезда».[507] В результате всей подобной борьбы, происходившей повсеместно, как резюмирует Я. Дыла, «в марте 1905 г. было уже видно, что из 28 российских комитетов 21 стоит на платформе «большинства»; среди этого 21 комитета считались Северо-Западный и Полесский Комитеты и Минская группа РСДРП».[508]

На III съезде РСДРП Белоруссия и была представлена двумя делегатами с решающим голосом (Михайлов — от Северо-Западного и Константинов от Полесского Комитета) и одним делегатом с совещательным голосом (Дедушкин от Минской группы).[509] Делегаты Белоруссии выступали на съезде, главным образом, со своими местными злободневными вопросами, касавшимися особенно столь актуальной для них борьбы с Бундом — осуждалось «примиренчество» по отношению к последнему (особенно упоминавшийся уже выше случай в практике города Могилева),[510] квалифицировалось в качестве «ошибки» игнорирование работы на местных языках (собственно говоря, на еврейском), дававшее преимущество Бунду, представитель Минской оппозиции Дедушкин (Шкловский) весьма резко критиковал руководство Северо-Западного Комитета, как и «примиренческое» и вообще неспособное.[511] Так, впервые на съездзе РСДРП не только появилось, но и проявили свою активность (при этом — в постановке местных, хотя, правда, чисто партийных вопросов) представители от Белоруссии, отсуствовавшие на предыдущих съездах партии.

[502] С. Агурский, op. cit., стр. 87.
[503] Там же, стр. 86.
[504] Там же, стр. 87.
[505] Там же, стр. 88.
[506] См. выше (ср. также — Н. Мяшкоў, М. Шкляр. Большэвікі Беларусі ў пэрыяд першай рускай рэволюцыі, «Комуніст Беларусі», № 7, 1955, стр. 54—55).
[507] С. Агурский, op. cit., стр. 93—94; (ср. Н. Мяшкоў, М. Шкляр, op. cit., стр. 54).
[508] Я. Дыла, op. cit., стр. 140.
[509] Третий съезд РСДРП. Изд. «Московский Рабочий», Москва, 1923, стр. 8; Михайлов — псевдоним Постоловского, Константинов — Владимирова, Дедушкин — Шкловского (см. «Пролетарская революция», № 8 (43), 1925, стр. 75).
[510] С. Агурский, op. cit., стр. 95, 130.

Большевиками созванный и руководимый, большевистский по своему составу и решениям, III съезд РСДРП фактически явился первым съездом большевистской **партии,** хотя и считавшейся все еще фракцией и в дальнейшем еще долгое время не только не разрывавшей, но временами даже, хотя бы лишь внешне и неискренно, налаживавшей отношения сотрудничества с оппозиционной фракцией меньшевиков в рамках одной и той же РСДРП. Конечно, несколько преувеличивает А. И. Спиридович, считая, что «отныне большевизм уже не являлся только фракционным течением; закрепленный резолюциями партийного съезда, он стал официальным, руководящим течением партии»,[512] так как партийное лицо РСДРП попрежнему определялось наличием и деятельностью также и фракции «меньшевистской», вовсе не ставшей подчиненной или «руководимой» большевистским течением, а, как и от самого зарождения фракционности еще на II съезде, выступавшей прежде всего в качестве оппозиции большевизму. Но для самого большевизма, как для партийного течения, III съезд РСДРП несомненно имеет значение учредительного съезда, во всяком случае, в принципиальной плоскости — именно здесь были впервые и навсегда закреплены основные принципы большевистской тактики, сформулированы столь характерные для большевизма идеи «гегемонии пролетариата в революции» и «союза с крестьянством», а также восстановлена отвергнутая было II съездом ленинская формулировка тоталитарной партийности (параграф I устава партии).

Ряд тактических решений, принятых III съездом, как, например, об отношении к крестьянскому движению, к национальным социал-демократическим организациям, к практическим соглашениям с эсерами и др., получил большое практическое значение для большевиков Белоруссии. Особенно интересно в этом отношении решение о профессиональных союзах, роль которых становилась снова актуальной в связи с оживлением стачечного движения и которые съезд считал необходимым «превратить в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России».[513] Между тем, национальные социал-демократические организации, действовавшие в Белоруссии — Бунд, СДЦПиЛ, Литовская СДП — сразу же начали подобное «превращение» профессиональных союзов в «опорные пункты» своих партий, проводя практику «партийности профсоюзов». С целью противодействия этой практике съездом был сформулирован противоположный принцип «непартийности профсоюзов», под лозунгом которой и началась борьба, превратившая и область профсоюзного движения «в новую арену раздоров», как говорит Агурский.[514] «Наши разногласия с Бундом по

[511] Там же, стр. 96.
[512] А. И. Спиридович. История большевизма в России, Париж, 1922, стр. 96.
[513] С. Агурский, op. cit., стр. 131.
[514] Там же, стр. 132.

вопросу об организации профсоюзов, — констатировал минский большевистский деятель того времени Беленький, — в общем были подобны разногласиям по вопросу об организации партии. Те же возражения о значении языка, о психологии еврейского рабочего, его положении в экономической жизни страны и т. д.»[515] Но особенно характерно признание того же Беленького, что «несмотря на ярлык беспартийности, профсоюзы фактически находились под идейным влиянием нашей партии»[516], т. е. что под лозунгом, «ярлыком» «непартийности», хорошо усвоившие всю намеченную III съездом большевистскую тактическую линию, большевики Белоруссии практически и фактически проводили подчинение якобы «непартийных» профсоюзов своей собственной партии.

Несмотря на то, что районные организации РСДРП в Белоруссии послали своих делегатов на III съезд, сразу же после этого съезда здесь возродились прежние разногласия по вопросу о самой правомощности его. Так, Виленская группа РСДРП 5 июня 1905 года вынесла резолюцию о «формальной незаконности» съезда и постановила поддерживать лишь фактические отношения с избранными на съезде ЦК.[517] Еще до того, в мае того же года, продолжавшийся два дня бурный съезд полесских организаций РСДРП в Гомеле принял компромиссную резолюцию, признававшую III съезд «не общепартийным», но в то же время декларировавшую подчинение избранному на съезде ЦК.[518] С другой стороны, Северо-Западной Комитет РСДРП на съезде своих групп в Минске единогласно постановил считать III съезд законным.[519] Этот последний съезд, кроме того, принял новый устав, выработанный в согласии с принятыми III съездом принципами; по этому уставу Северо-Западный Комитет переименовывался в Северо-Западный Союз.[520] Вслед за этим в том же Минске состоялась первая областная конференция Северо-Западного Края, созванная новым Северо-Западным Союзом, с участием уже и представителей Полесского Комитета и Гомельской группы[521]; таким образом, новый Северо-Западный Союз подчинил уже себе все организации РСДРП, находившиеся на территории Белоруссии, превратившись в ее объединенную районную организацию. Кроме вопроса об отношении к национальным социал-демократическим организациям, рассматривавшегося уже и на съезде групп Северо-Западного Комитета и разрешенного и там и здесь в согласии с соответствующей резолюцией III съезда[522], на конференции был поставлен вопрос о пропагандной литературе на местных языках Белоруссии, в резолюции по которому был намечен созыв особой конференции, создание специальных комиссий и, наконец, даже издание обласной газеты на местных языках[523]: таким образом, объединенная районная организация РСДРП в Белоруссии как

[515] Е. Беленький. К истории минской организации РСДРП, «Пролетарская Революция», № 12 (47), 1925; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 134.
[516] См. выше.
[517] С. Агурский, op. cit., стр. 91.
[518] Там же, стр. 94—95.
[519] Там же, стр. 89.
[520] Е. Беленький, op. cit., стр. 143 (ср. также Н. Мяшкоў, М. Шкляр, op. cit., стр. 57; место съезда здесь Ратамка под Минском).
[521] См. выше. Е. Беленький относит конференцию к октябрю, С. Агурский — к сентябрю 1905 года.
[522] С. Агурский, op. cit., стр. 146 (резолюция III съезда — в полном тексте протоколов съезда, Женева, 1905, стр. XXII).
[523] Там же, стр. 97.

будто бы собиралась твердо вступить на путь по крайней мере языковой национализации своей работы. Однако на практике все дело свелось лишь к изданию прокламаций на еврейском языке в порядке простой конкуренции с Бундом. Летом 1905 года была также издана программа РСДРП на еврейском языке[524] и на этом же языке — отчет о III съезде РСДРП с предисловием, авторство которого С. Агурский приписывает самому Ленину.[525] Здесь, после заявления, что «в России рабочие всех национальностей подвергаются такому экономическому и политическому гнету, который является неслыханным во всем мире, но особенно те рабочие, которые не принадлежат к русской национальности»[526], главное внимание было обращено на разъяснение того, что РСДРП уже даже по своему названию — партия не «русская», а «российская», что толковалось в смысле ненационального характера партии в противоположность национальному Бунду, «разбивающему» интернациональную солидарность рабочих.[527]

Первая областная конференция Северо-Западного Союза РСДРП, обсудившая практические выводы из работы III съезда для Белоруссии, состоялась накануне начала самой кульминации революционного подъема 1905 г., пришедшейся на октябрь-декабрь месяцы этого года. «В эти героические месяцы, — по словам Я. Дыла, — Белоруссия в общем бастует, демонстрирует, терроризирует местную администрацию».[528] Снова в отдельных местах возникают «самостоятельные революционные республики», из которых особенно прославилась Мозырская, просуществовавшая целых десять дней, начиная с 13 октября, когда в Мозыре началась всеобщая забастовка.[529] Однако, как отмечает Агурский, «Белоруссия, как и весь Западный Край, которая так энергично отозвалась на события 9 января и подобные выступления, совершенно равнодушно отнеслась к лозунгу о создании советов, брошенному в октябрьские дни 1905 года».[530] Объясняет Агурский этот факт отрицательной позицией по отношению к советам, занятой Бундом и СДЦПиЛ и вытекавшей из принятого этими партиями принципа партийности профсоюзов.[531] «В деле построения в Белостоке и в Вильно советов рабочих депутатов, — констатирует и Я. Дыла, — бундовцы солидаризировались с польскими социал-демократами и считали советы там ненужными»[532]; в Белостоке, однако, совет все же возник по инициативе эсеров и анархистов, и это был единственный совет рабочих депутатов в Белоруссии.[533] «Но не только Бунд и ПСД, — признается Агурский, — были против советов, в некоторых городах Белоруссии против советов высказываются и большевики».[534] Вообще, по свидетельству А. Луначарского, для всех большевиков советы оказались «неожиданным порождением революции» и только Ленин «сразу распознал в этом неожиданном продукте рево-

[524] Там же, стр. 100.
[525] Там же, стр. 97.
[526] Там же, стр. 98.
[527] См. выше.
[528] Я. Дыла, op. cit., стр. 138.
[529] С. Агурский, op. cit., стр. 142. Судебный процесс этой «республики» состоялся в марте 1908 года.
[530] Там же, стр. 151.
[531] См. выше.
[532] Я. Дыла, op. cit., стр. 138.
[533] С. Агурский, op. cit., стр. 151 (ср. И. Юренев, op. cit., стр. 174).
[534] См. выше.

люционного творчества масс возможность осуществления нового государственного строя».[535]

Октябрьский революционный подъем вызвал к жизни организацию контрреволюционных сил. Первое место здесь занял возникший в октябре 1905 г. крайне шовинистический, «черносотенный» антисемитский «Союз русского народа».[536] Поддерживаемый правительством, Союз быстро развернул свою сеть и в Белоруссии. Одним из наиболее крепких опорных пунктов Союза в Белоруссии стала ее древнейшая столица город Полоцк. По свидетельству современников, «черносотенцы в гор. Полоцке тогда свили себе крепкое гнездо. Кадетский корпус [537], известный Спасско-Евфросиньевский монастырь с надписью: „Евреям и собакам вход воспрещен", другие два монастыря, духовное училище, — все эти учреждения являлись для них опорными пунктами, где у них были крепкие ячейки».[538] Уже 23 октября черносотенцы организовали в Полоцке свою контрреволюционную демонстрацию при участии чиновничества, староверов и городского хулиганства.[539] В ответ на революционные выступления «черная сотня» и ее «Союз русского народа» занялись организацией еврейских погромов, поддерживаемые и в этом привительством; в Белоруссии погромы состоялись в Полоцке, Орше и в некоторых местечках, где успел пустить свои корни «Союз русского народа».[540]

Октябрь 1905 г., как отмечает Я. Дыла, «расшевелил и белорусское крестьянство. Города бросили в деревню свои агитационные силы. Местные эсеры зовут крестьян к разгрому помещичьих гнезд, чтобы огнем «выкурить» землевладельцев из имений. Но социал-демократические агитаторы учат крестьянство организованно захватывать и пользоваться добром, как результатом крестьянского совместного труда, и белорусское крестьянство больше пользовалось такими способами революционного выкуривания землевладельцев».[541] Агитация революционеров находила себе хорошую почву в белорусской деревне, уже и до того неоднократно бунтовавшей — по данным исследователей крестьянского движения в России, С. Дубровского и Б. Граве, приводимым Агурским, уже в течение 1900—1904 гг. в Белоруссии зарегистрировано 31 революционное крестьянское выступление (по годам: 1 — в 1900 г., 8 — в 1901 г., 15 — в 1902 г., 2 — в 1903 г. и 5 — в 1904 году).[542] Революционизация настроений крестьянства в связи с русско-японской войной 1904 года, на которой нам уже приходилось останавливаться, также создавала благоприятные предпосылки для восприятия революционной агитации, и неудивительно, что аграрные волнения, начавшиеся в некоторых местностях Белоруссии (напр., в Витебской губ.) еще в феврале 1905 года[543], после хлынувшей в октябре этого года из городов агитации, разлились широкой волной. «Могилевская и Гродненская губернии, — по свидетельству Я. Дыла, — особенно бурлили, и потому туда были посланы военные части, которые собирались посылать на усмирение латышского безземельного крестьянства и батрачества».[544]

Не следует, однако, преувеличивать роли революционной агитации в аграрных волнениях 1905 года в Белоруссии, как к этому, очевидно, склонен Я. Дыла: и без агитации и до октября белорусская деревня имела достаточно глубокие основания для выражения революционного недовольства. Даже наблюдатель из правительственного лагеря, бывший в то время минским генерал-губернатором Курлов, хорошо подметил все, по его мнению, «своеобразие крестьянских беспорядков» в Белоруссии в мае 1905 года: «Собственно крестьянские беспорядки, имеющие место во всех уездах Минской губ., далеко не носят того опасного аграрного характера, которым отличаются беспорядки в средне-русских и поволжских губерниях, и коренной их причиной является несомненно то тяжелое экономическое положение крестьянского населения, почти закрепощенного местными помещиками, на которое своевременно не было обращено внимания»[545] и в другом месте: «Крестьяне ... в большинстве случаев оказывают пассивное неповиновение... При несогласии же владельцев на какое-либо улучшение крестьянского быта ... хотя бы незначительные уступки ... волнения эти носят упорный характер, присущий белоруссам».[546] Послеоктябрьская агитация лишь способствовала укреплению этого «упорного характера» движения, действительно «присущего белорусам» и без всяких посторонних влияний, и не столько «расшевелила», употребляя выражение Я. Дыла, сколько лишь «подшевелила», если можно так сказать, белорусское крестьянство в направлении к переходу от «пассивного неповиновения» к активным выступлениям более «опасного», по терминологии Курлова, характера.

Что же касается, в частности, социал-демократической агитации, то и ее роль не была столь велика, кроме всего прочего, в силу хотя бы одного весьма ограниченного характера постановки этой работы. Организации РСДРП в Белоруссии не обращали особенно большого внимания на работу среди крестьянства. Правда, еще и до 1905 года при некоторых организациях РСДРП образовывались крестьянские группы, однако, лишь единичные и немногочисленные по составу членов. Так, по приведенным нами выше данным отчета Северо-Западного Комитета РСДРП за 1904 год, в его районе существовала всего лишь одна крестьянская группа (при Витебском комитете, 75 человек). В 1905 году работу среди крестьян пробуют проводить и некоторые другие группы Северо-Западного Комитета, как, например, Копыльская группа Минской организации[547], Смоленский комитет[548] и др. В Полесском комитете Мозырская, Речицкая, Могилевская и Оршанская группы занимались работой в деревне еще с 1904 года; Оршанская группа осенью 1905 г. провела даже специальную крестьянскую конференцию своего района.[549] Однако по признанию минского большевика Беленького, «при довольно широком размахе работы (? Н. Н.), была слишком сла-

---

[535] А. Луначарский. Большевики в 1905 г., «Пролетарская Революция», № 11 (46), 1925, стр. 50—51.
[536] С. Агурский, op. cit., стр. 154.
[537] Между прочим, «славная» память этого учреждения и сейчас в эмиграции свято хранится его «землячеством».
[538] 1905 год в Полоцке. Воспоминания Витенберга, Пинт, Гуркина и др. в сборнике «1905 год в Белоруссии», Минск, 1925, стр. 84.
[539] См. выше.
[540] Там же, стр. 85.
[541] Я. Дыла, op. cit., стр. 138.
[542] С. Агурский, op. cit., стр. 119—120.
[543] Там же, стр. 134.

[544] Я. Дыла, op. cit., стр. 139.
[545] С. Агурский, op. cit., стр. 135.
[546] Там же, стр. 136.
[547] Е. Мороховец. Крестьянское движение 1905—1907 гг. и социал-демократия, «Пролетарская революция», № 6 (41), 1925, стр. 82.
[548] Там же, стр. 86.
[549] С. Агурский, op. cit., стр. 138.

ба связь отдельных групп между собою, а также между группами и комитетами; по этой причине Минской организации пришлось отказаться от проведения кампании в связи с рекрутским набором».[550] Крестьянскую работу Смоленской группы современники характеризуют как «весьма мизерную»; вообще, здесь «крестьяне не особенно усваивали речи ораторов и на одном митинге могли признать социализацию земли, а на другой день обещать бороться под знаменем единой социал-демократической партии».[551] Вряд ли могла быть усвоена как следует белорусским крестьянином и пространная прокламация, специально для крестьян выпущенная в декабре 1905 года Северо-Западным Комитетом РСДРП — «Что нужно теперь крестьянину», «простым крестьянским языком», которой так восхищается Агурский[552], очевидно, без надлежащего представления о той «простоте языка», которая требовалась для белорусского крестьянина, кроме всего прочего, с трудом воспринимавшего чуждый ему русский литературный язык. Во всяком случае, такое процитированное Агурским место прокламации, как: «Собрание этих депутатов называется Учредительным Собранием потому именно, что оно учреждает новые порядки» — давая яркое представление о всей «простоте языка» прокламации, заставляет сомневаться в правильности следующего за цитатой обобщения автора: «эти простые слова имели огромное влияние на крестьян»[553] (вряд ли средний белорусский крестьянин мог переварить здесь хотя бы одно это «учредительное», «учреждает» . . .).

Другие социал-демократические партии, действовавшие в Белоруссии, уделяли несколько большее внимание работе с крестьянством, как, например, Литовская СД Партия, фактически проведшая имевший громадное значение для Литвы всеЛитовский крестьянский съезд 4—5 декабря (21—22 ноября) в Вильно.[554] Даже Бунд, казалось бы, столь далекий от белорусской деревни, и тот пытался работать в ней почти по всей Белоруссии — и в Оршанском и Рогачевском уездах Могилевской губернии, и в Игуменском уезде Минской губ., и в Люцинском, Невельском и Краславском уездах Витебской губ., и в Пружанском уезде Гродненской губернии.[555] Но систематическую работу с белорусским крестьянством вела лишь Белорусская Социалистическая Громада, поставившая этот участок во главу угла всей своей деятельности в 1905 году, вооруженная столь необходимыми для этого знаниями и живого языка и всей психологии белорусской деревни вообще, можно сказать, больше всего и выросшая на данной работе.[556] «Характерной особенностью Белорусской Социалистической Громады, — по оценке А. Бурбиса, — было то, что она первая обратила внимание на организованную работу в деревне и на разработку аграрной программы, соответствующей местным условиям сельскохозяйственной жизни».[557] Разработка этой аграрной программы, впрочем, была лишь начата в 1905 году и завершена

[550] Там же, стр. 137.
[551] Е. Мороховец, op. cit., стр. 87.
[552] С. Агурский, op. cit., стр. 135.
[553] Там же, стр. 136.
[554] Е. Мороховец, op. cit., стр. 91.
[555] Там же, стр. 93—94.
[556] О работе Громады в белорусской деревне имеется специальное исследование ликвидированного большевиками белорусского историка М. Мялешка — «Барацьба Беларускай Соцыялістычнай Грамады за зямлю ў 1905 г.», «Полымя», № 1, 1926, стр. 152.
[557] А. Бурбіс, op. cit., стр. 179.

уже в следующем 1906 году, причем на этой линии БСГ встретилась с РСДРП, согласовав свою программу, «соответствующую местным условиям сельскохозяйственной жизни», с общей социал-демократической аграрной программой, принятой IV съездом РСДРП, о чем еще будет говориться дальше в своем месте. С другой стороны, БСГ встречается в это время и с партией социалистов-революционеров по линии агитационной работы в белорусской деревне на языке этой деревни, а также по общей линии революционной работы, начатой основанным еще в 1904 году «Парижским блоком» партий. «В целях приспособления литературы к Белоруссии, — свидетельствует А. Зимионка, — местные организации (эсеровские. Н. Н.) имели агитаторов, владеющих белорусским языком, и пользовались изданиями Белорусской Социалистической Громады, делегат которой уже в апреле 1905 года принимал участие в Женевском междупартийном совещании»[558]; последнее же совещание продолжало работу парижского совещания 1904 года при участии тех же партий, в том числе и ПСР и БСГ.[559] В марте 1905 года Громада проводит Первый Крестьянский Съезд Белоруссии, организует «Белорусский Крестьянский Союз», все более превращаясь, по Бурбису, «из интеллигентской партии в крестьянскую и рабочую», причем работу среди рабочих в городе она ведет «имея только целью создать крепкую подлинно-пролетарскую группу — «громаду» работников в деревне».[560] В связи с расширением работы Громады, уже летом 1905 года создаются два краевых комитета ее — Первый в Минске и Второй в Вильно.[561]

VI

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕАКЦИИ

Конец 1905 года ознаменовался разгромом поднятого в Москве вооруженного восстания, представлявшего собой наивысшую точку революционного подъема этого года, и, с другой стороны, — учреждением I Государственной Думы, уже законодательной, в отличие от предшествовавшей ей, лишь совещательной — так наз. «булыгинской» думы, попытка создания которой не удалась правительству. Обе думы бойкотировались большинством социал-демократов, в том числе и Бундом, а в особенности — большевиками, хотя несколько позже Ленин в своей «Детской болезни левизны» признал этот бойкот ошибкой.[562] С открытием I Государственной Думы почти совпало открытие IV съезда РСДРП, собравшегося в апреле 1906 года в Стокгольме и вошедшего в историю под именем ««объединительного», так как на нем состоялось форменное воссоединение Бунда с РСДРП, а также присоединение к ней СДЦПиЛ и Латышской СДП (присоединение Украинской СДРП, в которую к тому времени переименовалась прежняя РУП, не состоялось; поддержал украинцев лишь Бунд, между тем как представители известной уже нам «революционно-интернациональной, вернее государственно-русской» точки зрения, фактически господство-

[558] А. Зіміонка, op. cit., стр. 166.
[559] А. Бурбіс, op. cit., стр. 181.
[560] А. Бурбіс, op. cit., стр. 179—180.
[561] Там же, стр. 179.
[562] С. Агурский, op. cit., стр. 156.

вавшей в то время в партии, атаковали их типпичными для этой позиции выпадами вроде того, что «партия эта не жизнеспособна, так как украинский пролетариат совершенно обрусел, и членам партии, работающим среди него, приходится сперва обучать его украинскому языку»[563]). Так как происшедшее на съезде «объединение», при всей его формальности и неустойчивости, явилось все же важнейшим моментом и съезда и всей данной полосы времени, на нем следует остановиться прежде всего и несколько подробнее.

Вопрос об едином фронте социал-демократических организаций ставился на повестку дня самой практикой движения на местах во время революционного подъема 1905 года, в процессе которого по цитированным уже нами свидетельствам современников, происходило как сближение рядовых участников борьбы, оказывавшихся в ней, так сказать, плечом к плечу друг с другом в одном по сути лагере, так и улучшение, вследствие того же, отношений между верхушками организаций. Однако все это сближение в процессе практики борьбы не могло быть настолько сильно действующим, чтобы автоматически снять те различия точек зрения, которые размежевывали организации одного и того же социал-демократического типа, и поэтому постановленная IV съездом РСДРП задача «объединения» потребовала немало усилий и дискуссий для того, чтобы быть разрешенной весьма условно и формально. «Объединение с поляками и латышами прошло гладко, — по мнению большевистского исследователя О. Варенцовой. — По вопросу об объединении с Бундом обнаружились крупные разногласия и завязалась жестокая борьба».[564] Дело в том, что Бунд выдвигал в качестве условий своего возврата в РСДРП не только неограниченность своего действия районными рамками (т. е. тот самый пункт, из-за непринятия которого Бунд покинул II съезд РСДРП), но и признание его собственной программы по национальному вопросу, окончательно сформулированной на VI съезде Бунда в октябре 1905 года в духе категорического признания принципа национально-культурной автономии, как определяющего и безусловного.[565] Против последнего особенно ополчились кавказские делегаты съезда, опасаясь здесь «оружия, даваемого в руки кавказским националистам», «но, — как откровенно замечает Варенцова, — не надо забывать, что бундовцы были последовательными бойкотистами, а кавказские меньшевики — сторонниками участия в выборах в Думу»[566], и поэтому Бунд получил в благодарность за свой «последовательный бойкотизм» поддержку наиболее «последовательных бойкотистов» — большевиков. Наиболее важное для Бунда условие неограниченности районными рамками было принято, и этим уже снимался момент, приведший к разрыву на II съезде; вопрос собственной национальной программы был компромиссно оставлен открытым, был принят и ряд других условий. «Приняв проект объединения с Бундом, — старается оправдать съезд в данном моменте Варенцова, — съезд тем не менее решительно высказался против организации пролетариата по национальностям;

[563] Протоколы Объединительного Съезда РСДРП, Москва, 1907 г., стр. 22—23.
[564] О. Варенцова. Объединительный съезд РСДРП, сборник «Четвертый съезд РСДРП», изд. «Московский Рабочий», Москва, 1923, стр. 58.
[565] О. Варенцова, op. cit., стр. 59. Резолюция VI съезда Бунда напечатана в его органе «Еврейский Рабочий», № 1, декабрь 1905 (приведена также у Вл. Коссовского — Вопросы национальности, Вильна, 1907, стр. 108).
[566] О. Варенцова, op. cit., стр. 61.

проект объединения съезд утвердил лишь с целью придать более нормальный характер борьбе сторонников двух организационных принципов».[567]

Не так уж совершено «гладко», как характеризует Варенцова, прошло и «объединение» с СДЦПиЛ, хотя и несравненно «глаже», чем только что описанное воссоединение Бунда. Докладчиком по данному вопросу был как раз один из делегатов от Белоруссии (от Виленской организации Северо-Западного Союза), Б. Вигилев, выступавший на съезде под псевдонимом «Литвинова» и настаивавший, между прочим, на изъятии из ведения СДЦПиЛ территории Литвы на том основании, что «Литва примыкает скорее к Белоруссии, чем к Польше[568] (кстати, это было первое упоминание национального имени Белоруссии в практике РСДРП, до тех пор обходившейся, как уже отмечалось выше, исключительно официальной административной терминологией, признававшей лишь «Северо-Западный Край»). Съезд постановил, что данный «вопрос о сохранении Литвы в районе деятельности СДЦПиЛ решается ЦК РСДРП и главным правлением СДЦПиЛ при участии всех тех местных организаций, которые заинтересованы в этом вопросе».[569] Между тем, работа СДЦПиЛ на территории, традиционно называемой «Литвой», обнаруживала и сама собой явные тенденции к свертыванию: так, на последовавшем за IV съездом РСДРП V съезде СДЦПиЛ (18—25 июня 1906 г.) не была представлена уже Белостокская организация этой партии, прежде одна из крупнейших ее организаций в «Литве» (для представления требовалось наличие минимум 450 членов), а к 1908 г. исчезли вовсе и организации Виленская и Крынецкая, единственные, еще представлявшие территорию «Литвы» на V съезде.[570] Зато после IV съезда РСДРП в явной связи с затронутым здесь моментом Северо-Западный Союз РСДРП переименовывается в «Областной Союз Литвы и Белоруссии», о чем подробнее — дальше в своем месте.

Следует также отметить, что в отличие от Бунда СДЦПиЛ на этот раз не выступила с требованием признания своей программы по национальному вопросу, тогда как в свое время она покинула II съезд РСДРП, как помним, именно из-за расхождения в этом моменте. Однако со времени II съезда РСДРП, по свидетельству Агурского, отношения между Бундом и СДЦПиЛ обострились и точка зрения ее по национальному вопросу изменилась настолько, что только что упомянутому V съезду СДЦПиЛ в 1906 году была представлена уже специальная резолюция против национально-культурной автономии и Бунда.[571]

«Объединительный» характер IV съезда РСДРП проявился не только в оформлении «объединения» РСДРП с национальными социал-демократическими организациями, но и в востановлении внешнего единства между фракциями большевиков и меньшевиков в самой партии, нарушенного перед тем фактом сепаратного большевистского III съезда и такой же одновременной Женевской конференции меньшевиков. Однако, и это «объединение» также не отличалось полной «гладкостью»: встретившиеся снова в одной партии

[567] Там же, стр. 134.
[568] Испарт. Протоколы Объединительного Съезда РСДРП, ГИЗ, Москва—Ленинград, 1926, стр. 280.
[569] Четвертый Съезд РСДРП, изд. «Московский Рабочий», 1923, стр. 132.
[570] См. Юз. Красный. Состояние организации СДЦПиЛ в 1905—1907 гг., «Пролетарская революция», № 5 (52), 1926, стр. 123—124, 148.
[571] С. Агурский, op. cit., стр. 103.

фракции продолжали прежнюю конкуренционную борьбу между собою, стараясь использовать и проходившее «объединение» с национальными организациями в целях укрепления своих фракционных сил и позиций в явных видах на будущую борьбу фракций. Так, большевики, как только что было отмечено, не только не препятствовали, но благоприятствовали воссоединению с Бундом, обнадеживавшим их своим «последовательным бойкотизмом», позволявшим строить (впрочем, оказавшиеся ошибочными) расчеты на подобное совпадение позиций и в будущем; аналогичную политику вели они и по отношению к СДЦПиЛ и Латышской СДП и, действительно, заручались поддержкой этих партий, оказавшейся им весьма полезной уже в ближайшем будущем. С другой стороны, и меньшевики старались расположить присоединявшиеся организации к себе, что и удавалось им благодаря их большей гибкости и склонности к компромиссам, а также количественному преобладанию на съезде, делавшему их в известном смысле хозяевами положения, обеспечивающими своими голосами решение в пользу «объединения» или необъединения (как, например, в случае с Украинской СДРП). Но больше всего меньшевики привлекали к себе национальные организации своей позицией в одном из главнейших принципиальных вопросов повестки дня IV съезда — в вопросе аграрной программы партии.

Как известно, две аграрные программы встретились на IV съезде: большевистская программа национализации, выдвинутая Лениным взамен навязанной им же II съезду партии и теперь казавшейся слишком примитивной даже самому автору программы так наз. «отрезков», и меньшевистская программа муниципализации, разработанная Масловым, в конце концов и принятая съездом, благодаря перевесу меньшевиков и поддержке национальных организаций. По характеристике большевистского исследователя М. Поташа, «Маслов в пользу своего проекта демагогически заигрывал с провинциализмом и федерализмом против будто бы централизма и посягательства на самоопределение национальностей в случае осуществления национализации».[572] Сам Ленин вскоре после съезда писал, что «Вторая Дума показала, что на деле „муниципализаторская" идея только и послужила националистическим тенденциям», полагая при этом, что вообще «националы» (здесь, как будто бы, впервые был употреблен этот, впоследствии ставший столь популярным, характерный термин) «в лучшем случае лишь примыкают к движению всероссийскому» и поэтому «социал-демократический пролетариат не может менять своей программы в зависимости от того, „согласятся" ли отдельные национальности, „ несогласие их" может лишь заставить нас отдать преимущество действию примером».[573] Так весьма недвусмысленно выражал Ленин свое и своих большевиков подлинное отношение к окрещенным им «националами», не скрывая своего возмущения даже весьма еще невинной по сравнению с так наз. «сепаратизмом» позицией их, названной им здесь «национально-автономистским областничеством».

Как тут же следует отметить, еще до принятия аграрной программы IV съездом РСДРП, принцип Маслова был положен в основание той, по приведенной выше характеристике А. Бурбиса «соответствующей местным условиям сельскохозяйственной жизни» программы по аграрному вопросу для Белоруссии, установление которой было главным делом состоявшегося еще

[572] М. П о т а ш, op. cit., стр. 47.
[573] Л е н и н, т. IX, стр. 588—589 (цитировано у М. П о т а ш а, op. cit., стр. 48—49).

в январе 1906 г. II съезда Белорусской Социалистической Громады.[574] С вопросом аграрной программы Громада столкнулась вплотную еще на проведенном ею в 1905 году I крестьянском съезде Белоруссии. По воспоминаниям одного из лидеров Громады, Антона Луцкевича, «в напечатанной резолюции съезда помещены рядом два способа разрешения земельного вопроса, как компромисс с эсерами, коллективистический и эсеровский (с переделами). Но съезд фактически ни того, ни другого не голосовал, и они оба были как будто бы навязаны сверху — один — (коллективистический) нами, другой — эсерами. Лишь в 1906 году на партийном съезде Громады была принята земельная программа, разработанная нами и принявшая во внимание индивидуалистические стремления белорусского крестьянства».[575] Так как по Луцкевичу, «эсеровская программа раздела земли на «общинных» правах с „переделами" пугала наших крестьян-индивидуалистов, для которых великорусская „община" была совершенно чуждой и психологически неприемлемой», он вместе с другим лидером Громады, А. Уласовым, «обработали к съезду свой проект национализации земли в духе Маслова».[576] Интересно, что при обсуждении этого проекта на съезде Громады наметились было разногласия, отдаленно уже напоминавшие расхождения между большевиками и меньшевиками по данному вопросу на IV съезде РСДРП: «Мой и Уласова проект программы по земельному вопросу, — вспоминает А. Луцкевич, — как будто бы предвидел вперед длинный путь к осуществлению ее: мы склонялись к тому взгляду, что взрыв революции уже кончается и начинается реакция, против которой мы сегодня бессильны. Наоборот, Иван (Луцкевич, брат Антона, также один из виднейших лидеров Громады. Н. Н.) считал необходимым бросить крестьянству наиболее понятный ему лозунг: «Дели землю!» — имея ввиду продолжить и укрепить слабеющий размах революции. Иван смотрел на дальнейшее развитие революции более оптимистично, чем мы, и предлагал свою формулу в сказанном духе. Однако и большинство съезда не разделяло оптимизма Ивана, и наш проект победил».[577]

II съезд Громады в январе 1906 г. вообще имел огромное значение для этой партии; кроме отмеченного только что изменения аграрной программы (как помним, на I съезде БСГ в 1903 г. здесь был принят прицип национализации земли, вместо которого II съезд принял «масловскую» муниципализацию), был проведен ряд других программных изменений, из которых важнейшие заключались в том, что партия признала необходимость работы с массами всей территории Белоруссии, а не исключительно с белоруссами, как прежде, «выставила право пропорционального представительства», «заявила, что в общем она придерживается основ Эрфуртской программы»[578], а также «состоявшаяся после съезда конференция выработала ряд положений по вопросу о профессиональных союзах; она их решила организовать на беспартийных основах и осудила экономический террор».[579] На съезде

[574] А. Б у р б і с, op. cit., стр. 180 ср. Протоколы конференции национально-социалистических партий 16—20 апреля 1907 г., СПБ., 1908, стр. 92—93, 94, 96—97.
[575] А. Л у ц к е в і ч. За 25 год, Вильно, 1928, стр. 14.
[576] См. выше.
[577] А. Л у ц к е в і ч, op. cit., стр. 23—24.
[578] Протоколы конференции национально-социалистических партий 16—20 апреля 1907 г., СПБ., 1908, стр. 92.
[579] Там же, стр. 93.

© PDF: Kamunikat.org 2019
© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

также был принят устав партии и впервые сконструирован ее Центральный Комитет (в составе А. и И. Луцкевичей, В. Ивановского и А. Бурбиса[580]).

Интересен II съезд Громады и тем, что на нем ярче всего обнаружилась близость БСГ к РСДРП не только лишь в одном аграрном вопросе. Как отмечает известный уже нам бывший громадовец З. Жылунович, «как раз II-й съезд ее (Громады. Н. Н.), который состоялся в январе 1906 года, радикально пересмотрел программу БСГ, приняв целиком программу-минимум социал-демократии, а также масловскую муниципализацию земли. В вопросах текущей политической борьбы съезд присоединился к тактике большевиков по отношению к выборам в Государственную Думу и в деле вооруженного восстания».[581] Конечно, наличия последних из указанных здесь Жылуновичем моментов далеко недостаточно для того, чтобы вместе с ним говорить о якобы происходившей в данное время «большевизации» Громады; появление их вызвано лишь той радикализацией в области тактики, которую приносил с собой подъем революции и благодаря которой позиции весьма далеких от большевиков партий местами и временами начинали совпадать со всегда и во всем наиболее радикальными большевистскими позициями.[582] Да и вообще всех указанных выше моментов сближения БСГ с РСДРП в целом оказалось недостаточно для того, чтобы хотя бы наметилось движение в сторону «объединения» первой с последней; по крайней мере ничего не известно о каких-либо шагах, предпринимавшихся для этого с той или с другой стороны; да и как видно из отмеченного выше случая попытки Украинской СДРП «объединиться» с РСДРП на IV съезде, столь близкая по своему положению к украинской белорусская партия лишь разделила бы с ней ту же судьбу в данном отношении. И Белорусская Громада так и оставалась вне РСДРП во все время своего существования, не послав ни разу каких-либо своих представителей, хотя бы в качестве «гостей», на какой-либо съезд или иное собрание РСДРП. Но об отношениях БСГ и РСДРП еще будет сказано дальше в своем месте.

Так и на IV съезде РСДРП Белоруссия, как и на предыдущих съездах этой партии, была представлена лишь тем же Бундом и делегатами от территориальных организаций РСДРП в крае. Характерно лишь, что на этот раз, в отличие от предыдущего, большинство последних оказалось меньшевиками (как, впрочем, и большинство всего съезда, что уже отмечалось). «Из Белоруссии на этот съезд, — пишет Агурский, — были делегированы: из Минска — Полозов, из Могилева — Р. Л. Цейтлин (Веров), из Витебска — Островский, из Вильно — Вигилев (Литвинов). Из этих четырех делегатов только минский делегат голосовал за предложения большевиков, а остальные поддерживали во всех вопросах меньшевиков»[583] и в другом месте: «В Белоруссии. . . в начале 1906 года почти все организации РСДРП находились в руках меньшевиков, на IV объединительном съезде делегаты Витебска, Могилева и Вильны были меньшевиками. Единственным большевиком среди всех белорусских делегатов был делегат Минской группы РСДРП (Полозов), который почти по всем вопросам голосовал с большевиками».[584] Правда, в своем перечислении делегатов на IV съезд от Белоруссии Агурский оказывается неполным, им почему-то пропущены делегаты от Двинской организации (Алексеевский), Клинцовской (Костицын), Смоленской (Трубников) и Сморгонской (Новоседский)[585]; однако общей картины в данном вопросе это нисколько не меняет, так как и пропущенные были также меньшевиками.

Четвертый съезд РСДРП происходил в обстановке начавшегося после разгрома декабрьского восстания 1905 г. наступления реакции. «В январе месяце и летом 1906 года, — констатирует Я. Дыла, — реакция берет свой реванш в Белоруссии; в Гомеле и Белостоке прошли военные противоеврейские погромы: царские войска как будто бы несут охрану населения, но сами же помогают громилам и пользуются награбленным ими добром».[586] Погром в Белостоке (в июне 1906 г.) оказался одним из наиболее жестоких.[587] К погромам присоединяются стимулируемые начавшимся экономическим кризисом локауты.[588] Начинаются судебные расправы с революционерами, по которым уже в 1906 году казнят ежедневно в среднем 2 человека (в 1907 — 3 чел., в 1908 — 4 чел.).[589] Летом 1906 года разгоняется Первая Государственная Дума с назначением новых выборов на 1907 год.[590]

Несколько дольше противостоит реакции разгоревшееся в 1905 году крестьянское аграрное движение; в 1906 году в Белоруссии еще имеет место около 21 сельскохозяйственных забастовок.[591] Несколько большее внимание на работу в деревне начинают обращать и местные организации РСДРП, возникает особая коллегия по работе в деревне при Могилевском комитете, окружная крестьянская организация при Минском комитете.[592] Однако последняя, по Агурскому, опять-таки, как и прежде, «не имела достаточно сил для широкой работы», хотя и провела за лето 1906 г. 50 митингов в деревне и распространила там 1 000 прокламаций.[593] В Виленском комитете наибольшую работу среди крестьян вели Сморгонская (Ошмянского уезда) и Подбродская (Виленского уезда) группы; первая оказалась наиболее сильной в данном отношении и продолжала свою работу даже после провала Сморгонской окружной конференции.[594] Следует заметить, что это была уже вторая окружная конференция, созванная сморгонской организацией, на ней делегаты от 5 местечек и волостей представляли 650 членов партии (состоялась конференция в начале августа 1906 года).[595] Крестьянскому вопросу уделила большое внимание и виленская окружная конференция (январь 1906 г.), на которую собрались представители виленской, сморгонской, гродненской, ошмянской и лидской групп партии; принятую здесь резолюцию о работе в деревне Агурский называет большевистской; особенно характерен

580 А. Бурбіс, op. cit., стр. 180.
581 З. Жылуновіч. А. Бурбіс (Рэволюцыйная характэрыстыка), «Полымя», № 2, 1927, стр. 182.
582 Принятие Громадой меньшевистской масловской муниципализации взамен прежней национализации, как раз теперь принятой большевиками, свидетельствовало бы скорее о «меньшевизации» партии.
583 С. Агурский, op. cit., стр. 159.

584 Там же, стр. 177.
585 См. список делегатов IV съезда в сборнике «IV-й съезд РСДРП», изд. «Московский Рабочий», Москва, 1923, стр. 142—143; ср. Я. Дыла, op. cit., стр. 140.
586 Я. Дыла, op. cit., стр. 139.
587 С. Агурский, op. cit., стр. 164.
588 Там же, стр. 166—167; ср. Я. Дыла, op. cit., стр. 139.
589 С. Агурский, op. cit., стр. 165.
590 Там же, стр. 156.
591 Там же, стр. 157.
592 М. Поташ, op. cit., стр. 23; ср. Е. Мороховец, op. cit., стр. 85.
593 С. Агурский, op. cit., стр. 157 и 333—334.
594 Е. Мороховец, op. cit., стр. 87—88.
595 С. Агурский, op. cit., стр. 160.

в ней пункт 5-ый, в котором заметно предвосхищается будущее большевистское «коллективизаторство сельского хозяйства»: «Конференция признает, что наилучшим способом коллективного проведения захвата земель и перехода к новым формам землепользования является общественная запашка захваченных земель, которую конференция настоятельно рекомендует, как систему, не закрепляющую захваченных земель за отдельными лицами».[596] Как и Минская организация, виленская также жалуется на недостаток сил для работы в деревне.[597] Занимавшаяся крестьянским вопросом двинская окружная конференция (сентябрь 1906 г.) констатировала, что «крестьянство не разбирается в подробностях программ различных революционных партий по вопросу о формах землепользования, стремясь лишь к захвату всей земли в руки народа» и постановила «вступить в соглашение с организациями социалистов-революционеров и отделениями крестьянского союза (т. е. одной из организаций-„пристроек" Белорусской Социалистической Громады. Н. Н.)».[598] Между прочим, и крестьянская организация при Минской группе РСДРП также координировала свою работу в деревне с эсерами, Белорусской Социалистической Громадой и даже Бундом, входя в специально созданное для этого бюро из представителей поименованных организаций.[599]

Продолжавшееся и в обстановке начавшегося наступления реакции крестьянское революционное движение продолжало питать Белорусскую Социалистическую Громаду, больше всех других местных партий связанную с крестьянством. Во всяком случае, питаемая этим движением Громада не только не обнаруживала признаков упадка и свертывания, а наоборот, продолжала свой рост и развертывание в течение еще всего 1906 года. По свидетельству Жылуновича, за это время «Белорусская Социалистическая Громада вырастает в значительную массовую партию. Ее влияние растет не только среди белорусского крестьянства, в деревне, а и среди рабочих в Вильно, Ново-Вилейке, Минске и др. местах»; осенью 1906 года Громада берет «под свое влияние забастовочное движение сельскохозяйственных рабочих в Минской губернии».[600] А. Бурбис также утверждает, что «к концу 1907 г. Белорусская Социалистическая Громада совершенно перестала быть интеллигентской» и превратилась в партию «рабочих, крестьян, народного учительства» (между прочим, в 1906 году Громада провела всебелорусский учительский съезд в г. Вильно, организовала Белорусский Учительский Союз и Белорусский Союз Учительских Семинарий).[601] С сентября 1906 года Громада, во исполнение соответствующего решения послесъездовской конференции,[602] начинает издавать в качестве своего фактического постоянного печатного органа газету на белорусском языке, вначале под названием «Наша Доля», а с конца октября 1906 года, после сделавшей невозможным выход газеты под этим названием кампании цензурных и судебоых преследований — под названием «Наша Нива». Издаваемая Громадой газета, будучи первым

596 Там же, стр. 139 (ср. Е. Мороховец, op. cit., стр. 88).
597 Там же, стр. 332—333.
598 Там же, стр. 329—331.
599 Там же, стр. 334.
600 З. Жылуновіч. А. Бурбіс (Рэволюцыйная характэрыстыка), «Полымя», № 2, 1927, стр. 181—182.
601 А. Бурбіс, op. cit., стр. 180.
602 См. Протоколы конференции национально-социалистических партий 16—20 апреля 1907 г., СПБ., 1908, стр. 93.

постоянным периодическим печатным органом на белорусском языке, выходившим беспрерывно до 1915 года, превратилась в трибуну белорусского национального движения, отметив собой целый период этого движения, так и получивший в истории название «нашенивского периода».

Однако по свидетельству Агурского «к концу 1906 года волна аграрного движения в Белоруссии начинает падать и совершенно приостанавливается к началу 1907 года»[603] Перспективу такого развития предчувствовали и некоторые лидеры Громады еще на своем январском II съезде 1906 года, как это видно из приведенных нами выше воспоминаний А. Луцкевича. Но по его же свидетельству уже на том же съезде «был принят целый ряд резолюций культурно-национального характера, которые определили весь дальнейший путь белорусского возрожденческого движения до самой войны 1914 года»[604], и таким образом Громада заранее подготовилась к вынуждаемому всей обстановкой реакции переключению белорусского крестьянского движения из социально-экономической в национально-культурную сферу. Переключение это и было проведено, начиная с 1907 г., без оставления, однако, прежней социальной почвы и социалистической направленности движения. В соответствии с этим приходилось изменять и самый тон и стиль работы, и «Наша Нива» уже в передовой самого первого своего номера декларировала: «Не будем писать громко, будем спокойно, твердо бросать всем правду в глаза, постараемся быть терпеливыми и владеть собой: пусть холодный разум крепко держит в своих руках горячее сердце».[605] В связи с террором реакции, которого не избежали и кадры Громады, роль ее штаба окончательно перешла к редакции «Нашей Нивы»; по свидетельству З. Жылуновича, «вместо Виленского и Минского комитетов Громады, которые в 1906 г. имела БСГ, сплочение остатков сил партии стало происходить вокруг открытой еженедельной белорусской газеты «Наша Нива». При редакции ее делались политические совещания. . . Также при «Нашей Ниве» вскоре было открыто небольшое издательство, которое издавало книги по вопросам социалистического характера».[606]

Что же касается организаций РСДРП в Белоруссии, то для них наступление критических моментов началось уже сразу после IV съезда РСДРП. Большинство созванных после съезда и для проработки его решений окружных партийных конференций подверглось полицейскому разгрому. Так, кроме упомянутой выше Сморгонской окружной крестьянской конференции в начале августа 1906 года, провалилась созванная несколько раньше, в июле, Виленская окружная партийная конференция, члены которой были арестованы; в отличие от Сморгонской, Виленская организация после этого практически перестала существовать.[607] К тому же времени, под подобными же ударами полицейского террора, распалась и Минская организация, и все попытки восстановить ее, имевшие место до конца 1907 года, не имели успеха.[608] Не провалилась лишь Двинская окружная конференция (сентябрь 1906 г.), уже упоминавшаяся, и созванная в первых числах октября для под-

603 С. Агурский, op. cit., стр. 158.
604 А. Луцкевич, op. cit., стр. 25 (ср. Протоколы конференции национально-социалистических партий, стр. 93).
605 «Наша Ніва» № 1, 1906 (цитируется по цитате у С. Агурского, op. cit., стр. 179).
606 З. Жылуновіч, op. cit., стр. 182.
607 С. Агурский, op. cit., стр. 160.
608 Там же, стр. 161.

ведения итогов окружных конференций областная конференция Союза Литвы и Белоруссии. Однако, как отмечает Агурский, «это были последние моменты деятельности социал-демократических организаций в Белоруссии».[609]

Октябрьская областная конференция Союза Литвы и Белоруссии была первой, но в то же время уже и последней конференцией организации под этим названием, возникшей, как уже отмечалось, в результате переименования прежнего «Северо-Западного Союза» (т. е. расширенного в 1905 году до всебелорусского объема «Северо-Западного Комитета») РСДРП. Агурский относит возникновение Областного Союза Литвы и Белоруссии уже к началу 1906 года[610]; однако, первый документ — прокламация под этой фирмой — известен лишь с датой июля 1906 года[611], да и вообще, как выяснено и указано нами выше, первое упоминание самого термина «Белоруссия» в практике РСДРП имело место лишь на ее IV съезде, в связи с борьбой за изъятие территории так наз. «Литвы» из под ведения СДЦПиЛ и лишь в этой связи тогда и имело смысл (вообще же говоря, термин этот к тому времени мог получить и в социал-демократических кругах большую популярность благодаря деятельности Белорусской Социалистической Громады; для избежания недоразумений, следует, однако, тут же отметить, что введение данного термина не ознаменовало собой поворота организаций РСДРП в Белоруссии в сторону национализации, хотя бы даже языковой — ни о какой-либо белорусской работе, ни о работе на белорусском языке организации эти не ставили даже вопроса ни разу за все время своего существования, не прибегая никогда даже к использованию появившейся к тому времени революционной социалистической литературе на белорусском языке, как это делали, например, эсеровские организации, соответствующие свидетельства о чем приведены нами выше).

На областной конференции Союза Литвы и Белоруссии присутствовали делегаты от Вильно, Ковно, Сморгони, Минска, Двинска, Двинского района, Витебска и Смоленска (по одному решающему голосу), представители ЦК, Областного комитета и «несколько товарищей с совещательным голосом»[612] (обозначало ли отсутствие делегатов от Гомеля и всего Полесского Комитета, вошедшего в свое время в Северо-Западный Союз при образовании последнего, выход этой организации из областного союза при его новом переименовании, или имело другие причины — установить не удается). «Делегаты избирались не везде на демократических началах, и поэтому первоначально предполагавшийся съезд единогласно решено было превратить в конференцию»[613] — очевидно, осуществлению более широких планов созыва съезда, который фактически явился бы первым всебелорусским съездом РСДРП и своего рода учредительным съездом ее Областного Союза Литвы и Белоруссии, помешала та же обстановка террора реакции, благодаря которому «проваливались» и предшествовавшие окружные конференции.

Одним из главнейших вопросов повестки дня конференции были предстоявшие вскоре выборы во Вторую Государственную Думу; в резолюции по этому вопросу было, между прочим, поставлено, что «в тех случаях,

[609] С. Агурский, op. cit., стр. 160.
[610] Там же, стр. 148.
[611] Там же, стр. 339.
[612] Там же, стр. 335.
[613] См. выше.

когда социал-демократы не имеют никаких шансов провести своих выборщиков или депутатов, социал-демократия вступает в соглашение с другими партиями только в том случае, если простое воздержание социал-демократов от голосования может сыграть на руку реакционным или более умеренным партиям».[614] Во исполнение этого постановления ряд организаций РСДРП в Белоруссии блокировался при выборах в Думу с другими социал-демократическими организациями — Бундом и Белорусской Социалистической Громадой. Так, Виленская организация РСДРП, по Агурскому, «провела постановление меньшевиков и при выборах блокировалась с Бундом и БСГ. В объединенном списке они выставили представителя Бунда Рафеса и вступили в соглашение с кадетами. Блок этот распался ввиду того, что часть крестьян под влиянием попов изменила и голосовала за помещиков. Социалистическому блоку не удалось провести ни одного своего депутата.[615] В Минске дело обстояло гораздо хуже. Во время выборов во Вторую Государственную Думу Минская группа РСДРП была сильно разгромлена и не вела почти никакой работы. Остальные организации, Бунд и эсеры образовали блок с УГС. Вышеупомянутый блок поддерживал связь с кадетами и вел совместную выборную кампанию».[616]

Другим важным вопросом, обсуждавшимся областной конференцией Союза Литвы и Белоруссии, был вопрос о созыве экстренного, внеочередного съезда РСДРП. Дело в том, что уже сразу же после IV съезда большевики, недовольные результатами его, определенными преобладанием меньшевиков, получившим свое закрепление при выборах партийных органов (в избранный на съезде ЦК вошло лишь 3 большевика при 6 меньшевиках, в редакцию центрального органа партии — одни лишь меньшевики), начали движение за созыв внеочередного партийного съезда, перебросившееся и в Белоруссию. Здесь, однако, движение это не встретило особой поддержки, местные организации чаще всего высказывались против внеочередного съезда (как, напр., витебская и двинская группы) и лишь изредка принимали благоприятные созыву его постановления, но притом весьма незначительным большинством голосов (как, напр., в Минске — 17 против 16).[617] Против созыва экстренного съезда высказалась и областная конференция Союза Литвы и Беларуссии.[618] Одновременно с большевистским требованием внеочередного съезда, из противоположного лагеря была выдвинута идея созыва «рабочего съезда» с целью основания единой и широкой рабочей партии. Обоснованию этой идеи была посвящена вышедшая осенью 1906 года брошюра Ю. Ларина, в то время меньшевика, со временем перешедшего к большевикам, — «Широкая рабочая партия и рабочий съезд»; с резкой критикой Ларина выступил сам Ленин, в специально посвященной этому статье «Кризис меньшизма» («Пролетарий», № 9 от 7 декабря 1906 г.), обвинивший его в том, что «он — защитник рабочего съезда и «беспартийной» партии (его словечко). Вместо социал-демократии нужна «Всероссийская Рабочая Партия», — потому «рабочая», что в нее надо взять мелкобуржуазных революционеров, социалистов-революционеров, ППС, **Белорусскую громаду** (подчеркнуто нами Н. Н.) и проч.»[619]

[614] Там же, стр. 336.
[615] Ср. И. Юренев, op. cit., стр. 184.
[616] С. Агурский, op. cit., стр. 177.
[617] Там же, стр. 159.
[618] Там же, стр. 337.
[619] С. Агурский, op. cit., стр. 174—175.

Идея «рабочего съезда» находила себе приверженцев и в организациях РСДРП в Белоруссии. Так, например, упоминавшаяся уже нами двинская окружная конференция, состоявшаяся накануне областной конференции Союза Литвы и Белоруссии, высказываясь против созыва экстренного съезда, в то же время признала, «что всплывшая из кругов рабочего класса идея всероссийского съезда рабочих настолько важна, что требует сосредоточенного внимания партийных организаций».[620]

Однако ни «всероссийский рабочий съезд», ни экстренный внеочередной партийный съезд так и не были созваны, и в мае 1907 г. в Лондоне собрался очередной V съезд РСДРП, оказавшийся последним съездом этой партии до революции 1917 года.

VII

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ РЕАКЦИИ — НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ИТОГИ

Незадолго перед самым V съездом РСДРП, 16—20 апреля (29 апреля — 3 мая) 1907 г. состоялась интересная для нас «конференция национально-социалистических партий», в которой приняла участие и Белорусская Социалистическая Громада вместе с некоторыми другими партиями, с которыми ей уже приходилось встречаться прежде, в известных уже нам блоках и конференциях в Париже и Женеве (Грузинская Партия Социалистов -Федералистов, Армянский «Дашнакцутюн», ППС, ПСР, а также Еврейская Социалистическая Рабочая Партия). Представитель Громады, выступивший под псевдонимом «тов. Счастный»[621], сделал на конференции доклад об истории и позиции своей партии, на важнейшие места которого нам уже неоднократно приходилось ссылаться; в данный момент нас интересует не этот, уже в основном использованный нами доклад, а прежде всего и больше всего выражение отношения БСГ к РСДРП, нашедшее место на этой конференции перед самым V съездом РСДРП, пытавшимся продолжать начатую предыдущим IV «объединительным» съездом линию объединения с родственными, в том числе и национальными, партийным течениями.

Отвечая на заданный ему вопрос об отношениях Громады с другими партиями, докладчик ее сразу же заявил: «Что касается нашего отношения к другим социалистическим и революционным партиям, то мы не держимся агрессивной политики, не перебиваем у других партий ни рабочих, ни крестьян, живем с ними мирно, **кроме, впрочем, РСДРП, которая долгое время по отношению к Громаде держалась чрезвычайно агрессивно. К тому же она не признает употребления нашего родного языка и держится взгляда, отрицающего федеративный строй»**[622] (подчеркнуто нами. Н. Н.). Следует здесь пояснить, что по тому же докладу Громады на конференции этой партии после ее II съезда в 1906 г. «по отношению к другим партиям было решено поддерживать самые близкие отношения с социалистическими партиями, придерживающимися принципа федеративной республики и территориальной автономии».[623] Думается, что подчеркнутые нами слова докладчика Громады не нуждаются в комментариях; они подтверждают известное уже нам отношение РСДРП к «националам», так ярко выразившееся на ее IV «объединительном» съезде в отмеченном нами случае с несостоявшимся «объединением» с Украинской Социал-Демократической Рабочей Партией.

Позиция Громады в национальном вопросе, предопределявшая, как видим, отношение ее к другим партиям, нашла еще одно, весьма интересное выражение на конференции, при дискуссии о т. наз. «национальных союзах», образование которых предлагалось в плане разделяемого всеми участниками конференции принципа национально-культурной автономии. Здесь представитель Громады, между прочим, заявил: «Национальность может быть в различных территориях совершенно целесообразно организована. Мне вспоминается мысль проф. Бодуэн-де-Куртенэ, высказанная им на прошлогоднем съезде автономистов: есть люди, сказал он, которые психологически могут себя признать одновременно принадлежащими к трем национальностям. Поэтому принудительность принадлежности к национальному союзу совершенно невозможно признать».[624] Нашедшая здесь выражение позиция своеобразного, т. ск., «полинационализма», судя и по документам и по личным воспоминаниям многих, была весьма характерной для громадовцев, в особенности для их лидеров, для которых было, можно сказать, типичным подобное чувство и признание психологической и культурной принадлежности одновременно к нескольким национальностям, для чего, впрочем, была весьма благоприятная почва именно в Белоруссии, где почти каждый уже от рождения становится своеобразным полиглотом, овладевая сразу же и одновременно тремя, а то и четырьма языками (белорусским, русским, польским, еврейским-«идиш») и уже через это вживаясь до известной степени психологически и культурно в соответствующие этим языкам национальности. Этот, свойственный многим белорусам вообще, белорусским громадовцам в частности и их лидерам в особенности, практический полинационализм, в своей логической перспективе предполагающий то, что можно было бы назвать идейным паннационализмом, лежит в плане того понимания национализма, которое следовало бы назвать «английским» и которое лучше всего сформулировано в выпущенной в 1939 г. коллективной работе британских ученых о национализме, изданной Королевским Институтом Международных Отношений, где в понятие национализма включается момент сознания отличности, блага и интересов наций вообще, «включая нацию, членом которой является данный индивидуум», а не исключительно этой последней нации.[625] Такое понимание, отличаясь, с одной стороны, от понимания узкого национализма, т. е. «мононационализма», допускающего, по крайней мере, в логической перспективе, шовинизм и т. под. перверсии — понимания, которое можно было бы назвать «немецким»[626], а, с другой стороны, — и от того, известного уже нам «революционно-интернационального, вернее государственно-русского» понимания, подставляющего под «интернационализм» фактический мононациона-

[620] Там же, стр. 331.
[621] Расшифровать этот псевдоним пока не удалось.
[622] Протоколы конференции национально-социалистических партий 16—20 апреля 1907 г., СПБ., 1908, стр. 95.

[623] Там же, стр. 93.
[624] Там же, стр. 62.
[625] Nationalism. A. Report by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs, Oxford University Press, London—New York—Toronto, 1939, p. XX.
[626] Cf. ibid., p. — IX-XX.

лизм собственной нации, характерного и для всей тогдашней РСДРП, так сказать, «российского» понимания, — отделяло Громаду от этой последней партии прежде всего и больше всего.

Ясно, что при таком положении не могло быть речи о каком либо «объединении» БСГ и РСДРП и на V съезде последней, состоявшемся после только что рассмотренной конференции, 30 апреля—19 мая (13 мая—1 июня) 1907 г. в Лондоне. Как уже упоминалось, на этом съезде нашла себе еще некоторое продолжение «объединительная» линия предыдущего съезда (было проведено «объединение» с Армянской Социал-Демократической Рабочей Партией; приветствовала съезд и Литовская СДП, но до «объединения» здесь дело не дошло), но, с другой стороны, основное фракционное размежевание внутри партии на большевиков и меньшевиков не только не сгладилось, а наоборот, получило настолько четкое оформление, что, по наблюдению одного из исследователей, Д. Лещенко, на съезде впервые действовали открытые парламентские фракции большевиков и меньшевиков[627] (да и на местах, оказывается, никакого «объединения» не получилось — этот «не секрет» констатировал Зиновьев при исследовании организационного ворпроса на съезде»).[628] По наблюдению того же Д. Лещенко на съезде четко обрисовались два центра — левый (большевики и СДЦПиЛ) и «эпицентре» модераторного и медиаторного характера (Латышская СДП и правый (меньшевики и Бунд) при третьем, если можно так выразиться, др.).[629] При некотором, впрочем, весьма незначительном количественном перевесе большевиков над меньшевиками (91 против 89)[630] поддержка польских, а также преимущественно и латышских делегатов обеспечила большевикам доминацию во всех решающих моментах[631], и сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» с гордостью резюмирует, что «V съезд означал крупную победу большевиков в рабочем движении»[632], хотя в действительности это была лишь более скромная, временная и лишь рамками съезда ограниченная «победа». Между прочим, большевикам удалось провести осуждение съездом идеи «всероссийского рабочего съезда» и «рабочей партии».[633]

Белоруссия на V съезде была представлена делегатами от Витебской организации (Егоров — меньшевик), Витебской и Смоленской окружной (Львов — меньшевик), Гомельского района (Новомирский — меньшевик), Двинского (Виленкин — меньшевик), Клинцовского (Ефимовский — большевик), Минской организации (Ишимов — большевик) и Сморгонской (Веров — меньшевик); собственно говоря, белорусскую этнографическую территорию представляли и делегаты Брянской организации (Николай и Соня — большевики).[634] Через бундовских делегатов были также представлены районы Белоруссии: Брестский (делегат Владимир), Белостокский (делегаты Саных, Бен-Якир, Борисевич), Виленский (Борисов, Виницкий, Штейн),

[627] Д. Лещенко. Лондонский съезд РСДРП, сборник «V Съезд РСДРП», изд. «Московский Рабочий», 1923, стр. 10.
[628] Там же, стр. 73.
[629] Там же, стр. 8.
[630] Там же, стр. 75.
[631] С. Агурский, op. cit., стр. 175.
[632] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 87.
[633] Там же, стр. 86; ср. С. Агурский, op. cit., стр. 175.
[634] Протоколы Лондонского Съезда РСДРП, Париж, 1909, стр. 5—6; издание Партиздата, 1935, стр. 651—654.

Витебский (Берман, Брохес), Гомельский (Розенблюм, Зелин), Двинский (Нояхов, Шанин), Минский (Абрамов, Наташин, Фишелев), Могилевский (Абрамович, Альтер, Калмыш) и Пинский (Яковлев).[635] Делегат Виленского комитета РСДРП (Томаш) на съезд не прибыл, и эта организация представлена не была.[366]

Как видно из только что сделанного перечисления, большинство делегатов, представлявших на съезде организации РСДРП в Белоруссии, состояло из меньшевиков — из 7—9 делегатов лишь 2—4 были большевиками, не говоря уже о том, что все бундовские делегаты, как было отмечено выше, поддерживали меньшевиков. Таким образом, при большевистском большинстве всего съезда, большинство делегатов от Белоруссии на нем было меньшевистским, что казалось бы достаточно характеризует состояние организаций РСДРП в Белоруссии к данному моменту во фракционном отношении. Однако некоторые исследователи пытаются смягчить эту картину явного преобладания одной фракции над другой в организациях РСДРП в Белоруссии; так, например, Я. Дыла утверждает: «На V партийном съезде мы видим представителей 7 организаций РСДРП из Белоруссии: из Смоленска, Вильно, Витебска, Двинска, Сморгони, Могилева и Минска.[637] Здесь не важно отметить, к какой фракции принадлежали представители этих организаций, ибо это еще далеко не значит, что большинство членов в данной организации было единомышленным со своим комитетом. Правильнее даже относительно всех организаций РСДРП в Белоруссии сказать, что члены в них были обеих фракций, и всегда шла борьба между обеими частями целого».[638]

Все делегаты от Белоруссии на V съезде РСДРП представляли ее лишь территориально, да и то не под ее именем, а под именами своих местных организаций, являясь делегатами непосредственно от них, а не от Союза Литвы и Белоруссии, который не был представлен вовсе, как таковой; национально же Белоруссия и белорусы попрежнему представлены не были, хотя некоторым большевистским исследователям, повидимому, очень хотелось бы видеть и представителей этого рода в довольно разнообразном спектре национального состава съезда. Так, в первом, парижском издании протоколов съезда (1909 г.) в приложенных к этим протоколам статистических данных о составе съезда, обработанных специальной комиссией, в таблице II, дающей состав по национальностям, белорусы отсутствуют[639], тогда как в той же таблице, приводимой большевистским исследователем М. Лядовым, находим уже одного белоруса-меньшевика, появившегося, повидимому, в результате стремления этого исследователя, с одной стороны, «представить» и белорусов, почти единственных не представленных из всех важнейших национальностей империи, а, с другой стороны, — «выравнять» статистическую неточность таблицы, общий итог которой дает (без этого «выравнивающего белоруса) 99%, а не полагающиеся 100%.[640] В позднейшем из-

[635] Протоколы Лондонского Съезда РСДРП, Париж, 1909, стр. 7—8.
[636] И. Юренев, op. cit., стр. 184.
[637] Здесь Вильно и Могилев указаны ошибочно вместо Клинцов и Гомеля, как это видно из сверки с приведенными нами на основании протоколов данными.
[638] Я. Дыла, op. cit., стр. 140.
[639] Лондонский Съезд РСДРП. Полный текст протоколов, издание ЦК, Париж, 1909, стр. 445.
1923, стр. 81.
[640] Сборник «Пятый Съезд РСДРП», издание «Московский Рабочий», Москва,

дании протоколов «Партиздатом» белорусы опять исчезают.[641] Интересны данные о некоторых других национальностях, представленных на съезде: русских из них было 119, или 35,5% (в том числе 78 большевиков, 34 меньшевика), украинцев — лишь 7, или 2,1% (в том числе 1 большевик, 6 меньшевиков), евреев — 98, или 29,1% (из них 11 большевиков, 22 меньшевика).[642]

Пятым съездом РСДРП завершилась для этой партии вся полоса «первой российской революции», в течение которой ей удалось провести три своих регулярных ежегодных съезда — III, IV и V. 3 июня 1907 года правительство произвело так наз. «переворот», выразившийся в разгоне II Государственной Думы, сопровождавшемся арестом ее социал-демократической фракции. «После разгона II Думы и ареста социал-демократических депутатов, — констатирует Агурский, — царизм окончательно восторжествовал и нанес революционному движению смертельный удар».[643] Этот политический удар, довершая действие ряда сопровождавших всю реакцию экономических ударов по массам, приводит к полному развалу организаций революционных партий и в Белоруссии. Прежде всех, хотя, может быть, и не больше всех, пострадал здесь Бунд. «Экономический кризис и расправы капитализма с рабочей массой, локауты (массовые расчеты с рабочими) у кожевников, щетинщиков и ремесленников, — констатирует Я. Дыла, — все это гонит еврейского рабочего и белорусского крестьянина из Белоруссии в Америку.[644] Когда к 1908 году Бунд подсчитал свои силы, общее число активных работников партии не превышало 50 человек и в организации партии находилось около 500 членов. В начале 1908 года цензура задушила ежедневную партийную газету Бунда, арестовав всю редакцию, а в конце 1908 года Бурцев доказал провокаторство Каплинского, старого (с 1897 г.) виленского социал-демократа, который в продолжение 20 лет был близок к Центральному Комитету Бунда и всей его подпольной технике. Весть об этом провокаторстве обессилила самых стойких и опытных в революционной борьбе бундовцев».[645] Подобными же явлениями сопровождался и развал такой крупной революционной партии, действовавшей в Белоруссии, как партия социалистов-революционеров; по А. Зимионка, «1909—10 гг. можно считать последними годами существования ПСР в Белоруссии».[646]

Не избежала развала и, пожалуй, даже больше других пострадала от него РСДРП в Белоруссии. Наибольшего количества членов эта партия достигла в году наивысшего революционного подъема в 1905 году, когда, по данным Я. Дыла, в организациях ее «считалось: в Вильно — 200 рабочих, в Сморгони — 175 раб., в Минске — 200 раб. и 150 членов так наз. «Молодой Искры» — учащихся, в Бобруйске — 75 раб., в Витебске — 200 раб., в Двинске — 300 раб., в Копысе — 120 раб., в Невеле — 35 раб., и в Велиже — 25 рабочих. Имелись еще группы в Гомеле, Могилеве, Смоленске, Рославле и много еще мелких организаций в Минской и Витебской губ., относительно которых определенного числа членов мы не знаем».[647] Если сравнить эти

[641] Протоколы Пятого Съезда РСДРП, Партиздат, 1935, стр. 659.
[642] «Пятый Съезд РСДРП», изд. «Московский Рабочий», Москва, 1923, стр. 81.
[643] С. Агурский, op. cit., стр. 161.
[644] Ср. .. Сосіс, op. cit., стр. 145.
[645] Я. Дыла, op. cit., стр. 139.
[646] А. Зіміонка, op. cit., стр. 168.
[647] Я. Дыла, op. cit., стр. 140.

данные с приведенными выше данными отчета Северо-Западного Комитета РСДРП за 1904 год, приходится заключить, что даже революционный 1905 год не сопровождался сколько-нибудь значительным ростом членства РСДРП в Белоруссии — некоторые организации даже вовсе не выросли за этот год (как, напр., Сморгонская, Бобруйская, Невельская, Велижская), рост других — и при том расположенных в наиболее крупных пунктах края (Вильно, Минск, Витебск) — оказался довольно ограниченным (от 10% до 40%), одна лишь Двинская организация сильно выросла (на целых 100%)[648]; в абсолютных показателях общее число членов РСДРП в Белоруссии в 1905 году нельзя оценить выше, чем в 1500 человек (против 970 в 1904 г.).

Не обнаружив значительных тенденций роста в момент наивысшего революционного подъема, организация РСДРП в Белоруссии показала зато большую склонность к быстрой деградации при первых же ударах реакции. Полную картину этой деградации, начавшейся с «бегства из революционных рядов» уже в 1906—1907 гг., опустошившего совершенно и практически ликвидировавшего все организации РСДРП в Белоруссии к 1908—1909 гг., сопровождавшегося небывалой деморализацией в ее рядах, особенно в связи с «эпидемией эксов (экспроприаций)», разжигавшейся больше всего как раз большевиками, — нам уже пришлось набросать в первом выпуске наших «Очерков истории большевизма в Белоруссии».[649] В этих условиях развала революционного движения отдельные политические революционные партии, реально оценивая положение, стремились сохранить остатки своих сил, удержаться и укрепиться на национальных позициях, как, например, Бунд, Белорусская Социалистическая Громада; другие же продолжали строить утопические планы, основанные на надеждах на возрождение революции, как, например, особенно большевики. Как отмечает Агурский, «на одном из совещаний Бунда в 1908 году было сказано: „о схеме большевиков, рассчитанной на необходимость и возможность так называемой демократической революции в ближайшем будущем, нечего и говорить: до настоящего времени весь ход революции полностью показал всю утопичность этой схемы. Революция, таким образом, закончилась, о поражении мы не можем говорить — мы получили куцую конституцию, не успевшую еще укрепиться. Еще происходит борьба с более революционными элементами, но и это явление преходящее"».[650] Но большевики, как всегда, были упорны в преследовании своих утопических схем и в поисках данных, казавшихся симптомами приближения момента осуществления их прогнозов. Так, Ленин уже в конце 1910 года усматривал признаки «нового оживления» в ряде вспыхнувших забастовок, впрочем, носивших исключительно экономический характер.[651] 1911 год, принесший уже 22 политические забастовки, еще больше укрепил большевиков в их вере в приход «нового оживления», а так наз. «Ленские события» начала 1912 года, вызвавшие широкие отклики по всей империи (в том числе и в Белоруссии[652]), стали рассматриваться уже прямо как «ка-

[648] Современные большевистские авторы, Н. Мяшкоў и М. Шкляр, в своей работе «Бальшэвікі Беларусі ў пэрыяд першай рускай рэволюцыі», приводят другие данные о росте Минской группы, так же как будто бы близком к 100% (с 350 членов в 1904 г. до 600 в 1905 — см. журнал «Комуніст Беларусі», № 7, 1955, стр. 57), однако, без ссылок на источники этих данных.
[649] См. Н. Недасек. Очерки истории большевизма в Белоруссии. I. Большевизм на путях установления контроля над Белоруссией, Мюнхен, 1954, стр. 9—11.
[650] С. Агурский, op. cit., стр. 178.
[651] Там же, стр. 181.
[652] Там же, стр. 183—188.

нун новой революции». Бунд, однако, попрежнему оставался здесь скептиком; состоявшаяся в том же 1912 г. IX конференция его снова констатировала, что «под влиянием ленских событий, среди некоторой части социал-демократов раздаются голоса, что мы находимся снова накануне революции; это неверно, у нас нет никаких оснований для такого утверждения» и что «призыв к непосредственной политической борьбе вокруг лозунга демократической республики означал бы: призывать к немедленной революции, что в нынешней обстановке совершенно невозможно».[653] Дальнейший ход событий полностью оправдал эту оценку, и все призывы к непосредственной политической борьбе и «немедленной революции», бросавшиеся наиболее горячими сторонниками «утопических схем», оставались тщетными.

Недостаточно оказалось «нового оживления» и для возрождения организаций РСДРП в Белоруссии, прекративших свое существование к 1909 году. До сих пор имеются сведения о весьма ограниченном и временном «возрождении» в порядке этого «оживления» лишь двух комитетов РСДРП в Белоруссии — Полесского (в 1910—1914 гг.) и Виленского (со средины 1912 г.). Но вся «работа» этих организаций сводилась лишь к глубоко законспирированной кружковщине небольшого охвата, осторожному руководству редкими местными забастовками, попыткам печатания прокламаций, стоившим жизни занимавшемуся всем этим преимущественно большевисткому Полесскому комитету, или — к участию в выборах в очередную IV Государственную Думу (в блоке с Литовской СДП, кандидат которой, однако, провалился) и в некоторых заграничных совещаниях РСДРП того времени, что занимало преимущественно меньшевистский Виленский комитет.[654]

Но на заграничных совещаниях РСДРП следует остановиться особо, так как они и были, пожалуй, наиболее ощутительным результатом действия «нового оживления» на эту партию. Из совещаний этих следует отметить прежде всего августовскую конференцию 1912 г., создавшую так наз. «августовский блок», так как, по верному замечанию Агурского, «одна из резолюций августовской конференции имела большое значение для Белоруссии. Речь идет об утверждении требования Кавказской организации РСДРП о национально-культурной автономии».[655] Виленский Комитет РСДРП посылал на августовскую конференцию своего делегата.[656] Решения этой конференции, «антибольшевистской» по характеристике большевиков[657], вызвали взрыв негодования со стороны последних, уже на созванной ими в январе 1912 г. в Праге VI конференции РСДРП, окончательно порвавших с меньшевиками. На этой Пражской конференции Белоруссия была представлена всего одним делегатом от Виленской и Двинской организаций[658] (приветствовала конференцию также некая «организация города X» из «Северо-Западного Края»[659]). Делегаты от национальных центров на конференцию не при-

[653] Там же, стр. 192.
[654] Некоторые подробности о «возрожденных» комитетах» РСДРП можно найти у нас — Н. Недасек. Очерки истории большевизма в Белоруссии. I. Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией, Мюнхен, 1954, стр. 11—12.
[655] С. Агурский, op. cit., стр. 193.
[656] И. Юренев, op. cit., стр. 186.
[657] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 131.
[658] Всероссийская Конференция РСДРП 1912 года, издание ЦК, Париж, 1912, стр. 5.
[659] Там же, стр. 6.

были, и принятая по этому поводу специальная пространная резолюция фактически оформляла разрыв большевиков и с «националами» (это ленинское словечко широко использовалось в резолюции), утверждая, что: «1) опыт окончательно доказал недопустимость такого положения дел в партии, при котором „националы", работающие совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа — часто независимо от своего желания — ставили важнейшие русские организации в такое положение, что без национальных центров, практически в русской работе абсолютно не участвующих, РСДРП не могла приводить в исполнение самых необходимых и самых важных партийных начинаний; 2) один из национальных центров (Бунд) за последний год открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в РСДРП, а другие (центры латышей и ПСД) в решительный момент отстранились от борьбы против разрушителей партии... 4) Центральные Комитеты всех трех национальных организаций были трижды приглашены на партийную конференцию... им обеспечена полная возможность прислать своих делегатов... конференция возлагает всю ответственность за неявку „националов" на их центры».[660]

Большевистские источники придают большое значение Пражской конференции; по сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)» «Пражская конференция, изгнав меньшевиков из партии, оформила самостоятельное существование большевистской партии», по самому Сталину «эта конференция имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо она положила межу между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию».[661]

Акцептация принципа национально-культурной автономии августовской конференцией, вызвав ожесточенную полемику со стороны большевиков, поставила в центр их внимания не только данный принцип, но и самый национальный вопрос вообще. В результате этого появляются «Критические заметки по национальному вопросу» Ленина (1913 г.), его же «О праве наций на самоопределение» (1914 г.), а также инспирированная и прорежиссированная Лениным работа Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия (1913 г. При последующих переизданиях получила название «Марксизм и национальный вопрос», под которым и известна, как одна из наиболее„капитальных" работ этого автора) — полуполимизируюшие, полутеоретизирующие труды, получившие у большевиков значение классических, настольных по данному вопросу. Лейтмотив всех этих работ — категорическое отрицание принципа национально-культурной автономии при противопоставлении ему «права наций на самоопределение плоть до отделения» — положение, на первый взгляд кажущееся странно антиномичным, поскольку при признании якобы права наций на полную их независимость решительно отвергается право их даже на автономию в области культуры, т. е. гораздо более узкое право, удовлетворяющее более скромным требованиям, чем это крайнее «вплоть до отделения». Однако при более глубоком расследовании данного момента оказывается, что антиномичность здесь лишь внешняя, так сказать, словесно (или фразеологично) диалектическая, поскольку само признание «права на самоопределение вплоть до отделения» всегда давалось большевиками лишь на словах, лишь декларативно, лишь для парализования действия других, опасных своим не словесным, а дело-

[660] Там же, стр. 15—16.
[661] История ВКП(б), op. cit., стр. 137.

вым характером моментов, на практике же «право» это всегда отрицалось не менее решительно, чем те опасные моменты. Такое понимание данного подхода было весьма откровенно, вплоть до цинизма, разъяснено тем же Лениным в том же 1913 году, правда, уже не в печатной работе, а в личном письме к одному из кавказских большевиков, Степану Шаумяну, перед которым, конечно, не было необходимости скрывать свое истинное отношение в непредназначавшемся для печати послании. Так как этот документ, по своей значительности воистину заслуживающий титул «послания к Шаумяну» главного апостола большевизма — самого Ленина, до сих пор не привлек к себе должного внимания и так как, с другой стороны, он вскрывает подлинную позицию большевизма в национальном вопросе с предельной ясностью — следует остановиться на нем особо и процитировать хотя бы в основном (благо, при своей красноречивости цитаты эти не потребуют особых комментариев).

Письмо Ленина к Шаумяну, написанное из Кракова 23 ноября 1913 года (опубликовано в 1925 г., в выпуске III «Ленинского Сборника»[662]), представляет собой ответы на некоторые вопросы и разъяснения некоторых недоумений, высказанных кавказским большевиком в его письме к Ленину, текст которого, повидимому, не сохранился. Первое недоумение Шаумяна касалось вопроса о судьбе русского языка при лишении его положения языка государственного в случае переустройства империи на основаниях «самоопределения вплоть до отделения». Ленин разъясняет этот момент следующим образом: «Прогрессивное значение русского языка для тьмы мелких и отсталых наций — бесспорно. Но неужели Вы не видите, что он имел бы прогрессивное значение еще в большем размахе, если бы не было принуждения? Что же, разве, „государственный язык" не означает палки, отбивающей от русского языка? Как Вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, единого языка, больших государств? Но еще важнее экономика, чем психология: в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым. И Вы не верите в силу экономики и хотите костылями полицейской швали подкрепить экономику? Неужели Вы не видите, что этим Вы уродуете экономику, тормозите ее? Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка?».[663] Таким образом, Ленин, исходя из открыто признаваемого им «бесспорным» тезиса «прогрессивного значения централизации, единого языка, больших государств», высказывается, лишь против русификации сверху, основанной на принуждении, вытекающем из применения законов «большого государства» и раздражающем «национальную психологию», но за русификацию снизу, на основании того же принуждения, и даже еще более сильного, так как вытекающего из действия более суровых, «железных» законов экономики, подкрепляемого деятельностью «утысячеренных вольных союзов распространения русского языка», т. е. за ту же русификацию, но в еще более сильной степени ее действия. Так обнаруживается здесь истинная ленинская позиция «великорусского великодержавничества» и русификаторства — «русотяпства» (все

[662] Институт Ленина при ЦК РКП(б). Ленинской сборник. III. Под редакцией Л. Б. Каменева, Москва-Ленинград, MCMXXV, стр. 471—473.
[663] Там же, стр. 471—472.

термины самого Ленина), печатно объявлявшегося неоднократно и Лениным и ленинцами «главной опасностью», а на практике, однако, не только никогда не преследовавшегося ими в качестве таковой, но, наоборот, представлявшего собой фактическую линию проведения национальной политики на территории «большого государства» Российской империи, попавшего в их руки после октября 1917 года.

Главное недоумение у Шаумяна, однако, вызывал, повидимому, не вопрос о государственном языке, а проблема соотношения принципов автономии, федерации и «самоопределения вплоть до отделения». Недоумения эти вызвали у Ленина еще менее скрываемое раздражение и, отсюда, еще большую резкость и откровенность его разъяснений: «Почему Польше автономия, а Кавказу, Югу, Уралу нет? Ведь пределы автономии определит центральный парламент. Мы за демократический централизм безусловно. Мы против федерации. Мы за якобинцев против жирондистов ... Но бояться автономии в России ... Помилуйте, это смешно. Это реакционно ... Оно (право на национальное самоопределение вплоть до отделения. Н. Н.) не означает прав на федерацию. Федерация есть союз равных, союз, требующий общего согласия. Как же может быть право одной стороны на согласие с ней другой стороны? Это абсурд. Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или вернее, если гнет и трения «сожительства» таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь «право» на федерацию. «Право на автономию?» Опять неверно. Мы за автономию для всех частей, мы за право отделения (а не за отделение всех). Автономия есть наш план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем мы против отделения, но мы стоим за право на отделение в виду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения. Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма. Исключение это безусловно необходимо перед лицом черносотенного великорусского национализма и малейший отказ от этого исключения есть оппортунизмом (как у Р. Люксембург), есть глупенькая игра на руку великорусскому черносотенному национализма. Но исключения нельзя толковать расширительно. Ничего, абсолютно ничего, кроме права на отделение здесь нет и быть не должно».[664] И в заключительных строках письма откровенность Ленина прямо переходит в цинизм: «Против „изменения" программы, — против „национальной программы"? И тут не согласен. Вы боитесь слов. Нечего их бояться. Все равно ее (программу) все изменяют тайком, подло, в худшую сторону».[665]

Вряд ли требуют каких-либо комментариев разъяснения Ленина Шаумяну и вряд ли трудно разглядеть в них основные черты той «не боящейся слов» политики централизации снизу, оправдываемой всемогущим «делом экономической связи», маскируемой различными «правами» — на «самоопределение», «отделение», «свободный выход из союза» (без единственного права — права на осуществление всех этих прав), имеющими смысл лишь «в виду» и «перед лицом» «поганящего и портящего дело» слишком грубого

[664] Там же, стр. 472—473.
[665] Там же, стр. 473.

и топорного «черносотенного» централизма сверху — основные черты той пресловутой «нацполитики» утонченного угнетения, которую так блестяще демонстрирует более поздняя история большевизма в Белоруссии и которую мы постараемся вскрыть во всей ее полноте и детальности при нашем изложении этой истории. Пока лишь ограничимся констатированием того факта, что основные линии этой политики были уже вполне сложившимися и совершенно ясными для Ленина, во всяком случае, к моменту его письма к Шаумяну в 1913 году. Можно, пожалуй, добавить еще, что отдельные моменты, разъясненные Лениным Шаумяну, ему приходилось тем же порядком (т. е. в письмах) разъяснять в том же духе и еще некоторым другим своим корреспондентам (кстати, также из кавказских большевиков). Так, в том же выпуске III «Ленинского сборника», где было опубликовано письмо к Шаумяну, находим письмо к Н. Д. Кикнадзе, писанное из Берна в конце 1916 года.[666] Здесь Ленин старается разъяснить кажущийся «двояким» подход его к национальному вопросу: «Это — не „двоякое" воспитание, а приведение разных вещей к одному знаменателю, ведение к одной Москве из Нижнего и Смоленска» — такой красочной аналогией подкрепляет он свое разъяснение.[667] Как и Шаумяну, Ленин растолковывает непонятливому Кикнадзе, что «мы за свободу отделения Голландской Индии. А социал-демократ Голландской Индии **обязан** ли быть за отделение? Вот Вам еще пример якобы «двоякого» воспитания!!», и несколько дальше. «Шведский социал-демократ, не стоящий за **свободу** отделения Норвегии, есть негодяй... Норвежский социал-демократ может быть и за отделение и **против**»[668] (подчеркивания оригинала. Н. Н.). Так еще раз, на кажущихся нейтральными и далекими примерах, подсказывается для «руководства к действию» в собственном «большом государстве» тактическое распределение ролей, при котором на деятелей центральной нации этого государства возлагается импонирующая, почетная (в полном смысле этого слова) обязанность отстаивать «право» на сепарацию для периферийных наций, деятели которых обязаны «организовать» «добровольно» отказ своих «националов» от осуществления этого права и тем самым обеспечить сохранение «прогрессивного явления» централизации — тактика, впоследствии нашедшая себе широкое применение для Белоруссии, Украины и других периферийных областей принятой большевиками под свой контроль Российской империи.

Но возвратимся от заграничной деятельности РСДРП к положению в нашей Белоруссии с тем, чтобы закончить вообще наше изложение, так как уже отмеченной нами полной ликвидацией революционного движения в нашем крае, собственно говоря, и заканчивается подлежащий здесь нашему рассмотрению дореволюционный период времени. Вспыхнувшая в 1914 г. и так сильно поразившая Белоруссию I мировая война не изменила прежнего положения, а занесенные ею в Белоруссию из других районов империи единицы и группки большевиков, не нарушая общей картины все так же продолжавшейся мертвой полосы в революционном движении, представляли собой лишь зачатки силы, выступившей на арену в следующем историческом периоде, и в качестве таковых они и рассмотрены нами в посвященном тому периоду первом выпуске наших «Очерков истории большевизма в Белоруссии».[669]

Подведем теперь кратко и сжато наиболее общие итоги нашему изложению.

а) Оживление революционного движения в первых годах XX в. (1900—1903) определило собой политизацию этого движения, наложившую свой отпечаток на развитие ставшего к данному моменту «монополистом» его в Белоруссии Бунда, а также вызвавшую оформление новой крупной партии во всероссийском масштабе — партии социалистов-революционеров, истоками своими связанной и с Белоруссией (с возникшей еще в 1899 году в Минске Ребочей Партией Политического Освобождения России); с другой стороны, дальше прогрессировала и национализация движения, по линии которой Бунд дошел до приятия принципов национально-партийного сепаратизма и национально-культурной автономии; на пересечении линии политизации (и далее — социалистизации) и национализации родились новые национально-партийные образования, как еврейский «Поалей-Цион» и Белорусская Социалистическая Громада; одновременно со всем этим происходившее за границей зарождение и кристаллизация большевизма в недрах «Старой Искры» проходило вне сколько-нибудь ощутительной связи и контактов с Белоруссией.

б) Происшедший в рамках отметившего собой II съезд РСДРП в 1903 году размежевания разрыв Бунда с этой партией вызвал к жизни появление в Белоруссии самостоятельных организаций РСДРП, вначале (с 1903—1904 гг.) в форме местных групп (в Вильно, Минске, Бобруйске, Гомеле и др. пунктах), в дальнейшем объединившихся в районные организации (Полесский и Северо-Западный Комитет РСДРП с 1904 г.) и, наконец, в областную всебелорусскую организацию (Северо-Западный Союз РСДРП с 1905 г., переименованый в Областной Союз Литвы и Белоруссии в 1906 г.); однако, завершивший упомянутое размежевание фракционный раскол внутри РСДРП на «большевиков» и «меньшевиков» не нашел себе четкого выражения в жизни организаций партии в Белоруссии как ввиду необходимости сохранения партийного единства перед лицом общей для обеих фракций борьбы с Бундом, так и вследствие признаваемого даже большевистскими исследователями отсутствия здесь «хорошей почвы для значительного роста большевизма»; последний лишь временно и спорадически окрашивает собой те или иные местные организации (Минскую в особенности), в массе своей обнаружившие большую и все более увеличивавшуюся склонность к меньшевизму.

в) В то время, как прогрессировала национализация находившихся и возникавших вне РСДРП социал-демократических организаций в Белоруссии (см. пункт «а») РСДРП не обнаружила ни малейшего стремления к вступлению на этот путь, большевизм же вообще в принципе и фактически сразу же занял позицию политики денационализации, конкретно-русификации, сформулированную Лениным уже в данный период (письмо к Шаумяну, 1913 г.).

г) Через революционный подъем 1905 года и последовавшую за ним реакцию, участвуя в местном революционном движении (менее всего — в дви-

---

[666] Там же, стр. 476—479.
[667] Там же, стр. 477.
[668] Там же, стр. 478.

[669] См. Н. Недасек. Очерки истории большевизма в Белоруссии. I. Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией, Мюнхен, 1954, стр. 12—14.

жении крестьянском), а также в очередных заграничных съездах РСДРП (III Лондонский в 1905 г., IV Стокгольмский «Объединительный» в 1906 г., V Лондонский в 1907 г.), организации РСДРП в Белоруссии пришли к полному своему развалу в 1907—1908 гг., под ударами реакции извне и деморализации изнутри, так что период с 1909 г. и до 1917 г. представляет собой совершенно мертвую полосу как для РСДРП, так и, в частности, для большевизма в Белоруссии.

д) Количественно характеристика организаций РСДРП в Белоруссии даже в момент их наибольшего расцвета (1905 г.) в данном периоде может быть приблизительно приравнена к характеристике всего социал-демократического движения в крае в предшествовавшем периоде (см. пункт «и» выводов части I настоящей работы), т. е. и здесь она измеряется не более, как сотнями (с приближением к единицам тысячи) вовлекавшихся лиц; количественная характеристика большевистских элементов этих организаций не поддается точному определению в силу указанных выше в пункте «б» моментов, но в соответствии с этими моментами не может быть в общем оценена иначе, как величина переменная с явным стремлением к нижнему пределу. Все это относится также и к количественной характеристике руководящего слоя и «актива» (десятки единиц), а также и к социальному составу их (та же интеллигенция, что и в предшествовавшем периоде).

N. Nedasek

BOLSHEVISM IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN BELORUSSIA

The present article is an investigation into the history of Bolshevism within the revolutionary movement in Belorussia up to the revolution of 1917, and may serve as introduction to the history of Bolshevism in that country.

Research into the history of Belorussia in the XIX century shows that there existed on that territory extremely favorable grounds for a revolutionary movement as a result of revolutionizing trends unusual even under conditions of "concentrated oppression" of an economic, social, national and religious character existing in the Russian empire. This soil conducive to revolution ensured the appearance and development of the Social Democratic movement in the country despite the lack of a social proletarian substratum necessary for such a movement.

The comparative proximity of Belorussia to the West, and its traditional close relations with its neighbor Poland, which had direct contacts with the West, guaranteed the reception here of western Social Democratic ideas comparatively earlier and by a more direct route, i. e., through personal contact, than in the eastern regions of Russia proper.

The extremely advanced revolutionary spirit of two groups of the population of Belorussia of the period in question, namely, of Belorussians of the Roman Catholic faith and of Jews, was due to the more intense oppression of these groups based on religious discrimination. This meant that the development of the Social Democratic movement was channeled along two lines, of which the first, the Roman Catholic group, was stimulated and controlled by Poland a movement with which it had a religious affinity, and the second was led by Jews. These two trends preserved ideological and frequently even direct contact between themselves. Through the first "Polish" channel, there penetrated into Belorussia the influence of formations of the Bolshevik type such as "Proletariat" and "Social Democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania", which were created on Polish soil. Along the second "Jewish" line, formations of a national proletarian character appeared, the "Bund" and the "Russian Social Democratic Workers' Party", created during the period of the first Constituent Congress which took place in 1897 in Minsk. These formations were alien to Bolshevism and contributed nothing constructive to it. Their initiative came from Belorussian territory and originated in the Jewish movement developing there. In both its lines the Social Democratic movement in Belorussia passed during the XIX century through stages of development: (1) The cell stage of Social Democratic propaganda, with centers in Vilna and particularly Minsk, lasting till 1887; (2) The transitory stage of interaction of influence between the Social Democratic cell movement and the spontaneous mass workers' economic movement, lasting until 1892—1894; (3) The stage of transition from cell propaganda to

mass agitation and nationalization of the movement, which led to the creation of party organizations of a national character such as the "Lithuanian Social Democratic Party," the "Bund", and the All-Empire "Russian Social Democratic Workers Party" (RSDRP).

The process of nationalizing this movement which developed during that period is particularly characteristic of the two latter stages of the Social Democratic movement in Belorussia. These processes, under research, reveal the influence of the general "mechanism of nationalization" leading to the following stages: (1) The movement adopted the policy "relying on the masses"; (2) Subsequent linguistic nationalization originating in (1), and leading to a simultaneous nationalization of consciousness: (3) The appearance of "national consciousness" as a result of previous trends, and the galvanizing of that consciousness into action; (4) Formulation by this "national consciousness" of the principle of "national self-determination including separation," i. e., up to "national separatism," which during that period found its expression in party organizational circles.

Participants in the Social Democratic movement of Belorussia in the XIX century numbered only hundreds, although the figure was beginning to approach a thousand. This number, under the conditions of that period and in comparison with the corresponding figures for the central and eastern regions of the Russian empire, is impressive. However, in general in relation to the total population of Belorussia, and in comparison with the class conscious proletarian population, which numbered tens of thousands, this figure for persons actively engaged in the Social Democratic movement in Belorussia appears extremely modest. Therefore all references to the "mass" character of the movement are strictly relative. The numerical strength of the leadership and active elements of the movements can be measured in tens of individuals. From the social point of view the leadership consisted almost exclusively of intellectuals who had hardly any connection with the proletariat, even by their origin.

During the first years of the XX century the activity of the revolutionary movement in Belorussia developed considerably as a result of the economic crisis throughout the Russian empire. Subsequent to its increased activity, the revolutionary movement in Belorussia began to assume a political character, finding its expression in the "Bund" which at that time had an almost complete monopoly of the movement, and inspired the creation of a new large political party on an all-empire scale under the name of the "Party of Socialists-Revolutionaries." "ESER" for short, whose origins were connected with Belorussia by the establishment in Minsk in 1899 of the "Workers' Party for the Political Liberation of Russia." At the same time nationalization of the movement was proceeding, and the Jewish "Bund" approved the principle of national party separatism and national cultural autonomy. The political and national trend of the movement led to the formation of new national party organizations such as the Jewish "Poaley-Sion" and the "Belorussian Socialist Hramada." The latter was the first exclusively Belorussian revolutionary party of a definite social-democratic character. Centrifugal trends within the Russian Social Democratic Workers' Party forced the split of the Jewish "Bund" at the 2nd Congress of the RSDRP in 1903 and encouraged the establishment in Belorussia of the first independent local organizations of the RSDRP in 1903—1904, initially as local groups in Vilna, Minsk, Bobruysk, Gomel and other towns, later fusing into the regional organizations known as the "Polesie and Northwestern Committees of the RSDRP," and finally into the regional All-Belorussian organization in 1905 named the "Northwestern Union Of Lithuania and Belorussia." However, the centrifugal trend within the RSDRP, which at the 2nd Congress produced the split into the fractions of "Bolsheviks" and "Mensheviks," was not clearly reflected in the organizational life of the party in Belorussia due to the necessity of preserving party unity in the common struggle of both trends against the "Bund" and due to the absence in Belorussia of "favorable soil for the significant growth of Bolshevism," as has been admitted by Bolshevik historians. Bolshevism dominated certain local party organizations of the RSDRP in Belorussia only temporarily and sporadically, particularly in Minsk, whereas the bulk of these local organizations showed a strong and increasing inclination towards "Menshevism."

While the nationalization of Social Democratic organizations of Belorussia which lay outside the RSDRP and were newly established, progressed, the RSDRP itself showed not the slightest inclination to follow this path. As for Bolshevism in principle and in practice, it immediately adopted the policy of denationalization — to be more concrete, of russification — already formulated by Lenin during that period (see his letter to Shaumian, 1913).

Through the revolutionary upsurge of 1905 and the subsequent reaction, the organizations of the RSDRP of Belorussia which took part in the local revolutionary movement were completely disintigrated by 1907—1908 under the blows of reaction from without and demoralization from within, so that during the period from 1909 to 1917 it represented an almost completely dead line both for the RSDRP in general and for Bolshevism in Belorussia in particular.

The number of participants in the organization of the RSDRP in Belorussia, even at its peak (in 1905), can be compared approximately with the number involved in the whole Social Democratic movement in the country in the XIX century, i. e., even here it did not amount to more than hundreds of persons actively engaged in the movement. The same may be said of the relative numerical strength of the leadership and active membership (which counted tens of individuals), as well as of their social composition, which consisted mainly of intellectuals, as in the XIX century.

© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

N. Nedasek

DER BOLSCHEWISMUS INNERHALB DER REVOLUTIONSBEWEGUNG IN WEISSRUTHENIEN

Vorliegende Schrift ist das Ergebnis einer systematischen Erforschung der Rolle, welche der Bolschewismus innerhalb der weißruthenischen Revolutionsbewegung bis zum Ausbruch der Revolution von 1917 gespielt hatte, und hat die Einführung in die Geschichte des Bolschewismus in Weißruthenien zum Zwek.

Bei der Erforschung historischer Tatsachen in Weißruthenien im Laufe des XIX Jahrhunderts läßt es sich feststellen, daß der Boden in diesem Lande für die Entwicklung einer revolutionären Bewegung besonders günstig war. Günstige Voraussetzungen dafür lagen in dem sogar für das ehemalige russische Imperium beispiellosen wirtschaftlichen, sozialen, nationalen und religiösen Unterjochungssystem. Die Entstehung und Weiterentwicklung einer sozialdemokratischen Bewegung im Lande hatte, trotz mangelnder sozialer und proletarischer Gegebenheiten, eben diese revolutionäre Bereitwilligkeit allgemeiner Natur zur günstigsten Voraussetzung.

Die geographisch vergleichsweise günstige Lage Weißrutheniens im Hinblick auf den Westen sowie die traditionellen Bande mit dem angrenzenden Polen, das seinerseits mit den westlichen Staaten unmittelbar verbunden war, förderte das Eindringen westlichen sozialdemokratischen Gedankengutes von Mensch zu Mensch, auf direkterem Wege also, als dies in den eigentlichen, weiter östlich liegenden russischen Gebieten der Fall war.

Die günstigsten Voraussetzungen für die revolutionäre Saat bestanden bei zwei Volksgruppen — den Weißruthenen römisch-katholischer Konfession und den Juden. Dieses lag an der fühlbareren Unterjochung dieser Volksgruppen infolge ihrer Diskriminierung auf religiöser Grundlage und prädistinierte sie für eine günstige Aufnahme sozialdemokratischer Ideen aus zweierlei Quellen: die erste entsprang dem katholischen Polen und bildete ein starkwirkendes Stimulans, die zweite wurde von Juden gespeist, wobei beide Quellen auf ideellem Gebiet, ab und zu auch unmittelbar, ineinanderflossen. Über den ersten, bedingt „polnisch" zu nennenden Weg, dringen die ersten Neubildungen bolschewistischen Typs und bolschewistischer Ausgerichtetheit („das Proletariat" „Sozialdemokratie des Königreichs Polen-Litauen") nach Weißruthenien. Der zweite, bedingt „jüdisch" zu nennende, führte zur Bildung des dem Bolschewismus fernstehenden und im Sinne einer Ideen-Vererbung ihm nichts hinterlassenden „Bundes" und der „Allrussischen Sozialdemokratischen Arbeiterpartei" (RSDRP) national-proletarischer Prägung, deren Gründung auf die erste Verfassunggebende Versammlung der Sozialdemokraten auf weißruthenischem Territorium um 1897 zurückgeht und auf die Initiative auf dem gleichen Territorium befindlicher Elemente jüdischer Herkunft zurückzuführen ist.

Beide Entwicklungsprozesse der sozialdemokratischen Bewegung in Weißruthenien weisen im Laufe des XIX Jahrhunderts drei Entwicklungs-Stadien auf:

1. die Etappe der von wenig zahlreichen Zirkeln ausgehenden sozialdemokratischen Propaganda, deren Zentrum sich bis 1887 in Wilno und, insbesondere, in Minsk befand;
2. das Übergangsstadium einer Wechselwirkung zwischen der Bewegung, deren Träger sozialdemokratische Zirkel waren, und einer elementar ausgebrochenen wirtschaftlichen Arbeiter-Massenbewegung bis 1892—1894;
3. die Übergangsetappe von der Zirkel-Propaganda zur Massenagitation und zur Bildung national-betonter Einheiten („Litauische Sozialdemokratische Partei" und der „Bund") sowie zur Bildung einer sozialistischen Partei von Reichsdimensionen (der RSDRP) gegen Ende des XIX Jahrhunderts.

Für beide letzteren Etappen der sozialdemokratischen Bewegung in Weißruthenien ist der Prozeß ihrer Nationalisierung besonders charakteristisch. Bei einer Untersuchung dieses Prozesses, läßt sich der Einfluß eines allgemeinen „Nationalisierungs-Mechanismus" feststellen, der auf folgende nacheinander resultierende Momente zurückzuführen ist:

1. auf den von der Bewegung akzeptierten „Einsatz auf die Volksmasse",
2. auf die daraus resultierende sprachliche Absonderung, welche ein Symptom der Stärkung des nationalen Bewußtseins bildete,
3. auf das Aufkeimen des „nationalen Bewußtseins" im letzteren Prozeß und den Beginn von dessen Wirksamkeit,
4. auf die Betonung seitens der Repräsentanten dieses erwachten nationalen Selbstbewußtseins des Prinzips der „nationalen Selbstbestimmung bis zur Loslösung", d. h. bis zum „nationalen Separatismus", welcher sich gegebenenfalls ausschließlich auf parteiorganisatorischem Gebiete manifestierte.

Zahlenmäßig lassen sich Anhänger der sozialdemokratischen Bewegung in Weißruthenien im XIX Jahrhundert nur in Hunderten, die sich freilich der Tausendgrenze näherten, ausdrücken. Diese Kennziffer ist angesichts der obwaltenden Verhältnisse und im Vergleich zu den für die östlichen, dem Zentrum des ehemaligen russischen Reiches angehörenden Gebiete gültigen Kennziffern respekteinflößend. Im absoluten Sinne jedoch und im Verhältnis zur allgemeinen Einwohnerzahl Weißrutheniens sowie zur Anzahl der Proletarier (deren es an die Hunderttausend gab) ist diese Kennziffer sehr bescheiden. Aus diesem Grunde hat die Bezeichnung „Massenbewegung" in diesem Falle vorläufig einen nur bedingten und relativen Wert. An der Spitze der Bewegung standen und bildeten deren Aktivposten nur Einzelpersonen. In sozialer Hinsicht waren dies beinahe ausschließlich Vertreter der Intelligenz mit mehr als zweifelhafter Vergangenheit und Provenienz im proletarischen Sinne.

In den ersten Jahren des XX Jahrhunderts (1900—1903) machte sich eine bedeutende Belebung der Revolutionsbewegung in Weißruthenien bemerkbar, welche mit der Industrie-Krise, von der ganz Rußland betroffen wurde, in Verbindung stand. Diese Belebung drückte der Revolutions-Bewegung Weißrutheniens einen politischen Stempel auf. Denselben Charakter erhielt auch der „Bund", der, man könnte sagen, in der Bewegung eine Monopolstellung einnahm sowie die Formation einer neuen reichsdimensionalen „Partei der Sozial-Revolutionäre" (SR), deren Ursprung ebenfalls auf weißruthenisches Gebiet (auf die 1893 in Minsk gegründete Arbeiterpartei zur politischen Befreiung Rußlands) zurückzuführen war. Anderseits machte auch die nationale Bewegung Fortschritte. Seine Linie verfolgend, akzeptierte der „Bund" die Grundsätze eines national-parteilichen Separatismus und einer kulturellen Autonomie im nationalen Sinne. Am Kreuzungspunkt der nationalen und der politischen Linie entstanden nationalpolitische Neubildungen, wie z. B. die jüdische Partei „Poalei-Zion" und die „Weißruthenische Sozialistische Hramada" — die erste Revolutionspartei der Weißruthenen selbst von ausgesprochenem sozialdemokratischem Charakter.

Der bei der zweiten Tagung der RSDRP um 1903 entstandene Bruch zwischen dem „Bund" und der ersten Partei zog die Bildung der ersten selbständigen Organisationen der RSDRP in Weißruthenien nach sich, zuerst in Form von Lokalgruppen (1903—1904) in Wilno, Minsk, Bobruisk, Gomel usw., sodann von Gebietsorganisationen (das Polessje- und

das Nordwest-Komitee der RDSRP um 1904) und, schließlich, der ganz Weißruthenien umfassenden Gebietsorganisation (der Nordwestlichen Union der RSDRP ab 1905, welche zur Gebietsunion Litauens und Weißrutheniens um 1906 umbenannt wurde). Jedoch fand die bei der zweiten Tagung entstandene Fraktions-Spaltung in „Bolschewiken" und „Menschewiken" innerhalb der RDSRP nach außen hin keinen sichtbaren Ausdruck. Angesichts des Kampfes beider Fraktionen mit dem „Bund" und des sogar von bolschewistischen Forschern zugegebenen „Mangels an dankbarem Boden für ein beträchtliches Anwachsen des Bolschewismus in Weißruthenien", mußte die Einigkeit innerhalb der RSDRP gewahrt bleiben. Die lokalen Organisationen der RSDRP erhielten nur zeitweilig und sporadisch eine bolschewistische Färbung (besonders diejenigen im Minsker Gebiet), bei der großen Masse jedoch machte sich eine deutliche Zuneigung zum „Menschewismus" immer stärker bemerkbar.

Während die nationale Idee bei den sich außerhalb der RSDRP und der sozialdemokratischen Parteineubildungen befindlichen Organisationen sich immer deutlicher bemerkbar machte, äußerte die RSDRP nicht den geringsten Wunsch, diesen Weg zu beschreiten. Der Bolschewismus selbst nahm von vorneherein grundsätzlich und de facto eine antinationale Stellung ein, die sich konkret in einer Russifizierungspolitik äußerte, für welche Lenin bereits damals die entsprechende Formel gefunden hatte (sein Brief an Schaumjan, um 1913).

Nach dem revolutionären Elan von 1905 und der darauffolgenden Reaktion, trat bei der an der Revolutionsbewegung teilnehmenden RSDRP 1908 ein völliger Zusammenbruch ein. Er erfolgte unter dem Einfluß einer Reaktion von außen und einer Demoralisierung von innen, so daß der Zeitabschnitt 1909—1917 für die RSDRP im allgemeinen und für den Bolschewismus in Weißruthenien im besonderen eine tote Zone bedeutete.

Zahlenmäßig läßt die RSDRP sich auch in ihrer Blütezeit in Weißruthenien (um 1905) ungefähr der Teilnehmerzahl an der gesamten sozialdemokratischen Bewegung im Lande im Laufe des XIX Jahrhunderts angleichen. Sie umfaßte einige Hundert (an der Grenze der Tausend) Personen. Dasselbe gilt auch für die Führerschicht, (die einige Dutzend Personen zählte) sowie für ihren sozialen Bestand (d. h. das Vorwiegen der Intelligenzler, wie dies auch im XIX Jahrhundert der Fall war).

N. Nedasek

LE BOLCHÉVISME DANS LE MOUVEMENT RÉVOLUTIONNAIRE EN BIÉLORUSSIE

Le présent ouvrage est le résultat des recherches systématiques concernant le rôle que le Bolchévisme jouait dans le mouvement révolutionnaire en Biélorussie avant le début de la révolution d'Octobre 1917, et représente une introduction à l'histoire du Bolchévisme en Biélorussie.

En analysant les faits historiques en Biélorussie au cours du XIX-ème siècle on peut constater que le terrain de ce pays fut bien favorable au développement d'un mouvement révolutionnaire. Les conditions favorables à son développement résidaient dans le système inouï d'oppression économique, sociale, nationale et religieuse de l'ancien Empire Russe. Ce fut une disposition d'ordre général qui favorisait la naissance et le développement du mouvement démocratique socialiste en Biélorussie, malgré le manque d'une disposition dans le sens social ou prolétarien.

La situation géographique de la Biélorussie comparativement favorable à l'égard de l'Occident ainsi que les liens traditionnels avec la Pologne, qui à son tour était étroitement liée aux Etats occidentaux, favorisaient l'introduction des idées socialistes et démocratiques par une voie directe dans une plus grande mesure que ce ne fut le cas dans les provinces russes situées plus loin à l'Est.

Les conditions les plus favorables pour la semence révolutionnaire se rencontraient dans deux groupes de la population — les Biélorussiens catholiques romains et les Juifs. Les causes résidaient dans l'oppresion plus forte de ces groupes, par suite de leur discrimination religieuse, et les prédestinaient à accueillir favorablement les idées socialistes pour deux raisons — l'une fut que les Biélorussiens catholiques avaient trouvé une forte stimulation de la part de la Pologne aussi très catholique, l'autre tendance fut poursuivie par les Juifs. Les deux tendances confluaient parfois idéologiquement ou d'une manière immédiate. Par la première voie, qu'on peut nommer d'une façon convenue la voie polonaise, les premières formes nouvelles d'un type bolchéviste et de tendances bolchévistes pénétrèrent dans la Biélorussie (ce furent — le „Prolétariat" et la „Démocratie socialiste du royaume Pologne — Lithuanie"). La seconde, qu'on peut nommer d'une manière convenue la voie juive, conduisit à la création du «Bounde», organisation qui en ce qui concerne son idéologie, était bien loin du Bolchévisme et de laquelle celui-ci n'avait rien hérité, ainsi que le «Parti russe des ouvriers socialistes»d'un caractère prolétarien national dont la formation fut décidée au cours du Congrès Constituant des démocrates socialistes sur le territoire biélorussien, en 1897, et dont la formation eut lieu grâce à l'initiative des éléments d'origine juif se trouvant aussi en Biélorussie.

© Інтэрнэт-версія: Kamunikat.org 2019

Les deux lignes de développement du mouvement démocratique socialiste en Biélorussie avaient au cours du XIX-ème siècle trois ètapes de développement:

1. l'étape de propagande socialiste provenant des cercles peu nombreux dont le centre se trouvait jusqu'en 1887 à Vilno et, surtout, à Minsk;

2. l'étape transitoire d'influence réciproque entre le mouvement dont les porteurs furent les cercles socialistes aussi bien que les représentants d'un mouvement économique des masses ouvrières, né subitement entre 1892 et 1894;

3. l'étape transitoire conduisant de la propagande, menée par les cercles, à une propagande parmi les masses et à la formation des unités nationales (telles que le «Parti democratique socialiste lithuanien» et le «Bounde»), et d'un Parti de dimensions impériales (le RSDRP) vers la fin du XIX-ème siècle. Le processus de leur nationalisation est extrêmement caractéristique pour ces dernières deux étapes du mouvement socialiste en Biélorussie. En analysant ce processus, on peut constater l'influence d'un «mécanisme général de nationalisation» provenent des causes successives suivantes: 1. la «mise sur les masses du peuple», acceptée par le mouvement; 2. la différentiation linguistique qui en résultait et qui formait un symptôme de la fortification de la conscience nationale; 3. l'apparition de cette conscience nationale dans le processus ci devant nommé et le commencement de son effet; 4. la promulgation par les représentants de cette conscience nationale reveillée du «droit des nations de disposer d'elles-mêmes jusqu'à la séparation totale», c'est-à-dire jusqu'au séperatisme national qui se manifesta seulement dans le domaine organisatoire du Parti.

En ce qui concerne le nombre des adhérents du mouvement socialiste démocratique au cours du XIX-ème siècle celui-ci ne se manifestait que par quelques centaines de personnes qui approchaient un millier. Ce chiffre est tout à fait respectable, vu les conditions existantes et en comparaison avec ceux valables dans les régions orientales, appartenant au centre de l'ancien Empire Russe. Dans un sens absolu et à l'égard du nombre total des habitants en Biélorussie et du nombre des prolétariens (dont il y avait près de cent milles) cet index n'est que très modeste. Pour cette raison, la définition comme «mouvement de masses» n'a qu'une valeur relative et convenue. Au sommet du mouvement se trouvaient des personnes singulières. En ce qui concerne la classe sociale des dirigeants, elle se composait des intellectuels d'une origine et d'un passé prolétariens douteux.

Pendant les premières années du XX-ème siècle (1900—1903) une animation considérable du mouvement révolutionnaire en Biélorussie se fit sentir. Elle fut provoquée par la crise industrielle dont toute la Russie fut frappée. Cette animation conféra au mouvement révolutionnaire en Biélorussie un caractère politique. Le même caractère fut obtenu par le «Bounde» qui, pour ainsi dire, jouait dans le mouvement le rôle monopolisateur, ainsi que la formation d'un nouveau Parti de dimensions impériales, le «Parti des socialistes-révolutionnaires» (SR) également créé en Bielorussie, dont l'origine peut être attribuée au «Parti des ouvriers pour la libération politique de Russie» fondé à Minsk en 1899. De l'autre côté, ce fut le mouvement national qui faisait du progrès. En poursuivant sa ligne, le «Bounde» accepta les principes d'un séparatisme national du Parti et d'une autonomie culturelle nationale. Au croisement de la ligne politique et de la ligne nationale naquirent des formations nouvelles politiques nationales, telles que le Parti juif «Paolei-Zion» et la «Hramada socialiste biélorussienne», le premier parti biélorussien de caractère purement socialiste.

La rupture entre le «Bounde» et le Parti ci-devant nommé qui a eu lieu pendant la seconde conférence du RSDRP, en 1903, conduisit à la création de la première organisation indépendante du RSDRP en Biélorussie, premièrement sous forme de groupes locaux (1903—1904) à Vilno, Minsk, Bobruisk, Gomel etc., puis d'organisations régionales (le Comité régional du Polessié et celui du Nord-Ouest du RSDRP, en 1904) et, enfin, de l'organisation régionale comprenant toute la Biélorussie (l'Union du Nord-Ouest du RSDFP à partir de 1905, qui fut réorganisée en 1906 en Union Régionale de la Lithuanie et de la Biélorussie). Mais la division du Parti en fractions «bolchéviste» et «menchéviste», qui a eu lieu pendant le second congrès du RSDRP, ne trouva pas d'expression extérieure. Vu la lutte des deux fractions contre le «Bounde» et le «manque d'un sol favorable pour l'accroissement considérable du bolchévisme», avoué même par les historiens bolchévistes, l'union à l'intérieur du RSDRP devait rester intacte. Ce ne fut que sporadiquement et accidentellement que les organisations locales du RSDRP obtinrent une couleur bolchéviste (surtout à Minsk). Chez les grandes masses une inclination prononcée vers le «menchévisme» se faisait sentir d'une manière évidente.

Tandis que la nationalisation des Partis, se trouvant hors du RSDRP et des Partis nouveaux socialistes, se faisait sentir toujours plus fortement, le RSDRP n'éprouvait aucun désir de suivre la même voie. Le bolchévisme prit dès son origine théoriquement et de facto une attitude antinationale, qui s'exprimait par une politique de russification, pour laquelle Lénine à cette époque déjà avait trouvé une formule correspondante (dans sa lettre à Chaumian en 1913).

Après l'élan révolutionnaire de 1905 et la réaction dont il fut suivi, une debâcle totale eut lieu entre 1907 et 1908 du RSDRP, qui prit part au mouvement révolutionnaire. Elle se passa sous l'influence extérieure de cette réaction et d'une démoralisation intérieure de sorte, que l'intervalle de 1909 à 1917 ne signifia pour le RSDRP en général et pour le bolchévisme en particulier qu'une zone morte.

En ce qui concerne le nombre des membres du RSDRP, même au temps de son épanuissement (en 1905), il fut à peu près le même que celui des adhérents du mouvement révolutionnaire au cours du XIX-ème siècle. Il ne se chiffrait que par quelques centaines (près d'un millier) de personnes. La même chose fut à observer chez les dirigeants (dont il n'y avait que quelques douzaines) et dans la composition sociale du sommet qui, comme au cours du XIX-ème siècle, comprenait principalement des intellectuels.

ОГЛАВЛЕНИЕ